

ПАМЯТНИКИ ЛИТЕРАТУРЫ

Ф. М. Достоевскій.

ИГРОКЪ.

РОМАНЪ.

(ИЗЪ ЗАПИСОКЪ МОЛОДАГО ЧЕЛОВѢКА.)

Im Werden Verlag
München — Москва
2007

ГЛАВА I.

Наконецъ я возвратился изъ моей двухнедѣльной отлучки. Наши уже три дня, какъ были въ Рулетенбургѣ. Я думалъ, что они и Богъ знаютъ какъ ждутъ меня, однакожь ошибся. Генераль смотрѣлъ чрезвычайно независимо, поговорилъ со мной свысока и отослалъ меня къ сестрѣ. Было ясно, что они гдѣ нибудь перехватили денегъ. Мнѣ показалось даже, что генералу нѣсколько совѣстно глядѣть на меня. Марья Филипповна была въ чрезвычайныхъ хлопотахъ и поговорила со мною слегка; деньги однакожь приняла, сосчитала и выслушала весь мой рапортъ. Къ обѣду ждали Мезенцова, французика и еще какого-то англичанина; какъ водится, деньги есть, такъ тотчасъ и званый обѣдъ; по-московски. Полина Александровна, увидѣвъ меня, спросила: что я такъ долго? и не дождавшись отвѣта, ушла куда-то. Разумѣется, она сдѣлала это нарочно. Намъ однакожь надо объясниться. Много накопилось.

Мнѣ отвели маленькую комнатку, въ четвертомъ этажѣ отеля. Здѣсь извѣстно, что я принадлежу къ *свитѣ генерала*. По всему видно, что они успѣли-таки дать себя знать. Генерала считаютъ здѣсь всѣ богатѣйшимъ русскимъ вельможей. Еще до обѣда, онъ успѣлъ, между другими порученіями, дать мнѣ два тысячефранковыхъ билета размѣнять. Я размѣнялъ ихъ въ конторѣ отеля. Теперь на насъ будутъ смотрѣть, какъ на милліонеровъ, по крайней мѣрѣ цѣлую недѣлю. Я хотѣлъ было взять Мишу и Надю и пойти съ ними гулять; но съ лѣстницы меня позвали къ генералу; ему заблагоразсудилось освѣдомиться, куда я ихъ поведу? Этотъ человѣкъ рѣшительно не можетъ смотрѣть мнѣ прямо въ глаза; онъ бы и очень хотѣлъ, но я каждый разъ отвѣчаю ему такимъ пристальнымъ, т. е. непочтительнымъ взглядомъ, что онъ какъ будто конфузится. Въ весьма напыщенной рѣчи, насаживая одну фразу на другую, и, наконецъ, совсѣмъ запутавшись, онъ далъ мнѣ понять, чтобъ я гулялъ съ дѣтьми гдѣ нибудь, подальше отъ воксала, въ паркѣ. Наконецъ онъ разсердился совсѣмъ и круто прибавилъ: «А то вы пожалуй ихъ въ воксаль, на рулетку, поведете. Вы меня извините, прибавилъ онъ, но я знаю, вы еще довольно легкомысленны, и способны, пожалуй, играть. Во всякомъ случаѣ, хоть я и не менторъ вашъ, да и роли такой на себя брать не желаю, но, по крайней мѣрѣ, имѣю право пожелать, чтобы вы, такъ сказать, меня-то не окомпрометировали...»

— Да вѣдь у меня и денегъ нѣтъ, отвѣчалъ я спокойно; — чтобы проигратъся, нужно ихъ имѣть.

— Вы ихъ немедленно получите, отвѣтилъ генераль, покраснѣвъ немного, порылся у себя въ бюро, справился въ книжкѣ и оказалось, что за нимъ моихъ денегъ около 120 рублей.

— Какъ-же мы сосчитаемся, заговорилъ онъ, надо переводить на талеры. Да вотъ возьмите 100 талеровъ, круглымъ счетомъ, — остальное, конечно, не пропадетъ.

Я молча взялъ деньги.

— Вы пожалуста не обижайтесь моими словами, вы такъ обидчивы... Если я вамъ замѣтилъ, то я, такъ сказать, васъ предостерегъ, и ужь, конечно, имѣю на то нѣкоторое право...

Возвращаясь предъ обѣдомъ съ дѣтьми домой, я встрѣтилъ цѣлую кавалькаду. Наши ѣздили осматривать какія-то развалины. Двѣ превосходныя коляски, великолѣпныя лошади! Mademoiselle Blanche въ одной коляскѣ съ Марьей Филипповной и Полиной; французикъ, англичанинъ и нашъ генераль верхами. Прохожіе останавливались и смотрѣли; эффектъ былъ произведенъ; только генералу не сдобровать. Я рассчиталъ, что съ четырьмя тысячами франковъ, которыя я привезъ, да прибавивъ сюда то, что они очевидно успѣли перехватить, у нихъ теперь есть семь или восемь тысячъ франковъ; этого слишкомъ мало для m-lle Blanche.

M-lle Blanche стоитъ тоже въ нашемъ отелѣ, вмѣстѣ съ матерью; гдѣ-то тутъ-же и нашъ французикъ. Лакеи называютъ его «M-r le comte», мать, M-lle Blanche, называется «m-me la comtesse»; чтожъ, можетъ быть и въ самомъ дѣлѣ, они comte et comtesse.

Я такъ и зналъ, что m-r le comte меня не узнаетъ, когда мы соединимся за обѣдомъ. Генераль, конечно, и не подумалъ бы насъ знакомить или хоть меня ему отрекомендовать; а m-r le comte самъ бывалъ въ Россіи и знаетъ, какъ не велика птица — то, что они называютъ *outchitel*. Онъ, впрочемъ, меня очень хорошо знаетъ. Но, признаться, я и къ обѣду-то явился непрошленнымъ; кажется, генераль позабылъ распорядиться, а то бы навѣрно послалъ меня обѣдать за table d'hôt'омъ. Я явился самъ, такъ что генераль посмотрѣлъ на меня съ неудовольствиемъ. Добрая Марья Филипповна тотчасъ же указала мнѣ мѣсто; но встрѣча съ мистеромъ Астлеемъ меня выручила и я, поневолѣ, оказался принадлежащимъ къ ихъ обществу.

Этого страннаго англичанина я встрѣтилъ сначала въ Пруссіи, въ вагонѣ, гдѣ мы сидѣли другъ противъ друга, когда я догонялъ нашихъ; потомъ я столкнулся съ нимъ въѣзжая во Францію, наконецъ въ Швейцаріи; въ теченіе этихъ двухъ недѣль два раза — и вотъ теперь я вдругъ встрѣтилъ его уже въ Рулетенбургѣ. Я никогда въ жизни не встрѣчалъ человѣка болѣе застѣнчиваго; онъ застѣнчивъ до глупости и самъ,

конечно, знаетъ объ этомъ, потому что онъ вовсе не глупъ. Впрочемъ онъ очень милый и тихій. Я заставилъ его разговариваться при первой встрѣчѣ въ Пруссіи. Онъ объявилъ мнѣ, что былъ нынѣшнимъ лѣтомъ на Нордъ-Капъ и что весьма хотѣлось ему быть на Нижегородской ярмаркѣ. Не знаю, какъ онъ познакомился съ генераломъ; мнѣ кажется, что онъ безпредѣльно влюбленъ въ Полину. Когда она вошла, онъ вспыхнулъ, какъ зарево. Онъ былъ очень радъ, что за столомъ я сѣлъ съ нимъ рядомъ, и кажется уже считаетъ меня своимъ закадычнымъ другомъ.

За столомъ французикъ тонировалъ необыкновенно; онъ со всѣми небреженъ и важенъ. А въ Москвѣ, я помню, пускалъ мыльные пузыри. Онъ ужасно много говорилъ о финансахъ и о русской политикѣ. Генералъ иногда осмѣливался противорѣчить, — но скромно, единственно на столько, чтобъ не уронить окончательно своей важности.

Я былъ въ странномъ настроеніи духа; разумѣется, я еще до половины обѣда успѣлъ задать себѣ мой обыкновенный и всегдашній вопросъ: «зачѣмъ я валандаюсь съ этимъ генераломъ и давнымъ давно не отхожу отъ нихъ?» Изрѣдка я взглядывалъ на Полину Александровну; она совершенно не примѣчала меня. Кончилось тѣмъ, что я разозлился и рѣшился грубить.

Началось тѣмъ, что я вдругъ, ни съ того, ни съ сего, громко и безъ спросу ввязался въ чужой разговоръ. Мнѣ, главное, хотѣлось поругаться съ французикомъ. Я оборотился къ генералу и вдругъ совершенно громко и отчетливо и, кажется, перебивъ его, замѣтилъ, что нынѣшнимъ лѣтомъ русскимъ почти совсѣмъ нельзя обѣдать въ отеляхъ за табль-д'отами. Генералъ устремилъ на меня удивленный взглядъ.

— Если вы человекъ себя уважающій, пустился я далѣе, — то непременно напроситесь на ругательства, и должны выносить чрезвычайные щелчки. Въ Парижѣ и на Рейнѣ, даже въ Швейцаріи, за табль-д'отами такъ много полячишекъ и имъ сочувствующихъ французиковъ, что нѣтъ возможности вымолвить слова, если вы только русскій.

Я проговорилъ это по-французски. Генералъ смотрѣлъ на меня въ недоумѣніи, не зная, разсердиться ли ему, или только удивиться, что я такъ забылся.

— Значить васъ ктонибудь и гдѣнибудь проучилъ, сказалъ французикъ небрежно и презрительно.

— Я въ Парижѣ сначала поругался съ однимъ полякомъ, отвѣтилъ я, — потомъ съ однимъ французскимъ офицеромъ, который поляка поддерживалъ. А затѣмъ ужъ часть французовъ перешла на мою сторону, когда я имъ рассказалъ, какъ я хотѣлъ плюнуть въ кофе монсиньора.

— Плюнуть? спросилъ генераль съ важнымъ недоумѣніемъ, и даже осматриваясь. Французикъ оглядывалъ меня недоувѣрчиво.

— Точно такъ-съ, отвѣчалъ я. Такъ какъ я цѣлыхъ два дня былъ убѣжденъ, что придется, можетъ быть, отправиться по нашему дѣлу на минутку въ Римъ, то и пошелъ въ канцелярію посольства святѣйшаго отца въ Парижѣ, чтобъ визировать паспортъ. Тамъ меня встрѣтилъ аббатикъ, лѣтъ пятидесяти, сухой и съ морозомъ въ фізіономіи, и выслушавъ меня вѣжливо, но чрезвычайно сухо, просилъ подождать. Я хотъ и спѣшилъ, но, конечно, сѣлъ ждать, вынулъ «Opinion nationale» и сталъ читать страшнѣйшее ругательство противъ Россіи. Между тѣмъ я слышалъ, какъ чрезъ сосѣдную комнату кто-то прошелъ къ монсиньору; я видѣлъ, какъ мой аббатъ раскланивался. Я обратился къ нему съ прежнею просьбою; онъ еще суше попросилъ меня опять подождать. Немного спустя вошелъ кто-то еще незнакомый, но за дѣломъ, — какой-то австріецъ; его выслушали и тотчасъ же проводили на верхъ. Тогда мнѣ стало очень досадно; я всталъ, подошелъ къ аббату и сказалъ ему рѣшительно, что такъ какъ монсиньоръ принимаетъ, то можетъ кончить и со мною. Вдругъ аббатъ отшатнулся отъ меня съ необычнымъ удивленіемъ. Ему просто непонятно стало, какимъ это образомъ смѣетъ ничтожный русскій равнять себя съ гостями монсиньора? Самымъ нахальнымъ тономъ, какъ бы радуясь, что можетъ меня оскорбить, обмѣрилъ онъ меня съ ногъ до головы и вскричалъ: — «Такъ неужели-жъ вы думаете, что монсиньоръ броситъ для васъ свой кофе?» Тогда и я закричалъ, но еще сильнѣе его: — «Такъ знайте-жъ, что мнѣ наплевать на кофе вашего монсиньора! Если вы сію же минуту не кончите съ моимъ паспортомъ, то я пойду къ нему самому».

— «Какъ! въ то время, когда у него сидитъ кардиналъ!» закричалъ аббатикъ, съ ужасомъ отъ меня отстраняясь, бросился къ дверямъ и разставилъ крестомъ руки, показывая видъ, что скорѣе умретъ, чѣмъ меня пропуститъ.

Тогда я отвѣтилъ ему, что я еретикъ и варваръ, «que je suis hérétique et barbare», и что мнѣ всѣ эти архіепископы, кардиналы, монсиньоры и проч. и проч. — все равно. Однимъ словомъ, я показалъ видъ, что не отстану. Аббатъ поглядѣлъ на меня съ безконечною злобою, потомъ вырвалъ мой паспортъ и унесъ его на верхъ. Чрезъ минуту онъ былъ уже визированъ. Вотъ-съ, не угодно ли посмотрѣть? — Я вынулъ паспортъ и показалъ римскую визу.

— Вы это, однако-же, началъ было генераль...

— Васъ спасло, что вы объявили себя варваромъ и еретикомъ, замѣтилъ усмѣхаясь французикъ. «Cela n'était pas si bête».

— Такъ неужели смотрѣть на нашихъ русскихъ? Они сидятъ здѣсь — пикнуть не смѣютъ и готовы, пожалуй, отречься отъ того, что они русскіе. По крайней мѣрѣ, въ Парижѣ, въ моемъ отелѣ со мною стали обращаться гораздо внимательнѣе, когда я всѣмъ рассказалъ о моей дракѣ съ аббатомъ. Толстый польскій панъ, самый враждебный ко мнѣ человѣкъ за табль-д'отомъ, стушевался на второй планъ. Французы даже перенесли, когда я рассказалъ, что года два тому назадъ видѣлъ человѣка, въ котораго французскій егеръ, въ двѣнадцатомъ году, выстрѣлилъ — единственно только для того, чтобъ разрядить ружье. Этотъ человѣкъ былъ тогда еще десятилѣтнимъ ребенкомъ и семейство его не успѣло выѣхать изъ Москвы.

— Этого быть не можетъ, вскипѣлъ французикъ, — французскій солдатъ не станетъ стрѣлять въ ребенка!

— Между тѣмъ это было, отвѣчалъ я. Это мнѣ рассказалъ почтенный отставной капитанъ, и я самъ видѣлъ шрамъ на его щекѣ отъ пули.

Французъ началъ говорить много и скоро. Генераль сталъ было его поддерживать, но я рекомендовалъ ему прочесть, хоть напримѣръ, отрывки изъ «Записокъ» генерала Перовскаго, бывшаго въ двѣнадцатомъ году въ плѣну у французовъ. Наконецъ Марья Филипповна о чемъ-то заговорила, чтобъ перебить разговоръ. Генераль былъ очень недоволенъ мною, потому что мы, съ французомъ, уже почти начали кричать. Но мистеру Астлею мой споръ съ французомъ, кажется, очень понравился; вставая изъ-за стола, онъ предложилъ мнѣ выпить съ нимъ рюмку вина. Вечеромъ, какъ и слѣдовало, мнѣ удалось съ четверть часа поговорить съ Полиной Александровной. Разговоръ нашъ состоялся на прогулкѣ. Всѣ пошли въ паркъ къ вокзалу. Полина сѣла на скамейку противъ фонтана, а Наденьку пустила играть недалеко отъ себя съ дѣтьми. Я тоже отпустилъ къ фонтану Мишу, и мы остались наконецъ одни.

Сначала начали, разумѣется, о дѣлахъ. Полина просто разсердилась, когда я передалъ ей всего только семьсотъ гульденовъ. Она была увѣрена, что я ей привезу изъ Парижа, подъ залогъ ея брилліантовъ, по крайней мѣрѣ двѣ тысячи гульденовъ, или даже болѣе.

— Мнѣ, во чтобы ни стало, нужны деньги, сказала она, — и ихъ надо добыть; иначе, я просто погибла.

Я сталъ спрашивать о томъ, что сдѣлалось въ мое отсутствіе.

— Больше ничего, что получены изъ Петербурга два извѣстія: сначала, что бабушкѣ очень плохо, а черезъ два дня, что, кажется, она уже умерла. Это извѣстіе отъ Тимоѣея Петровича, прибавила Полина, — а онъ человѣкъ точный. Ждемъ послѣдняго, окончательнаго извѣстія.

- И такъ, здѣсь всѣ въ ожиданіи? спросилъ я.
- Конечно: всѣ и все; цѣлые полгода на одно это только и надѣялись.
- И вы надѣетесь? спросилъ я.
- Вѣдь я ей вовсе не родня, я только генералова падчерица. Но я знаю навѣрно, что она обо мнѣ вспомнитъ въ завѣщаніи.
- Мнѣ кажется, вамъ очень много достанется, сказалъ я утвердительно.
- Да, она меня любила; но почему вамъ это кажется?
- Скажите, отвѣчалъ я вопросомъ, — нашъ маркизь кажется тоже посвященъ во всѣ семейныя тайны?
- А вы сами къ чему объ этомъ интересуетесь? спросила Полина, поглядѣвъ на меня сурово и сухо.
- Еще бы; если не ошибаюсь, генераль успѣлъ уже занять у него денегъ.
- Вы очень вѣрно угадываете.
- Ну, такъ далъ ли бы онъ денегъ, если бы не зналъ про бабуленьку? Замѣтили ли вы, за столомъ: онъ раза три, что-то говоря о бабушкѣ, назвалъ ее бабуленькой: «*la baboulinka*». Какія короткія и какія дружественныя отношенія!
- Да, вы правы. Какъ только онъ узнаетъ, что и мнѣ что нибудь по завѣщанію досталось, то тотчасъ же ко мнѣ и посватается. Это, что ли, вамъ хотѣлось узнать?
- Еще только посватается? Я думалъ, что онъ давно сватается.
- Вы отлично хорошо знаете, что нѣтъ! съ сердцемъ сказала Полина. Гдѣ вы встрѣтили этого англичанина? прибавила она послѣ минутнаго молчанія.
- Я такъ и зналъ, что вы о немъ сейчасъ спросите.
- Я рассказалъ ей о прежнихъ моихъ встрѣчахъ съ мистеромъ Астлеемъ по дорогѣ. — Онъ застѣнчивъ и влюбчивъ, и ужь конечно влюбленъ въ васъ?
- Да, онъ влюбленъ въ меня, отвѣчала Полина.
- И ужь конечно онъ въ десять разъ богаче француза. Что, у француза дѣйствительно есть что нибудь? Не подвержено это сомнѣнію?
- Не подвержено. У него есть какой-то *château*. Мнѣ еще вчера генераль говорилъ объ этомъ рѣшительно. Ну, что, довольно съ васъ?
- Я бы, на вашемъ мѣстѣ, непременно вышла за мужъ за англичанина.
- Почему? спросила Полина.
- Французъ красивѣе, но онъ подлѣе; а англичанинъ, сверхъ того что честенъ, еще въ десять разъ богаче, — отрѣзалъ я.

— Да; но за то французъ маркизъ — и умнѣе, — отвѣтила она наиспокойнѣйшимъ образомъ.

— Да вѣрно ли? продолжалъ я по прежнему.

— Совершенно такъ.

Полинѣ ужасно не нравились мои вопросы и я видѣлъ, что ей хотѣлось разозлить меня тономъ и дикостію своего отвѣта; я объ этомъ ей тотчасъ же сказалъ.

— Что-жъ, меня дѣйствительно развлекаетъ, какъ вы бѣситесь. Ужъ за одно то, что я позволяю вамъ дѣлать такіе вопросы и догадки, слѣдуетъ вамъ расплатиться.

— Я дѣйствительно считаю себя въ правѣ дѣлать вамъ всякіе вопросы, отвѣчалъ я спокойно — именно, потому что готовъ какъ угодно за нихъ расплатиться, и свою жизнь считаю теперь ни во что.

Полина захохотала:

— Вы мнѣ въ послѣдній разъ, на Шлангенбергѣ, сказали, что готовы по первому моему слову броситься внизъ головою, а тамъ, кажется, до тысячи футовъ. Я когданибудь произнесу это слово, единственно затѣмъ, чтобъ посмотрѣть, какъ вы будете расплачиваться, и ужъ будьте увѣрены, что выдержу характеръ. Вы мнѣ ненавистны, — именно тѣмъ, что я такъ много вамъ позволила, и еще ненавистнѣе тѣмъ, что такъ мнѣ нужны. Но покамѣстъ вы мнѣ нужны — мнѣ надо васъ беречь.

Она стала вставать. Она говорила съ раздраженіемъ. Въ послѣднее время она всегда кончала со мною разговоръ со злобою и раздраженіемъ, съ настоящею злобою.

— Позвольте васъ спросить, что такое m-lle Blanche? спросилъ я, не желая отпустить ее безъ объясненія.

— Вы сами знаете, что такое m-lle Blanche. Больше ничего съ тѣхъ поръ не прибавилось. M-lle Blanche навѣрно будетъ генеральшей, — разумѣется, если слухъ о кончинѣ бабушки подтвердится, потому что и m-lle Blanche, и ея матушка, и троюродный cousin-маркизъ, — всѣ очень хорошо знаютъ, что мы разорились.

— А генераль влюбленъ окончательно?

— Теперь не въ этомъ дѣло. Слушайте и запомните: возьмите эти семьсотъ флориновъ и ступайте играть, выиграйте мнѣ на рулеткѣ сколько можете больше; мнѣ деньги, во чтобы ни стало, теперь нужны.

Сказавъ это, она кликнула Наденьку и пошла къ вокзалу, гдѣ и присоединилась ко всей нашей компаніи. Я же свернулъ на первую попавшуюся дорожку влѣво, обдумывая и удивляясь. Меня точно въ голову ударило послѣ приказанія идти на рулетку. Странное дѣло: мнѣ было о чемъ раздуматься, а между тѣмъ я весь погрузился въ анализъ

ощущеній моихъ чувствъ къ Полинѣ. Право, мнѣ было легче въ эти двѣ недѣли отсутствія, чѣмъ теперь, въ день возвращенія, хотя я, въ дорогѣ, и тосковалъ какъ сумасшедшій, метался, какъ угорѣлый и даже во снѣ поминутно видѣлъ ее предъ собою. Разъ (это было въ Швейцаріи), заснувъ въ вагонѣ, я кажется заговорилъ вслухъ съ Полиной, чѣмъ разсмѣшилъ всѣхъ сидѣвшихъ со мной проѣзжихъ. И еще разъ теперь я задалъ себѣ вопросъ: люблю ли я ее? И еще разъ не съумѣлъ на него отвѣтить, т. е., лучше сказать, я опять, въ сотый разъ, отвѣтилъ себѣ, что я ее ненавижу. Да, она была мнѣ ненавистна. Бывали минуты, (а именно, каждый разъ при концѣ нашихъ разговоровъ), что я отдалъ бы полъ-жизни, чтобъ задушить ее! Клянусь, если-бъ возможно было медленно погрузить въ ея грудь острый ножъ, то я, мнѣ кажется, схватился бы за него съ наслажденіемъ. А между тѣмъ, клянусь всѣмъ, что есть святаго, если бы, на Шлангенбергѣ, на модномъ пуантѣ, она дѣйствительно сказала мнѣ: «бросьтесь внизъ», то я бы тотчасъ же бросился, и даже съ наслажденіемъ. Я зналъ это. Такъ или эдакъ, но это должно было разрѣшиться. Все это она удивительно понимаетъ, и мысль о томъ, что я вполне вѣрно и отчетливо сознаю всю ея недоступность для меня, всю невозможность исполненія моихъ фантазій, — эта мысль, я увѣренъ, доставляетъ ей чрезвычайное наслажденіе; иначе могла ли бы она, осторожная и умная, быть со мною въ такихъ короткостяхъ и откровенностяхъ? Мнѣ кажется, она до сихъ поръ смотрѣла на меня, какъ та древняя императрица, которая стала раздѣваться при своемъ невольникѣ, считая его не за человѣка. Да, она много разъ считала меня не за человѣка...

Однакожъ, у меня было ея порученіе — выиграть на рулеткѣ, во что бы ни стало. Мнѣ некогда было раздумывать: для чего и какъ скоро надо выиграть и какія новыя соображенія родились въ этой вѣчно разсчитывающей головѣ? Къ тому же въ эти двѣ недѣли очевидно прибавилась бездна новыхъ фактовъ, объ которыхъ я еще не имѣлъ понятія. Все это надо было угадать, во все проникнуть, и какъ можно скорѣе. Но, покамѣстъ, теперь было некогда: надо было отправляться на рулетку.

ГЛАВА II.

Признаюсь, мнѣ это было непріятно; я хоть и рѣшилъ, что буду играть, но вовсе не располагалъ начинать для другихъ. Это даже сбивало меня нѣсколько съ толку, и въ игорныя залы я вошелъ съ предосаднымъ чувствомъ. Мнѣ тамъ, съ перваго взгляда, все не понравилось. Терпѣть я не могу этой лакейщины въ фельетонахъ цѣлаго свѣта и пре-

имущественно въ нашихъ русскихъ газетахъ, гдѣ почти каждую весну наши фельетонисты рассказываютъ о двухъ вещахъ: во-первыхъ, о необыкновенномъ великолѣпіи и роскоши игорныхъ залъ въ рулеточныхъ городахъ на Рейнѣ, а во-вторыхъ — о грудахъ золота, которыя, будто бы, лежатъ на столахъ. Вѣдь не платятъ же имъ за это; это, такъ просто, рассказывается изъ безкорыстной угодливости. Никакого великолѣпія нѣтъ въ этихъ дрянныхъ залахъ, а золота не только нѣтъ грудами на столахъ, но и чуть-чуть-то едва ли бываетъ. Конечно, кой-когда, въ продолженіе сезона, появится вдругъ какой нибудь чудакъ, или англичанинъ или азіатъ какой нибудь, турокъ, какъ нынѣшнимъ лѣтомъ, и вдругъ проиграетъ или выиграетъ очень много; остальные же всѣ играютъ на мелкіе гульдены и, среднимъ числомъ, на столѣ всегда лежитъ очень мало денегъ. Какъ только я вошелъ въ игорную залу (въ первый разъ въ жизни), я нѣкоторое время еще не рѣшался играть. Къ тому же тѣснила толпа. Но еслибъ я былъ и одинъ, то и тогда бы, я думаю, скорѣе ушелъ, а не началъ играть. Признаюсь, у меня стучало сердце и я былъ не хладнокровенъ; я навѣрное зналъ и давно уже рѣшилъ, что изъ Рулетенбурга такъ не выѣду; что нибудь непременно произойдетъ въ моей судьбѣ радикальное и окончательное. Такъ надо, и такъ будетъ. Какъ это ни смѣшно, что я такъ много жду для себя отъ рулетки, но мнѣ кажется, еще смѣшнѣе рутинное мнѣніе, всѣми признанное, что глупо и нелѣпо ожидать чего нибудь отъ игры. И почему игра хуже какого бы то ни было способа добыванія денегъ, напримѣръ хоть торговли? Оно правда, что выигрываетъ изъ сотни одинъ. Но — какое мнѣ до того дѣло?

Во всякомъ случаѣ, я опредѣлилъ сначала присмотрѣться и не начинать ничего серьезнаго въ этотъ вечеръ. Въ этотъ вечеръ, еслибъ что и случилось, то случилось бы нечаянно и слегка, — и я такъ и положилъ. Къ тому же, надо было и самую игру изучить; потому что, не смотря на тысячи описаній рулетки, которыя я читалъ всегда съ такою жадностію, я рѣшительно ничего не понималъ въ ея устройствѣ, до тѣхъ поръ, пока самъ не увидѣлъ.

Во-первыхъ, мнѣ все показалось такъ грязно, — какъ-то нравственно скверно и грязно. Я отнюдь не говорю про эти жадныя и безпкойныя лица, которыя десятками, даже сотнями, обступаютъ игорные столы. Я рѣшительно не вижу ничего грязнаго въ желаніи выиграть поскорѣе и побольше; мнѣ всегда казалась очень глупою мысль одного отъѣвшагося и обезпеченнаго моралиста, который на чье-то оправданіе: что «вѣдь играютъ по маленькой», отвѣчалъ — тѣмъ хуже, потому что мелкая корысть. Точно: мелкая корысть и крупная корысть — не все равно. Это дѣло пропорціональное. Что для Ротшильда мелко, то для

меня очень богато, а на счетъ наживы и выигрыша, такъ люди и не на рулеткѣ, а и вездѣ только и дѣлаютъ, что другъ у друга чтонибудь отбиваютъ или выигрываютъ. Гадки ли вообще нажива и барышъ, — это другой вопросъ. Но здѣсь я его не рѣшаю. Такъ какъ я и самъ былъ въ высшей степени одержанъ желаніемъ выигрыша, то вся эта корысть, и вся эта корыстная грязь, если хотите, была мнѣ, при входѣ въ залу, какъ-то сподручнѣе, родственнѣе. Самое милое дѣло, когда другъ друга не церемонятся, а дѣйствуютъ открыто и на распашку. Да и къ чему самого себя обманывать? Самое пустое и не расчетливое занятіе! Особенно некрасиво, на первый взглядъ, во всей этой рулеточной сволочи, было то уваженіе къ занятію, та серьезность, и даже почтительность, съ которыми всѣ обступали столы. Вотъ почему здѣсь рѣзко различено, какая игра называется *mauvais genre* и какая позволительна порядочному человѣку. Есть двѣ игры, одна — джентльменская, а другая плебейская, корыстная, игра всякой сволочи. Здѣсь это строго различено и — какъ это различіе въ сущности подло! Джентльменъ, на примѣръ, можетъ поставить пять или десять луидоровъ, рѣдко болѣе, впрочемъ можетъ поставить и тысячу франковъ, если очень богатъ, но собственно для одной игры, для одной только забавы, собственно для того, чтобы посмотрѣть на процессъ выигрыша или проигрыша; но отнюдь не долженъ интересоваться самымъ выигрышемъ. Выигравъ, онъ можетъ, на примѣръ, вслухъ засмѣяться, сдѣлать комунибудь изъ окружающихъ свое замѣчаніе, даже можетъ поставить еще разъ, и еще разъ удвоить, но единственно только изъ любопытства, для наблюденія надъ шансами, для вычисленій, а не изъ плебейскаго желанія выиграть. Однимъ словомъ, на всѣ эти игорные столы рулетки и *trente et quarante* онъ долженъ смотрѣть не иначе, какъ на забаву, устроенную единственно для его удовольствія. Корысти и ловушки, на которыхъ основанъ и устроенъ банкъ, онъ долженъ даже и не подозрѣвать. Очень и очень не дурно было бы даже, еслибъ ему, на примѣръ, показалось, что и всѣ эти остальные игроки, вся эта дрянъ, дрожащая надъ гульденомъ, — совершенно такіе же богачи и джентльмены какъ и онъ самъ, и играютъ единственно для одного только развлеченія и забавы. Это совершенное незнаніе дѣйствительности и невинный взглядъ на людей были бы, конечно, чрезвычайно аристократичными. Я видѣлъ, какъ многія маменьки выдвигали впередъ невинныхъ и изящныхъ, пятнадцати и шестнадцати-лѣтнихъ миссъ, своихъ дочекъ, и, давши имъ нѣсколько золотыхъ монетъ, учили ихъ, какъ играть. Барышня выигрывала или проигрывала, непременно улыбалась и отходила очень довольная. Нашъ генералъ солидно и важно подошелъ къ столу; лакей бросился было подать ему стулъ, но онъ не замѣтилъ лакея; очень долго вынималъ кошелекъ, очень долго вынималъ

изъ кошелька триста франковъ золотомъ, поставилъ ихъ на черную и выигралъ. Онъ не взялъ выигрыша и оставилъ его на столѣ. Вышла опять черная; онъ и на этотъ разъ не взялъ, и когда въ третій разъ вышла красная, то потерялъ разомъ тысячу двѣсти франковъ. Онъ отошелъ съ улыбкою и выдержалъ характеръ. Я убѣжденъ, что кошки у него скребли на сердцѣ, и будь ставка вдвое или втрое больше, — онъ не выдержалъ бы характера и выказалъ бы волненіе. Впрочемъ, при мнѣ одинъ французъ выигралъ, и потомъ проигралъ, тысячь до тридцати франковъ, весело и безъ всякаго волненія. Настоящій джентльменъ, если бы проигралъ и все свое состояніе, не долженъ волноваться. Деньги до того должны быть ниже джентльменства, что почти не стоитъ объ нихъ заботиться. Конечно, весьма аристократично совсѣмъ бы не замѣчать всю эту грязь всей этой сволочи и всей обстановки. Однако же иногда не менѣе аристократиченъ и обратный пріемъ, замѣчать, то есть присматриваться, даже разсматривать, напримѣръ хоть въ лорнетъ, всю эту сволочь; но не иначе, какъ принимая всю эту толпу, и всю эту грязь за своего рода развлеченіе, какъ бы за представленіе, устроенное для джентльменской забавы. Можно самому тѣсниться въ этой толпѣ, но смотрѣть кругомъ съ совершеннымъ убѣжденіемъ, что собственно вы сами наблюдатель, и ужъ нисколько не принадлежите къ ея составу. Впрочемъ, и очень пристально наблюдать опять-таки не слѣдуетъ: опять уже это будетъ не по-джентльменски, потому что это во всякомъ случаѣ зрѣлище не стоитъ большаго и слишкомъ пристальнаго наблюденія. Да и вообще мало зрѣлищъ, достойныхъ слишкомъ пристальнаго наблюденія для джентльмена. А между тѣмъ мнѣ лично показалось, что все это и очень стоитъ весьма пристальнаго наблюденія, особенно для того, кто пришелъ не для одного наблюденія, а самъ искренно и добросовѣстно причисляетъ себя ко всей этой сволочи. Что же касается до моихъ сокровеннѣйшихъ нравственныхъ убѣжденій, то въ настоящихъ разсужденіяхъ моихъ имъ, конечно, нѣтъ мѣста. Пусть ужъ это будетъ такъ; говорю для очистки совѣсти. Но вотъ что я замѣчу: что во все послѣднее время мнѣ какъ-то ужасно противно было прикидывать поступки и мысли мои къ какой бы то ни было нравственной мѣркѣ. Другое управляло мною...

Сволочь дѣйствительно играетъ очень грязно. Я даже не прочь отъ мысли, что тутъ у стола происходитъ много самаго обыкновеннаго воровства. Круперамъ, которые сидятъ по концамъ стола, смотрятъ за ставками и рассчитываются, ужасно много работы. Вотъ еще сволочь-то! это большею частью французы. Впрочемъ, я здѣсь наблюдаю и замѣчаю вовсе не для того, чтобы описывать рулетку; я принаравливаюсь для себя, чтобы знать, какъ себя вести на будущее время. Я замѣтилъ,

напримѣръ, что нѣтъ ничего обыкновеннѣе, когда изъ-за стола протягивается вдругъ чьянибудь рука и беретъ себѣ то, что вы выиграли. Начинается споръ, нерѣдко крикъ, и — прошу покорно доказать, сыскать свидѣтелей, что ставка ваша!

Сначала, вся эта штука была для меня тарабарскою грамотою; я только догадывался и различалъ кое-какъ, что ставки бываютъ на числа, на четъ и нечетъ и на цвѣта. Изъ денегъ Полины Александровны я въ этотъ вечеръ рѣшился попытать сто гульденовъ. Мысль, что я приступаю къ игрѣ не для себя, какъ-то сбивала меня съ толку. Ощущеніе было чрезвычайно непріятное, и мнѣ захотѣлось поскорѣе развязаться съ нимъ. Мнѣ все казалось, что, начиная для Полины, я подрываю собственное счастье. Неужели нельзя прикоснуться къ игорному столу, чтобы тотчасъ же не заразиться суевѣріемъ? Я началъ съ того, что вынулъ пять фридрихсдоровъ, т. е. пятьдесятъ гульденовъ и поставилъ ихъ на четку. Колесо обернулось и вышло тринадцать, — я проигралъ. Съ какимъ-то болѣзненнымъ ощущеніемъ, единственно, чтобы какънибудь развязаться и уйти, я поставилъ еще пять фридрихсдоровъ на красную. Вышла красная. Я поставилъ всѣ десять фридрихсдоровъ — вышла опять красная. Я поставилъ опять все заразъ, вышла опять красная. Получивъ сорокъ фридрихсдоровъ, я поставилъ двадцать на двѣнадцать среднихъ цифръ, не зная, что изъ этого выйдетъ. Мнѣ заплатили втрое. Такимъ образомъ, изъ десяти фридрихсдоровъ у меня появилось вдругъ восемьдесятъ. Мнѣ стало до того невыносимо отъ какого-то необыкновеннаго и страннаго ощущенія, что я рѣшился уйти. Мнѣ показалось, что я вовсе бы не такъ игралъ, еслибъ игралъ для себя. Я однакожь поставилъ всѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ еще разъ на четку. На этотъ разъ вышло четыре; мнѣ отсыпали еще восемьдесятъ фридрихсдоровъ, и, захвативъ всю кучу въ сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, я отправился отыскивать Полину Александровну.

Они всѣ гдѣ-то гуляли въ паркѣ, и я успѣлъ увидѣться съ нею только за ужиномъ. На этотъ разъ француза не было, и генераль развернулся: между прочимъ, онъ почелъ нужнымъ опять мнѣ замѣтить, что онъ бы не желалъ меня видѣть за игорнымъ столомъ. По его мнѣнію, его очень скомпрометируетъ, если я какънибудь слишкомъ проиграюсь; — «но еслибъ даже вы и выиграли очень много, то и тогда я буду тоже скомпрометированъ», прибавилъ онъ значительно. — Конечно, я не имѣю права располагать вашими поступками, но согласитесь сами...» Тутъ онъ по обыкновенію своему не докончилъ. Я сухо отвѣтилъ ему, что у меня очень мало денегъ и что, слѣдовательно, я немогу слишкомъ примѣтно проиграться, еслибъ даже и сталъ играть. Придя къ себѣ

наверхъ, я успѣлъ передать Полинѣ ея выигрышъ и объявилъ ей, что въ другой разъ уже не буду играть для нея.

— Почему же? спросила она тревожно.

— Потому что хочу играть для себя, отвѣчалъ я, разсматривая ее съ удивленіемъ: а это мѣшаетъ.

— Такъ вы рѣшительно продолжаете быть убѣждены, что рулетка вашъ единственный исходъ и спасеніе? спросила она насмѣшливо. Я отвѣчалъ опять очень серьезно, что да; что же касается до моей увѣренности непремѣнно выиграть, то пускай это будетъ смѣшно, я согласенъ, «но чтобъ оставили меня въ покоѣ».

Полина Александровна настаивала, чтобъ я непремѣнно раздѣлилъ съ нею сегодняшній выигрышъ пополамъ и отдавала мнѣ восемьдесятъ фридрихсдоровъ, предлагая и впредь продолжать игру на этомъ условіи. Я отказался отъ половины рѣшительно и окончательно, и объявилъ, что для другихъ немогу играть не потому, чтобъ не желалъ, а потому что навѣрное проиграю.

— И однакожъ я сама, какъ ни глупо это, почти тоже надѣюсь на одну рулетку, сказала она задумываясь. А потому вы непремѣнно должны продолжать игру, со мною вмѣстѣ пополамъ, и — разумѣется — будете. Тутъ она ушла отъ меня, не слушая дальнѣйшихъ моихъ возраженій.

ГЛАВА III.

И однакожъ вчера цѣлый день она не говорила со мной объ игрѣ ни слова. Да и вообще она избѣгала со мной говорить вчера. Прежняя манера ея со мною не измѣнилась. Та же совершенная небрежность въ обращеніи, при встрѣчахъ, и даже что-то презрительное и ненавистное. Вообще, она не желаетъ скрывать своего ко мнѣ отвращенія; я это вижу. Не смотря на это, она не скрываетъ тоже отъ меня, что я ей для чего-то нуженъ и что она для чего-то меня бережетъ. Между нами установились какія-то странныя отношенія, во многомъ для меня непонятныя, — взявъ въ соображеніе ея гордость и надменность со всѣми. Она знаетъ, на примѣръ, что я люблю ее до безумія, допускаетъ меня даже говорить о моей страсти — и ужъ, конечно, ничѣмъ она не выразила бы мнѣ болѣе своего презрѣнія, какъ этимъ позволеніемъ говорить ей безпрепятственно и безцензурно о моей любви. «Значитъ, дескать, до того считаю ни во что твои чувства, что мнѣ рѣшительно все равно, объ чемъ бы ты ни говорилъ со мною, и что бы ко мнѣ ни чувствовалъ». Про свои собственные дѣла она разговаривала со мною много и прежде, но никогда

не была вполнѣ откровенна. Мало того, въ пренебреженіи ея ко мнѣ были, напримѣръ, вотъ какія утонченности: она знаетъ, положимъ, что мнѣ извѣстно какое нибудь обстоятельство ея жизни, или что нибудь о томъ, что сильно ее тревожитъ; она даже сама расскажетъ мнѣ что нибудь изъ ея обстоятельствъ, если надо употребить меня какъ нибудь для своихъ цѣлей въ родѣ раба, или на побѣгушки; но расскажетъ всегда ровно столько, сколько надо знать человѣку, употребляющемуся на побѣгушки и — если мнѣ еще неизвѣстна цѣлая связь событій, если она и сама видитъ, какъ я мучусь и тревожусь ея же мученіями и тревогами, то никогда не удостоитъ меня успокоить вполнѣ своей дружеской откровенностію, хотя, употребляя меня нерѣдко по порученіямъ не только хлопотливымъ, но даже опаснымъ, она, по моему мнѣнію, обязана быть со мной откровенною. Да и стоитъ ли заботиться о моихъ чувствахъ, о томъ, что я тоже тревожусь и, можетъ быть, втрое больше забочусь и мучусь ея же заботами и неудачами, чѣмъ она сама!

Я недѣли за три еще зналъ объ ея намѣреніи играть на рулеткѣ. Она меня даже предувѣдомила, что я долженъ буду играть вмѣсто нея, потому что ей самой играть неприлично. По тону ея словъ, я тогда-же замѣтилъ, что у ней какая-то серьезная забота, а не просто желаніе выиграть деньги. Что ей деньги сами по себѣ! Тутъ есть цѣль, тутъ какія-то обстоятельства, которыя я могу угадывать, но которыхъ я до сихъ поръ не знаю. Разумѣется, то униженіе и рабство, въ которыхъ она меня держитъ, могли бы мнѣ дать (весьма часто даютъ) возможность грубо и прямо самому ее спрашивать. Такъ какъ я для нея рабъ и слишкомъ ничтоженъ въ ея глазахъ, то нечего ей и обижаться грубымъ моимъ любопытствомъ. Но дѣло въ томъ, что она, позволяя мнѣ дѣлать вопросы, на нихъ не отвѣчаетъ. Иной разъ и вовсе ихъ не замѣчаетъ. Вотъ какъ у насъ!

Вчерашній день у насъ много говорилось о телеграммѣ, пущенной еще четыре дня назадъ въ Петербургъ, и на которую не было отвѣта. Генераль видимо волнуется и задумчивъ. Дѣло идетъ, конечно, о бабушкѣ. Волнуется и французъ. Вчера, напримѣръ, послѣ обѣда они долго и серьезно разговаривали. Тонъ француза со всѣми нами необыкновенно высокомѣрный и небрежный. Тутъ именно по пословицѣ: посади за столъ и ноги на столъ. Онъ даже съ Полиной небреженъ до грубости; впрочемъ, съ удовольствіемъ участвуетъ въ общихъ прогулкахъ въ воксалѣ или въ кавалькадахъ и поѣздкахъ за городъ. Мнѣ извѣстны давно кой-какія изъ обстоятельствъ, связавшихъ француза съ генераломъ: въ Россіи они затѣвали вмѣстѣ заводъ; я не знаю, лопнулъ ли ихъ проэктъ, или все еще объ немъ у нихъ говорится. Кромѣ того, мнѣ случайно извѣстна часть семейной тайны: французъ дѣйствительно

выручилъ прошлаго года генерала и далъ ему тридцать тысячъ для пополненія недостающаго въ казенной суммѣ, при сдачѣ должности. И ужь разумѣтся, генераль у него въ тискахъ; но теперь, собственно теперь, главную роль во всемъ этомъ играетъ все-таки m-lle Blanche, и я увѣренъ, что и тутъ не ошибаюсь.

— Кто такая m-lle Blanche? Здѣсь у насъ говорятъ, что она знатная французенка, имѣющая съ собою свою мать и колоссальное состояніе. Извѣстно тоже, что она какая то родственница нашему маркизу, только очень дальняя, какая-то кузина или троюродная сестра. Говорятъ, что до моей поѣздки въ Парижъ, французъ и m-lle Blanche сносились между собою какъ-то гораздо церемоннѣе, были какъ будто на болѣе тонкой и деликатной ногѣ; теперь же знакомство ихъ, дружба и родственность выглядываютъ какъ-то грубѣе, какъ-то короче. Можетъ быть, наши дѣла кажутся имъ до того ужь плохими, что они и не считаютъ нужнымъ слишкомъ съ нами церемониться и скрываться. Я еще третьяго дня замѣтилъ, какъ мистеръ Астлей разглядывалъ m-lle Blanche и ея матушку. Мнѣ показалось, что онъ ихъ знаетъ. Мнѣ показалось даже, что и нашъ французъ встрѣчался прежде съ мистеромъ Астлеемъ. Впрочемъ, мистеръ Астлей до того застѣнчивъ, стыдливъ и молчаливъ, что на него почти можно понадѣяться, — изъ избы сора не вынесетъ. По крайней мѣрѣ, французъ едва ему кланяется и почти не глядитъ на него; а, — стало быть не боится. Это еще понятно; но почему m-lle Blanche тоже почти не глядитъ на него? Тѣмъ болѣе, что маркизь вчера проговорился: онъ вдругъ сказалъ въ общемъ разговорѣ, не помню по какому поводу, что мистеръ Астлей колоссально богатъ, и что онъ про это знаетъ: тутъ-то-бы и глядѣть m-lle Blanche на мистера Астлея! Вообще генераль находится въ безпокойствѣ. Понятно, что можетъ значить для него теперь телеграмма о смерти тетки!

Мнѣ хоть и показалось навѣрное, что Полина избѣгаетъ разговора со мною, какъ бы съ цѣлью, но я и самъ принялъ на себя видъ холодный и равнодушный: все думалъ, что она, нѣтъ-нѣтъ, да и подойдетъ ко мнѣ. Зато вчера и сегодня я обратилъ все мое вниманіе преимущественно на m-lle Blanche. Бѣдный генераль, онъ погибъ окончательно! Влюбиться въ пятьдесятъ пять лѣтъ, съ такою силою страсти, — конечно, несчастіе. Прибавьте къ тому его вдовство, его дѣтей, совершенно разоренное имѣніе, долги и наконецъ женщину, въ которую ему пришлось влюбиться. M-lle Blanche красива собою. Но, я не знаю, поймутъ ли меня, если я выражусь, что у ней одно изъ тѣхъ лицъ, которыхъ можно испугаться. По крайней мѣрѣ, я всегда боялся такихъ женщинъ. Ей навѣрно лѣтъ двадцать пять. Она рослая и широкоплечая, съ крутыми плечами; шея и грудь у нея роскошны; цвѣтъ кожи смугло-желтый, цвѣтъ волосъ

черный, какъ тушь, и волосъ ужасно много, достало бы на двѣ куафюры. Глаза черные, бѣлки глазъ желтоватые, взглядъ нахальный, зубы бѣлѣйшіе, губы всегда напомажены; отъ нея пахнетъ мускусомъ. Одѣвается она эффектно, богато, съ шикомъ, но съ большимъ вкусомъ. Ноги и руки удивительныя. Голосъ ея — сильный контръ-альто. Она иногда разхохочется и при этомъ покажетъ всѣ свои зубы, но обыкновенно смотритъ молчаливо и нахально, — по крайней мѣрѣ при Полинѣ и при Марьѣ Филипповнѣ. (Странный слухъ: Марья Филипповна уѣзжаетъ въ Россію). Мнѣ кажется m-lle Blanche безо всякаго образованія, можетъ быть даже и не умна, но зато подозрительна и хитра. Мнѣ кажется, ея жизнь была таки не безъ приключеній. Если ужъ говорить все, то можетъ быть, что маркизъ вовсе ей не родственникъ, а мать совсѣмъ не мать. Но есть свѣдѣнія, что въ Берлинѣ, гдѣ мы съ ними съѣхались, она и мать ея имѣли нѣсколько порядочныхъ знакомствъ. Что касается до самого маркиза, то хоть я и до сихъ поръ сомнѣваюсь, что онъ маркизъ, но принадлежность его къ порядочному обществу, какъ у насъ, на примѣръ, въ Москвѣ, и кое-гдѣ и въ Германіи, кажется не подвержена сомнѣнію. Не знаю, что онъ такое во Франціи? говорятъ у него есть шато. Я думалъ, что въ эти двѣ недѣли много воды уйдетъ, и однакожъ я все еще не знаю навѣрно, сказано ли у m-lle Blanche съ генераломъ что нибудь рѣшительное? Вообще все зависитъ теперь отъ нашего состоянія, т. е. отъ того, много ли можетъ генералъ показать имъ денегъ. Если бы, на примѣръ, пришло извѣстіе, что бабушка не умерла, то я увѣренъ, m-lle Blanche тотчасъ бы исчезла. Удивительно и смѣшно мнѣ самому, какой я однакожъ сталъ сплетникъ. О, какъ мнѣ все это противно! Съ какимъ наслажденіемъ я бросилъ бы всѣхъ и все! Но развѣ я могу уѣхать отъ Полины, развѣ я могу не шпионить кругомъ нея? Шпионство, конечно, подло, но — какое мнѣ до этого дѣло!

Любопытенъ мнѣ тоже былъ вчера и сегодня мистеръ Астлей. Да, я убѣжденъ, что онъ влюбленъ въ Полину! Любопытно и смѣшно, сколько иногда можетъ выразить взглядъ стыдливаго и болѣзненно-цѣломудреннаго человѣка, тронутаго любовью, и именно въ то время, когда человѣкъ ужъ конечно радъ бы скорѣе сквозь землю провалиться, чѣмъ что нибудь высказать или выразить, словомъ или взглядомъ. Мистеръ Астлей весьма часто встрѣчается съ нами на прогулкахъ. Онъ снимаетъ шляпу и проходитъ мимо, умирая, разумѣется, отъ желанія къ намъ присоединиться. Если же его приглашаютъ, то онъ тотчасъ отказывается. На мѣстахъ отдыха, въ воксалѣ, на музыкѣ, или предъ фонтаномъ онъ уже непременно останавливается гдѣ нибудь недалеко отъ нашей скамейки, и гдѣ бы мы ни были, въ паркѣ ли, въ лѣсу ли, или на Шлангенбергѣ, — стоитъ только вскинуть глазами, посмотрѣть кругомъ

и непременно гдѣ нибудь, или на ближайшей тропинкѣ, или изъ-за куста покажется уголокъ мистера Астлея. Мнѣ кажется, онъ ищетъ случая со мною говорить особенно. Сегодня утромъ мы встрѣтились и перекинули два слова. Онъ говоритъ иной разъ какъ-то чрезвычайно отрывисто. Еще не сказавъ «здравствуйте» онъ началъ съ того, что проговорилъ:

— А, m-lle Blanche!.. я много видѣлъ такихъ женщинъ, какъ m-lle Blanche!

Онъ замолчалъ, знаменательно смотря на меня. Что онъ этимъ хотѣлъ сказать, не знаю, потому что на вопросъ мой: что это значитъ? онъ съ хитрою улыбкою кивнулъ головою и прибавилъ: «ужь это такъ». — M-lle Pauline очень любитъ цвѣты?

— Не знаю, совсѣмъ не знаю, отвѣчалъ я.

— Какъ! Вы и этого не знаете! вскричалъ онъ съ величайшимъ изумленіемъ.

— Не знаю, совсѣмъ не замѣтилъ, повторилъ я смѣясь.

— Гмъ, это даетъ мнѣ одну особую мысль. Тутъ онъ кивнулъ головою и прошелъ далѣе. Онъ, впрочемъ, имѣлъ довольный видъ. Говоримъ мы съ нимъ на сквернѣйшемъ французскомъ языкѣ.

ГЛАВА IV.

Сегодня былъ день смѣшной, безобразный, нелѣпый. Теперь одиннадцать часовъ ночи. Я сижу въ своей каморкѣ и припоминаю. Началось съ того, что утромъ принужденъ-таки былъ идти на рулетку, чтобъ играть для Полины Александровны. Я взялъ всѣ ея сто шестьдесятъ фридрихсдоровъ, но подъ двумя условіями: первое — что я не хочу играть въ половинѣ, т. е. если выиграю, то ничего не возьму себѣ, и второе, что вечеромъ Полина разъяснить мнѣ: для чего именно ей такъ нужно выиграть и сколько именно денегъ. Я все-таки никакъ не могу предположить, чтобы это было просто для денегъ. Тутъ видимо деньги необходимы, и какъ можно скорѣе, для какой-то особенной цѣли. Она обѣщалась разъяснить, и я отправился. Въ игорныхъ залахъ толпа была ужасная. Какъ нахальны они и какъ всѣ они жадны! Я протѣснился къ серединѣ и сталъ возлѣ самага крупера; затѣмъ сталъ робко пробовать игру, ставя по двѣ и по три монеты. Между тѣмъ я наблюдалъ и замѣчалъ; мнѣ показалось, что собственно расчетъ довольно мало значить и вовсе не имѣетъ той важности, которую ему придаютъ многіе игроки. Они сидятъ съ разграфленными бумажками, замѣчаютъ удары, считаютъ, выводятъ шансы, рассчитываютъ, наконецъ ставятъ и —

проигрываютъ точно также какъ и мы, простые смертные, играющіе безъ расчёту. Но за то я вывелъ одно заключеніе, которое, кажется, вѣрно: дѣйствительно въ теченіи случайныхъ шансовъ бываетъ, хоть и не система, но какъ будто какой-то порядокъ, — что, конечно, очень странно. Напримѣръ бываетъ, что послѣ двѣнадцати среднихъ цифръ наступаютъ двѣнадцать послѣднихъ; два раза, положимъ, ударъ ложится на эти двѣнадцать послѣднихъ и переходитъ на двѣнадцать первыхъ. Упавъ на двѣнадцать первыхъ, переходитъ опять на двѣнадцать среднихъ, ударяетъ сряду три, четыре раза по среднимъ и опять переходитъ на двѣнадцать послѣднихъ, гдѣ, опять послѣ двухъ разъ, переходитъ къ первымъ, на первыхъ опять бьетъ одинъ разъ и опять переходитъ на три удара среднихъ, и такимъ образомъ продолжается въ теченіе полутора или двухъ часовъ. Одинъ, три и два; одинъ, три и два. Это очень забавно. Иной день или иное утро идетъ, напримѣръ, такъ, что красная смѣняется черною и обратно, почти безъ всякаго порядка поминутно, такъ что больше двухъ-трехъ ударовъ сряду на красную или на черную не ложится. На другой же день, или на другой вечеръ бываетъ сряду одна красная, доходитъ, напримѣръ, больше, чѣмъ до двадцати двухъ разъ сряду и такъ идетъ непремѣнно въ продолженіе нѣкотораго времени, напримѣръ въ продолженіе цѣлаго дня. Мнѣ много въ этомъ объяснилъ мистеръ Астлей, который цѣлое утро простоялъ у игорныхъ столовъ, но самъ не поставилъ ни разу. Что же касается до меня, то я весь проигрался до тла и очень скоро. Я прямо, сразу поставилъ на четку двадцать фридрихсдоровъ и выигралъ, поставилъ опять и опять выигралъ и такимъ образомъ еще два или три. Я думаю, у меня сошло въ рукахъ около четырехсотъ фридрихсдоровъ въ какія нибудь пять минутъ. Тутъ бы мнѣ и отойти, но во мнѣ родилось какое-то странное ощущеніе, какой-то вызовъ судьбѣ, какое-то желаніе дать ей щелчокъ, выставить ей языкъ. Я поставилъ самую большую позволенную ставку, въ четыре тысячи гульденовъ, и проигралъ. Затѣмъ, разгорячившись, вынулъ все, что у меня оставалось, поставилъ на ту же ставку и проигралъ опять, послѣ чего отошелъ отъ стола, какъ оглушенный. Я даже не понималъ, что это со мною было и объявилъ о моемъ проигрышѣ Полинѣ Александровнѣ только предъ самымъ обѣдомъ. До того времени я все шатался въ паркѣ.

За обѣдомъ, я былъ опять въ возбужденномъ состояніи, также какъ и три дня тому назадъ. Французъ и Mlle Blanche опять обѣдали съ нами. Оказалось, что Mlle Blanche была утромъ въ игорныхъ залахъ и видѣла мои подвиги. Въ этотъ разъ она заговорила со мною какъ-то внимательнѣе. Французъ пошелъ прямѣе и просто спросилъ меня: — неужели я проигралъ свои собственныя деньги? Мнѣ кажется, онъ подо-

зрѣваетъ Полину. Однимъ словомъ, тутъ что-то есть. Я тотчасъ же солгалъ и сказалъ, что свои.

Генераль былъ чрезвычайно удивленъ: откуда я взялъ такія деньги? Я объяснилъ, что началъ съ десяти фридрихсдоровъ, что шесть или семь ударовъ сряду, на двое, довели меня до пяти или до шести тысячъ гульденовъ и что потомъ я все спустилъ съ двухъ ударовъ.

Все это, конечно, было вѣроятно. Объясняя это, я посмотрѣлъ на Полину, но ничего не могъ разобрать въ ея лицѣ. Однакожь она мнѣ дала солгать и не поправила меня; изъ этого я заключилъ, что мнѣ и надо было солгать и скрыть, что я игралъ за нее. Во всякомъ случаѣ, думалъ я про себя, она обязана мнѣ объясненіемъ и давеча обѣщала мнѣ кое-что открыть.

Я думалъ, что генераль сдѣлаетъ мнѣ какое нибудь замѣчаніе, но онъ промолчалъ; за то я замѣтилъ въ лицѣ его волненіе и безпокойство. Можетъ быть, при крутыхъ его обстоятельствахъ, ему просто тяжело было выслушать, что такая почтительная груда золота пришла и ушла въ четверть часа у такого неразсчетливаго дурака, какъ я.

Я подозрѣваю, что у него вчера вечеромъ вышла съ французомъ какая-то жаркая контра. Они долго и съ жаромъ говорили о чемъ-то, запершись. Французъ ушелъ какъ будто чѣмъ-то раздраженный, а сегодня рано утромъ опять приходилъ къ генералу — и вѣроятно чтобъ продолжать вчерашній разговоръ.

Выслушавъ о моемъ проигрышѣ, французъ ѣдко и даже злобно замѣтилъ мнѣ, что надо было быть благоразумнѣе. Не знаю, для чего онъ прибавилъ, что — хоть русскихъ и много играетъ, но, по его мнѣнію, русскіе даже и играть неспособны.

— А по моему мнѣнію, рулетка только и создана для русскихъ, сказалъ я, и когда французъ на мой отзывъ презрительно усмѣхнулся, я замѣтилъ ему, что ужь конечно правда на моей сторонѣ, потому что, говоря о русскихъ, какъ объ игрокахъ, я гораздо болѣе ругаю ихъ, чѣмъ хвалю и что мнѣ, стало быть, можно вѣрить.

— На чемъ же вы основываете ваше мнѣніе? спросилъ французъ.

— На томъ, что въ катехизисъ добродѣтелей и достоинствъ цивилизованнаго западнаго человѣка вошла исторически, и чуть ли не въ видѣ главнаго пункта, способность пріобрѣтенія капиталовъ. А русскій не только неспособенъ пріобрѣтать капиталы, но даже и расточаетъ ихъ какъ-то зря и безобразно. Тѣмъ не менѣе, намъ, русскимъ, деньги тоже нужны, прибавилъ я, а слѣдственно мы очень рады и очень падки на такіе способы, какъ на примѣръ, рулетки, гдѣ можно разбогатѣть вдругъ, въ два часа, не трудясь. Это насъ очень прельщаетъ; а такъ какъ мы и играемъ зря, безъ труда, то и проигрываемся!

— Это отчасти справедливо, замѣтилъ самодовольно французъ.

— Нѣтъ, это несправедливо, и вамъ стыдно такъ отзываться о своемъ отечествѣ, строго и внушительно замѣтилъ генераль.

— Помилуйте, отвѣчалъ я ему, вѣдь право неизвѣстно еще, что гаже: русское ли безобразіе или нѣмецкій способъ накопленія честнымъ трудомъ?

— Какая безобразная мысль! воскликнулъ генераль.

— Какая русская мысль! воскликнулъ французъ.

Я смѣялся, мнѣ ужасно хотѣлось ихъ раззадорить.

— А я лучше захочу всю жизнь прокочевать въ киргизской палаткѣ, вскричалъ я, чѣмъ поклоняться нѣмецкому идолу.

— Какому идолу? вскричалъ генераль, уже начиная серьезно сердиться.

— Нѣмецкому способу накопленія богатствъ. Я здѣсь не долго, но однакожъ все-таки, что я здѣсь успѣлъ подмѣтить и провѣрить, возмущаетъ мою татарскую породу. Ей-Богу, не хочу такихъ добродѣтелей! Я здѣсь успѣлъ уже вчера обойти верстѣ на десять кругомъ. Ну, точь въ точь тоже самое, какъ въ нравоучительныхъ нѣмецкихъ книжечкахъ съ картинками: есть здѣсь вездѣ у нихъ въ каждомъ домѣ свой фатеръ, ужасно добродѣтельный и необыкновенно честный. Ужъ такой честный, что подойти къ нему страшно. Терпѣть не могу честныхъ людей, къ которымъ подходить страшно. У каждаго эдакого фатера есть семья, и по вечерамъ всѣ они вслухъ поучительныя книги читаютъ. Надъ домикомъ шумятъ вязы и каштаны. Закатъ солнца, на крышѣ аистъ, и все необыкновенно поэтическое и трогательное...

— Ужъ вы не сердитесь, генераль, позвольте мнѣ рассказать потрогательнѣе. Я самъ помню, какъ мой отецъ, покойникъ, тоже подъ липками, въ палисадникѣ, по вечерамъ вслухъ читалъ мнѣ и матери подобныя книжки... Я вѣдь самъ могу судить объ этомъ, какъ слѣдуетъ. Ну такъ всякая этакая здѣшняя семья въ полнѣйшемъ рабствѣ и повиновеніи у фатера. Всѣ работаютъ, какъ волю, и всѣ копятъ деньги, какъ жида. Положимъ, фатеръ скопилъ уже столько-то гульденовъ и рассчитываетъ на старшаго сына, чтобы ему ремесло, аль землишку передать; для этого дочери приданаго не даютъ и она остается въ дѣвкахъ. Для этого же младшаго сына продаютъ въ кабалу, аль въ солдаты и деньги приобщаютъ къ домашнему капиталу. Право это здѣсь дѣлается; я разспрашивалъ. Все это дѣлается не иначе, какъ отъ честности, отъ усиленной честности, до того, что и младшій проданный сынъ вѣруетъ, что его не иначе, какъ отъ честности продали, — а ужъ это идеаль, когда сама жертва радуется, что ее на закланіе ведутъ. Что же дальше? Дальше то, что и старшему тоже не легче: есть тамъ у него такая Амальхенъ, съ

которою онъ сердцемъ соединился — но жениться нельзя, потому что гульденовъ еще столько не накоплено. Тоже, ждуть благонравно и искренно и съ улыбкой на закланіе идутъ. У Амальхенъ ужъ щеки ввалились; сохнеть. Наконецъ, лѣтъ чрезъ двадцать, благосостояніе умножилось; гульденны честно и добродѣтельно скоплены. Фатеръ благословляетъ сорокалѣтняго старшаго и тридцати-пяти-лѣтнюю Амальхенъ, съ изсохшей грудью и краснымъ носомъ... При этомъ плачетъ, мораль читаетъ и умираетъ. Старшій превращается самъ въ добродѣтельнаго фатера и начинается опять таже исторія. Лѣтъ эдакъ чрезъ пятьдесятъ, или чрезъ семьдесятъ, внукъ перваго фатера дѣйствительно уже осуществляетъ значительный капиталъ и передаетъ своему сыну, тотъ своему, тотъ своему и поколѣній чрезъ пять или шесть выходитъ самъ баронъ Ротшильдъ или Гоппе и Комп. или тамъ чортъ знаетъ кто. Ну-съ, какъ же не величественное зрѣлище: столѣтній или двухсотъ-лѣтній преемственный трудъ, терпѣніе, умъ, честность, характеръ, твердость, расчетъ, аистъ на крышѣ! Чего же вамъ еще, вѣдь ужъ выше этого нѣтъ ничего и съ этой точки они сами начинаютъ весь міръ судить и виновныхъ, т. е. чуть-чуть на нихъ не похожихъ, тотчасъ же казнить. Ну-съ, такъ вотъ въ чемъ дѣло: я ужъ лучше хочу дебоширить по-русски или разживаться на рулеткѣ. Не хочу я быть Гоппе и Комп. чрезъ пять поколѣній. Мнѣ деньги нужны для меня самого, а я не считаю всего себя чѣмъ-то необходимымъ и придаточнымъ къ капиталу. Я знаю, что я ужасно навралъ, но пусть такъ оно и будетъ. Таковы мои убѣжденія.

— Не знаю, много ли правды въ томъ, что вы говорили, задумчиво замѣтилъ генераль, но знаю навѣрное, что вы нестерпимо начинаете фарсить, чуть-лишь вамъ капельку позволяютъ забыться... — По обыкновению своему, онъ не договорилъ. Если нашъ генераль начиналъ о чемънибудь говорить, хотя капельку по значительнѣе обыкновеннаго обыденнаго разговора, то никогда не договаривалъ. Французъ небрежно слушалъ, немного выпучивъ глаза. Онъ почти ничего не понялъ изъ того, что я говорилъ. Полина смотрѣла съ какимъ-то высокомернымъ равнодушіемъ. Казалось, она не только меня, но и ничего не слыхала изъ сказаннаго въ этотъ разъ за столомъ.

ГЛАВА V.

Она была въ необыкновенной задумчивости, но тотчасъ по выходѣ изъ-за стола велѣла мнѣ сопровождать себя на прогулку. Мы взяли дѣтей и отправились въ паркъ къ фонтану.

Такъ какъ я былъ въ особенно возбужденномъ состояніи, то и брякнулъ глупо и грубо вопросъ: почему нашъ маркизь Де-Гріе, французикъ, не только не сопровождаетъ ее теперь, когда она выходитъ куда нибудь, но даже и не говоритъ съ нею по цѣлымъ днямъ?

— Потому что онъ подлець, странно отвѣтила она мнѣ. Я никогда еще не слышалъ отъ нея такого отзыва о Де-Гріе, и замолчалъ, побоявшись понять эту раздражительность.

— А замѣтили ли вы, что онъ сегодня не въ ладахъ съ генераломъ?

— Вамъ хочется знать въ чемъ дѣло, сухо и раздражительно отвѣчала она. — Вы знаете, что генералъ весь у него въ закладѣ, все имѣніе — его, и если бабушка не умретъ, то французъ немедленно войдетъ во владѣніе всѣмъ, что у него въ закладѣ.

— А, такъ это дѣйствительно правда, что все въ закладѣ? Я слышалъ, но не зналъ, что рѣшительно все.

— А то какъ же?

— И при этомъ прощай m-lle Blanche, замѣтилъ я. Не будетъ она тогда генеральшей! Знаете ли что: мнѣ кажется, генералъ такъ влюбился, что, пожалуй, застрѣлится, если m-lle Blanche его броситъ. Въ его лѣта такъ влюбляться опасно.

— Мне самой кажется, что съ нимъ что нибудь будетъ, — задумчиво замѣтила Полина Александровна.

— И какъ это великолѣпно, вскричалъ я — грубѣе нельзя показать, что она согласилась выйти только за деньги. Тутъ даже приличій не соблюдалось, совсѣмъ безъ церемоніи происходило. Чудо! А на счетъ бабушки, что комичнѣе и грязнѣе, какъ посылать телеграмму за телеграммою и спрашивать: умерла ли, умерла ли? А? какъ вамъ это нравится, Полина Александровна?

— Это все вздоръ, сказала она съ отвращеніемъ, перебивая меня. Я, напротивъ того, удивляюсь, что вы въ такомъ развеселомъ расположеніи духа. Чему вы рады? Неужели тому, что мои деньги проиграли?

— Зачѣмъ вы давали ихъ мнѣ проигрывать? Я вамъ сказалъ, что не могу играть для другихъ, тѣмъ болѣе для васъ. Я послушаюсь, что бы вы мнѣ ни приказали; но результатъ не отъ меня зависитъ. Я вѣдь предупредилъ, что ничего не выйдетъ. Скажите, вы очень убиты, что потеряли столько денегъ? Для чего вамъ столько?

— Къ чему эти вопросы?

— Но вѣдь вы сами обѣщали мнѣ объяснить... Слушайте: я совершенно убѣжденъ, что когда начну играть для себя, (а у меня есть двѣнадцать фридрихсдоровъ), то я выиграю. Тогда, сколько вамъ надо, берите у меня.

Она сдѣлала презрительную мину.

— Вы не сердитесь на меня, продолжалъ я, за такое предложеніе. Я до того проникнуть сознаниемъ того, что я нуль предъ вами, то есть въ вашихъ глазахъ, что вамъ можно даже принять отъ меня и деньги. Подаркомъ отъ меня вамъ нельзя обижаться. Притомъ же я проигралъ ваши.

Она быстро поглядѣла на меня и, замѣтивъ, что я говорю раздражительно и саркастически, опять перебила разговоръ:

— Вамъ нѣтъ ничего интереснаго въ моихъ обстоятельствахъ. Если хотите знать, я просто должна. Деньги взяты мною взаймы и я хотѣла бы ихъ отдать. У меня была безумная и странная мысль, что я непременно выиграю, здѣсь, на игорномъ столѣ. Почему была эта мысль у меня — не понимаю, но я въ нее вѣрила. Кто знаетъ, можетъ быть потому и вѣрила, что у меня никакого другаго шанса при выборѣ не оставалось.

— Или потому, что ужь слишкомъ *надо* было выиграть. Это точь въ точь, какъ утопающій, который хватается за соломенку. Согласитесь сами, что еслибъ онъ не утопалъ, то онъ не считалъ бы соломенку за древесный сукъ.

Полина удивилась:

— Какъ же, спросила она, вы сами-то на тоже самое надѣтесъ? Двѣ недѣли назадъ, вы сами мнѣ говорили однажды, много и долго, о томъ, что вы вполне увѣрены въ выигрышѣ здѣсь на рулеткѣ, и убѣждали меня, чтобъ я не смотрѣла на васъ, какъ на безумнаго; или вы тогда шутили? но я помню, вы говорили такъ серьезно, что никакъ нельзя было принять за шутку.

— Это правда, отвѣчалъ я задумчиво, я до сихъ поръ увѣренъ вполне, что выиграю. Я даже вамъ признаюсь, что вы меня теперь навели на вопросъ: почему именно мой сегодняшній, безтолковый и безобразный проигрышъ не оставилъ во мнѣ никакого сомнѣнія? Я все-таки вполне увѣренъ, что чуть только я начну играть для себя, то выиграю непременно.

— Почему-же вы такъ навѣрно убѣждены?

— Если хотите, — не знаю. Я знаю только, что мнѣ *надо* выиграть, что это тоже единственный мой исходъ. Ну вотъ потому можетъ быть мнѣ и кажется, что я непременно долженъ выиграть.

— Стало быть вамъ тоже слишкомъ *надо*, если вы фанатически увѣрены?

— Бьюсь объ закладъ, что вы сомнѣваетесь, что я въ состояніи ощущать серьезную надобность?

— Это мнѣ все равно, тихо и равнодушно отвѣтила Полина. Если хотите — да, я сомнѣваюсь, чтобъ васъ мучило чтонибудь серьезно. Вы можете мучиться, но не серьезно. Вы человекъ безпорядочный и неустановившійся. Для чего вамъ деньги? Во всѣхъ резонахъ, которые вы мнѣ тогда представили, я ничего не нашла серьезнаго.

— Кстати, перебилъ я, вы говорили, что вамъ долгъ нужно отдать. Хорошъ, значитъ, долгъ! Не французу ли?

— Что за вопросы? Вы сегодня особенно рѣзки. Ужь не пьяны ли?

— Вы знаете, что я все себѣ позволяю говорить и спрашиваю иногда очень откровенно. Повторяю, я вашъ рабъ, а рабовъ не стыдятся и рабъ оскорбить не можетъ.

— Все это вздоръ! И терпѣть я не могу этой вашей «рабской» теоріи.

— Замѣтьте себѣ, что я не потому говорю про мое рабство, чтобъ желалъ быть вашимъ рабомъ, а просто — говорю, какъ о фактѣ, совсѣмъ не отъ меня зависящемъ.

— Говорите прямо, зачѣмъ вамъ деньги?

— А вамъ зачѣмъ это знать?

— Какъ хотите, отвѣтила она, и гордо повела головой.

— Рабской теоріи не терпите, а рабства требуете: «отвѣчать и не разсуждать!» Хорошо, пусть такъ. Зачѣмъ деньги, вы спрашиваете? Какъ зачѣмъ? деньги — все!

— Понимаю, но не впадать же въ такое сумасшествіе, ихъ желая! Вы вѣдь тоже доходите до изступленія, до фатализма. Тутъ есть чтонибудь, какая-то особая цѣль. Говорите безъ извилинъ, я такъ хочу.

Она какъ будто начинала сердиться, и мнѣ ужасно понравилось, что она такъ съ сердцемъ допрашивала.

— Разумѣется есть цѣль, сказалъ я, но я не съумѣю объяснить — какая. Больше ничего, что съ деньгами я стану и для васъ другимъ человекомъ, а не рабомъ.

— Какъ? какъ вы этого достигнете?

— Какъ достигну? какъ, вы даже не понимаете, какъ могу я достигнуть, чтобъ вы взглянули на меня иначе, какъ на раба! Ну вотъ этого-то я и не хочу, такихъ удивленій и недоумѣній.

— Вы говорили, что вамъ это рабство наслажденіе. Я такъ и сама думала.

— Вы такъ думали, вскричалъ я съ какимъ-то страннымъ наслажденіемъ. Ахъ, какъ эдакая наивность отъ васъ хороша! Ну да, да, мнѣ отъ васъ рабство — наслажденіе. Есть, есть наслажденіе въ послѣдней степени приниженности и ничтожества! продолжалъ я бредить. Чортъ знаетъ, можетъ быть оно есть и въ кнутѣ, когда кнутъ ложится на спину

и рветъ въ клочки мясо... Но я хочу, можетъ быть, попытать и другихъ наслажденій. Мнѣ давеча генераль при васъ за столомъ наставленіе читалъ за семьсотъ рублей въ годъ, которыхъ я можетъ быть еще и не получу отъ него. Меня маркизь Де-Гріе, поднявши брови, разсматриваетъ и въ тоже время не замѣчаетъ. А я, съ своей стороны, можетъ быть желаю страстно взять маркиза Де-Гріе при васъ за носъ?

— Рѣчи молокососа. При всякомъ положеніи можно поставить себя съ достоинствомъ. Если тутъ борьба, то она еще возвыситъ, а не унизитъ.

— Прямо изъ прописи! Вы только предположите, что я можетъ быть не умѣю поставить себя съ достоинствомъ. Т. е. я, пожалуй, и достойный человѣкъ, а поставить себя съ достоинствомъ не умѣю. Вы понимаете, что такъ можетъ быть? Да всѣ русскіе таковы, и знаете почему: потому что русскіе слишкомъ богато и многосторонне одарены, чтобъ скоро приискать себѣ приличную форму. Тутъ дѣло въ формѣ. Большею частью мы, русскіе, такъ богато одарены, что для приличной формы намъ нужна геніальность. Ну, а геніальности-то всего чаще и не бываетъ, потому что она и вообще рѣдко бываетъ. Это только у французовъ и, пожалуй, у нѣкоторыхъ другихъ европейцевъ такъ хорошо опредѣлилась форма, что можно глядѣть съ чрезвычайнымъ достоинствомъ и быть самымъ недостойнымъ человѣкомъ. Оттого такъ много форма у нихъ и значить. Французъ перенесетъ оскорбленіе, настоящее, сердечное оскорбленіе и не поморщится, но щелчка въ носъ ни за что не перенесетъ, потому что это есть нарушеніе принятой и увѣковѣченной формы приличій. Оттого-то такъ и падки наши барышни до французовъ, что форма у нихъ хороша. По моему, впрочемъ, никакой формы и нѣтъ, а одинъ только пѣтухъ, *le coq gaulois*. Впрочемъ, этого я понимать не могу, я не женщина. Можетъ быть пѣтухи и хороши. Да и вообще я заврался, а вы меня не останавливаете. Останавливайте меня чаще; когда я съ вами говорю, мнѣ хочется высказать все, все, все. Я теряю всякую форму. Я даже согласенъ, что я не только формы, но и достоинствъ никакихъ не имѣю. Объявляю вамъ объ этомъ. Даже не забочусь ни о какихъ достоинствахъ. Теперь все во мнѣ остановилось. Вы сами знаете отчего. У меня ни одной человѣческой мысли нѣтъ въ головѣ. Я давно ужъ не знаю, что на свѣтѣ дѣлается, ни въ Россіи, ни здѣсь. Я, вотъ, Дрезденъ проѣхалъ и не помню, какой такой Дрезденъ. Вы сами знаете, что меня поглотило. Такъ-какъ я не имѣю никакой надежды и въ глазахъ вашихъ нуль, то и говорю прямо: я только васъ вездѣ вижу, а остальное мнѣ все равно. За что, и какъ я васъ люблю — не знаю. Знаете ли, что можетъ быть вы вовсе не хороши? Представьте себѣ, я даже

не знаю, хороши ли вы, или нѣтъ, даже лицомъ? Сердце, навѣрное, у васъ нехорошее; умъ неблагородный; это очень можетъ быть.

— Можетъ быть вы потому и рассчитываете закупить меня деньгами, сказала она, что не вѣрите въ мое благородство?

— Когда я рассчитывалъ купить васъ деньгами? вскричалъ я.

— Вы зарпортовались и потеряли вашу нитку. Если не меня купить, то мое уваженіе вы думаете купить деньгами.

— Ну нѣтъ, это не совсѣмъ такъ. Я вамъ сказалъ, что мнѣ трудно объясняться. Вы подавляете меня. Не сердитесь на мою болтовню. Вы понимаете, почему на меня нельзя сердиться: я просто сумасшедшій. А впрочемъ мнѣ все равно, хоть и сердитесь. Мнѣ у себя на верху, въ каморкѣ, стоитъ вспомнить и вообразить только шумъ вашего платья, и я руки себѣ искушать готовъ. И за что вы на меня сердитесь? За то, что я называю себя рабомъ? Пользуйтесь, пользуйтесь моимъ рабствомъ, пользуйтесь! Знаете ли вы, что я когда нибудь васъ убью? Не потому убью, что разлюблю иль приревную, а — такъ, просто убью, потому что меня иногда тянетъ васъ съѣсть. Вы смѣетесь...

— Совсѣмъ не смѣюсь, сказала она съ гнѣвомъ. Я приказываю вамъ молчать.

Она остановилась, едва переводя духъ отъ гнѣва. Ей-Богу, я не знаю, хороша ли она была собой, но я всегда любилъ смотрѣть, когда она такъ предо мною останавливалась, а потому и любилъ часто вызывать ея гнѣвъ. Можетъ быть она замѣтила это и нарочно сердилась. Я ей это высказалъ.

— Какая грязь! воскликнула она съ отвращеніемъ.

— Мнѣ все равно, продолжалъ я. Знаете ли еще, что намъ вдвоемъ ходить опасно: меня много разъ непреодолимо тянуло прибить васъ, изуродовать, задушить. И что вы думаете, до этого не дойдетъ? Вы доведете меня до горячки. Ужъ не скандала ли я побоюсь? Гнѣва вашего? Да что мнѣ вашъ гнѣвъ? Я люблю безъ надежды и знаю, что послѣ этого въ тысячу разъ больше буду любить васъ. Если я васъ когда нибудь убью, то надо вѣдь и себя убить будетъ; ну такъ — я себя какъ можно дольше буду не убивать, чтобъ эту нестерпимую боль безъ васъ ощутить. Знаете ли вы невѣроятную вещь: я васъ съ каждымъ днемъ люблю *больше*, а вѣдь это почти невозможно. И послѣ этого мнѣ не быть фаталистомъ? Помните, третьяго дня, на Шлангенбергѣ, я прошепталъ вамъ, вызванный вами: скажите слово, и я соскочу въ эту бездну. Еслибъ вы сказали это слово, я бы тогда соскочилъ. Неужели вы не вѣрите, что я бы соскочилъ?

— Какая глупая болтовня! вскричала она.

— Мнѣ никакого дѣла нѣтъ до того, глупа ли она иль умна, вскричалъ я. Я знаю, что при васъ мнѣ надо говорить, говорить, говорить — и я говорю. Я все самолюбіе при васъ теряю, и мнѣ все равно.

— Къ чему мнѣ заставлятъ васъ прыгать съ Шлангенберга? сказала она сухо и какъ-то особенно обидно. — Это совершенно для меня бесполезно.

— Великолѣпно! вскричалъ я, — вы нарочно сказали это великолѣпное «бесполезно», чтобъ меня придавить. Я васъ насквозь вижу. Бесполезно, говорите вы? Но вѣдь удовольствіе всегда полезно, а дикая безпредѣльная власть — хоть надъ мухой — вѣдь это тоже своего рода наслажденіе. Человѣкъ деспотъ отъ природы и любитъ быть мучителемъ. Вы ужасно любите.

Помню, она разсматривала меня съ какимъ-то особенно пристальнымъ вниманіемъ. Должно быть лицо мое выражало тогда всѣ мои безтолковыя и нелѣпыя ощущенія. Я припоминаю теперь, что и дѣйствительно у насъ, почти слово въ слово такъ, шелъ тогда разговоръ, какъ я здѣсь описалъ. Глаза мои налились кровью. На окраинахъ губъ запекалась пѣна. А что касается Шлангенберга, то клянусь честью, даже и теперь: еслибъ она тогда приказала мнѣ броситься внизъ, я бы бросился! Еслибъ для шутки одной сказала, еслибъ съ презрѣніемъ, съ плевкомъ на меня сказала, — я бы и тогда соскочилъ!

— Нѣтъ, почему-жъ, я вамъ вѣрю, — произнесла она, но такъ, какъ она только умѣетъ иногда выговорить, съ такимъ презрѣніемъ и ехидствомъ, съ такимъ высокомеріемъ, что, ей-Богу, я могъ убить ее въ эту минуту. Она рисковала. Про это я тоже не солгалъ, говоря ей.

— Вы не трусь? спросила она меня вдругъ.

— Не знаю, можетъ быть и трусь. Не знаю... я объ этомъ давно не думалъ.

— Еслибъ я сказала вамъ: убейте этого человѣка, вы бы убили его?

— Кого?

— Кого я захочу.

— Француза?

— Не спрашивайте, а отвѣчайте, — кого я укажу. Я хочу знать, серьезно ли вы сейчасъ говорили? Она такъ серьезно и нетерпѣливо ждала отвѣта, что мнѣ какъ-то странно стало.

— Да скажете ли вы мнѣ, наконецъ, что такое здѣсь происходитъ! вскричалъ я. Что вы, боитесь, что ли меня? Я самъ вижу всѣ дѣшніе беспорядки. Вы падчерица разорившагося и сумасшедшаго человѣка, зараженнаго страстью къ этому діаволу — Blanche; потомъ, тутъ — этотъ французъ, съ своимъ таинственнымъ вліяніемъ на васъ и, — вотъ теперь вы мнѣ такъ серьезно задаете... такой вопросъ. По крайней

мѣрѣ, чтобъ я зналъ; иначе я здѣсь помѣшаюсь и чтонибудь сдѣлаю. Или вы стыдитесь удостоить меня откровенности? Да развѣ вамъ можно стыдиться меня?

— Я съ вами вовсе не о томъ говорю. Я васъ спросила, и жду отвѣта.

— Разумѣется убью, вскричалъ я, кого вы мнѣ только прикажете, но развѣ вы можете... развѣ вы это прикажете?

— А что вы думаете, васъ пожалѣю? прикажу, а сама въ сторонѣ останусь. Перенесете вы это? Да нѣтъ, гдѣ вамъ! Вы, пожалуй, и убьете по приказу, а потомъ и меня придете убить, за то, что я смѣла васъ посылать.

Мнѣ какъ бы что-то въ голову ударило при этихъ словахъ. Конечно, я и тогда считалъ ея вопросъ на половину за шутку, за вызовъ; но все-таки она слишкомъ серьезно проговорила. Я все-таки былъ пораженъ, что она такъ высказалась, что она удерживаетъ такое право надо мной, что она соглашается на такую власть надо мною и такъ прямо говорить: «иди на погибель, а я въ сторонѣ останусь.» Въ этихъ словахъ было что-то такое циничское и откровенное, что, по моему, было ужъ слишкомъ много. Такъ, стало быть, какъ же смотритъ она на меня послѣ этого? Это ужъ перешло за черту рабства и ничтожества. Послѣ такого взгляда, человѣка возносятъ до себя. И какъ ни нелѣпъ, какъ ни невѣроятенъ былъ весь нашъ разговоръ, но сердце у меня дрогнуло.

Вдругъ она захохотала. Мы сидѣли тогда на скамьѣ, предъ игравшими дѣтьми, противъ самаго того мѣста, гдѣ останавливались экипажи и высаживали публику въ аллею, предъ воксаломъ.

— Видите вы эту толстую баронессу? вскричала она. Это баронесса Вурмергельмъ. Она только три дня какъ пріѣхала. Видите ея мужа: длинный, сухой пруссакъ, съ палкой въ рукѣ. Помните, какъ онъ третьяго дня насъ оглядывалъ? ступайте сейчасъ, подойдите къ баронессѣ, снимите шляпу и скажите ей чтонибудь по-французски.

— Зачѣмъ?

— Вы клялись, что соскочили бы съ Шлангенберга; вы клянетесь, что готовы убить, если я прикажу. Въмѣсто всѣхъ этихъ убійствъ и трагедій я хочу только посмѣяться. Ступайте безъ отговорокъ. Я хочу посмотрѣть, какъ баронъ васъ прибьетъ палкой.

— Вы вызываете меня; вы думаете, что я не сдѣлаю?

— Да, вызываю, ступайте, я такъ хочу!

— Извольте, иду, хоть это и дикая фантазія. Только вотъ что: чтобы не было непріятности генералу, а отъ него вамъ? Ей-Богу, я не о

себѣ хлопочу, а объ васъ, ну — и объ генералѣ. И что за фантазія идти оскорблять женщину?

— Нѣтъ, вы только болтунъ, какъ я вижу, сказала она презрительно. У васъ только глаза кровью налились давеча, — впрочемъ можетъ быть оттого, что вы вина много выпили за обѣдомъ. Да развѣ я не понимаю сама, что это и глупо и пошло, и что генералъ разсердится? Я просто смѣяться хочу. Ну, хочу, да и только! И зачѣмъ вамъ оскорблять женщину? Скорѣе васъ прибьютъ палкой.

Я повернулся, и молча пошелъ исполнять ея порученіе. Конечно, это было глупо и, конечно, я не съумѣлъ вывернуться, но когда я сталъ подходить къ баронессѣ, помню, меня самого какъ будто что-то подзадорило, именно школьничество подзадорило. Да и раздраженъ я былъ ужасно, точно пьянъ.

ГЛАВА VI.

Вотъ уже два дня прошло послѣ того глупаго дня. И сколько крику, шуму, толку, стуку! И какая все это беспорядица, неурядица, глупость и пошлость, и я всему причиною. А впрочемъ, иногда бываетъ смѣшно, — мнѣ по крайней мѣрѣ. Я не умѣю себѣ дать отчета, что со мною сдѣлалось, въ изступленномъ ли я состояніи нахожусь, въ самомъ дѣлѣ, или просто съ дороги соскочилъ и безобразничаю, пока не свяжутъ. Порой мнѣ кажется, что у меня умъ мѣшается. А порой кажется, что я еще не далеко отъ дѣтства, отъ школьной скамейки и просто грубо школьничаю.

Это Полина, это все Полина! Можетъ быть не было бы и школьничества, еслибы не она. Кто знаетъ, можетъ быть я это все съ отчаянія (какъ ни глупо, впрочемъ, такъ разсуждать). И не понимаю, не понимаю, что въ ней хорошаго! Хороша-то она впрочемъ хороша; кажется хороша. Вѣдь она и другихъ съ ума сводить. Высокая и стройная. Очень тонкая только. Мнѣ кажется ее можно всю въ узелъ завязать, или перегнуть надвое. Слѣдокъ ноги у ней узенькій и длинный, — мучительный. Именно мучительный. Волосы съ рыжимъ оттѣнкомъ. Глаза — настоящіе кошачьи, но какъ она гордо и высокомерно умѣетъ ими смотрѣть. Мѣсяца четыре тому назадъ, когда я только что поступилъ, она, разъ вечеромъ, въ залѣ съ Де-Гріе долго и горячо разговаривала. И такъ на него смотрѣла... что потомъ я, когда къ себѣ пришелъ ложиться спать, вообразилъ, что она дала ему пощечину, — только что дала, стоитъ предъ нимъ и на него смотритъ... Вотъ съ этого-то вечера я ее и полюбилъ.

Впрочемъ къ дѣлу.

Я спустился по дорожкѣ въ аллею, сталъ по срединѣ аллеи и выжидалъ баронессу и барона. Въ пяти шагахъ разстоянія, я снялъ шляпу и поклонился.

Помню, баронесса была въ шелковомъ необъятной окружности платьѣ, свѣтлосѣраго цвѣта, съ оборками, въ кринолинѣ и съ хвостомъ. Она мала собой и толстоты необычайной, съ ужасно толстымъ и отвислымъ подбородкомъ, такъ что совсѣмъ не видно шеи. Лицо багровое. Глаза маленькіе, злые и наглые. Идетъ — точно всѣхъ чести удостоиваетъ. Баронъ сухъ, высокъ. Лицо, по нѣмецкому обыкновенію, кривое и въ тысячѣ мелкихъ морщинокъ; въ очкахъ; сорока пяти лѣтъ. Ноги у него начинаются чуть ли не съ самой груди; это, значитъ, порода. Гордъ, какъ павлинъ. Мѣшковатъ немного. Что-то баранье въ выраженіи лица, по своему замѣняющее глубокомысліе.

Все это мелькнуло мнѣ въ глаза въ три секунды.

Мой поклонъ и моя шляпа въ рукахъ сначала едва-едва остановили ихъ вниманіе. Только баронъ слегка насупилъ брови. Баронесса такъ и плыла прямо на меня.

— *Madame la baronne*, проговорилъ я отчетливо вслухъ, отчеканивая каждое слово: *j'ai l'honneur d'être votre esclave*.

Затѣмъ поклонился, надѣлъ шляпу и прошелъ мимо барона, вѣжливо обращая къ нему лицо и улыбаясь.

Шляпу снятъ велѣла мнѣ она, но поклонился и сошкольничалъ я ужъ самъ отъ себя. Чортъ знаетъ, что меня подтолкнуло? Я точно съ горы летѣлъ.

— Гейнъ! крикнулъ, или лучше сказать, крякнулъ баронъ, обращаясь ко мнѣ съ сердитымъ удивленіемъ.

Я обернулся и остановился въ почтительномъ ожиданіи, продолжая на него смотрѣть и улыбаться. Онъ видимо недоумѣвалъ и подтянулъ брови до *non plus ultra*. Лице его все болѣе и болѣе омрачалось. Баронесса то же повернулась въ мою сторону и тоже посмотрѣла въ гнѣвномъ недоумѣніи. Изъ прохожихъ стали засматриваться. Иные даже пріостанавливались.

— Гейнъ! крякнулъ опять баронъ съ удвоеннымъ кряктомъ и съ удвоеннымъ гнѣвомъ.

— *Ja wohl!* протянулъ я, продолжая смотрѣть ему прямо въ глаза.

— *Sind Sie rasend?* крикнулъ онъ, махнувъ своей палкой и, кажется, немного начиная трусить. Его, можетъ быть, смущалъ мой костюмъ. Я былъ очень прилично, даже щегольски одѣтъ, какъ челоуѣкъ, вполне принадлежащій къ самой порядочной публикѣ.

— Ja wo-o-ohl! крикнулъ я вдругъ изо всей силы, протянувъ о, какъ протягиваютъ берлинцы, поминутно употребляющіе въ разговорѣ фразу: «ja wohl» и при этомъ протягивающіе букву о болѣе или менѣе, для выраженія различныхъ оттѣнковъ мыслей и ощущеній.

Баронъ и баронесса быстро повернулись и почти побѣжали отъ меня въ испугѣ. Изъ публики иные заговорили, другіе смотрѣли на меня въ недоумѣніи. Впрочемъ, не помню хорошо.

Я оборотился и пошелъ обыкновеннымъ шагомъ къ Полинѣ Александровнѣ. Но еще недоходя шаговъ сотни до ея скамейки, я увидѣлъ, что она встала и отправилась съ дѣтьми къ отелю.

Я настигъ ее у крыльца.

— Исполнилъ... дурачество, — сказалъ я, поровнявшись съ нею.

— Ну такъ чтожь! Теперь и раздѣлывайтесь, отвѣтила она даже и не взглянувъ на меня, и пошла по лѣстницѣ.

Весь этотъ вечеръ я проходилъ въ паркѣ. Черезъ паркъ, и потомъ черезъ лѣсъ, я прошелъ даже въ другое княжество. Въ одной избушкѣ ѣлъ яичницу и пилъ вино; за эту идиллію съ меня содрали цѣлыхъ полтора талера.

Только въ одиннадцать часовъ я воротился домой. Тотчасъ же за мною прислали отъ генерала.

Наши въ отелѣ занимаютъ два номера; у нихъ четыре комнаты. Первая — большая, — салонъ, съ роялемъ. Рядомъ съ нею тоже большая комната — кабинетъ генерала. Здѣсь ждалъ онъ меня, стоя среди кабинета въ чрезвычайно величественномъ положеніи. Де-Гріе сидѣлъ, развѣсивъ на диванѣ.

— Милостивый государь, позвольте спросить, что вы надѣлали? — началъ генераль, обращаясь ко мнѣ.

— Я бы желалъ, генераль, чтобы вы приступили прямо къ дѣлу, сказалъ я. Вы вѣроятно хотите говорить о моей встрѣчѣ сегодня съ однимъ нѣмцемъ?

— Съ однимъ нѣмцемъ?! Этотъ нѣмецъ — баронъ Вурмергельмъ и важное лицо-съ! Вы надѣлали ему и баронессѣ грубостей.

— Никакихъ.

— Вы испугали ихъ, милостивый государь, крикнулъ генераль.

— Да совсѣмъ же нѣтъ. Мнѣ еще въ Берлинѣ запало въ ухо безпрерывно повторяемое ко всякому слову: Ja wohl, которое они такъ отвратительно протягиваютъ. Когда я встрѣтился съ нимъ въ аллеѣ, мнѣ вдругъ это «ja wohl», не знаю почему, вскочило на память, ну и подѣйствовало на меня раздражительно... Да къ тому же баронесса, вотъ ужъ три раза, встрѣчаясь со мною, имѣетъ обыкновеніе идти прямо на меня, какъ будто бы я былъ червякъ, котораго можно ногою давить.

Согласитесь, я тоже могу имѣть свое самолюбіе. Я снялъ шляпу и вѣжливо (увѣряю васъ, что вѣжливо) сказалъ: «Madame, j'ai l'honneur d'être votre esclave». Когда баронъ обернулся и закричалъ «гейнъ!», — меня вдругъ такъ и подтолкнуло тоже закричать: «ja wohl!»! Я и крикнулъ два раза: первый разъ обыкновенно, а второй — протянувъ изо всей силы. Вотъ и все.

Признаюсь, я ужасно былъ радъ этому въ высшей степени мальчишескому объясненію. Мнѣ удивительно хотѣлось размазывать всю эту исторію, какъ можно нелѣпѣе.

И чѣмъ далѣе, тѣмъ я болѣе во вкусъ входилъ.

— Вы смѣтаете, что ли надо мною, крикнулъ генераль. Онъ обернулся къ французу и по-французски изложилъ ему, что я рѣшительно напрашиваюсь на исторію. Де-Гріе презрительно усмѣхнулся и пожалъ плечами.

— О, не имѣйте этой мысли, ни чуть не бывало! вскричалъ я генералу, — мой поступокъ конечно не хорошъ, я въ высшей степени откровенно вамъ сознаюсь въ этомъ. Мой поступокъ можно назвать даже глупымъ и неприличнымъ школьничествомъ, но, — не болѣе. И знаете, генераль, я въ высшей степени раскаиваюсь. Но тутъ есть одно обстоятельство, которое въ моихъ глазахъ почти избавляетъ меня даже и отъ раскаянія. Въ послѣднее время, эдакъ недѣли двѣ, даже три, я чувствую себя нехорошо: больнымъ, нервнымъ, раздражительнымъ, фантастическимъ и, въ иныхъ случаяхъ, теряю совсѣмъ надъ собою волю. Право, мнѣ иногда ужасно хотѣлось нѣсколько разъ вдругъ обратиться къ маркизу Де-Гріе и... А впрочемъ нечего договаривать; можетъ ему будетъ обидно. Однимъ словомъ, это признаки болѣзни. Не знаю, приметъ ли баронесса Вурмергельмъ во вниманіе это обстоятельство, когда я буду просить у нея извиненія (потому что я намѣренъ просить у нея извиненія)? Я полагаю, не приметъ, тѣмъ болѣе, что, сколько извѣстно мнѣ, этимъ обстоятельствомъ начали въ послѣднее время злоупотреблять въ юридическомъ мірѣ: адвокаты при уголовныхъ процессахъ стали весьма часто оправдывать своихъ кліентовъ, преступниковъ, тѣмъ, что они въ моментъ преступленія ничего не помнили и что это будто-бы такая болѣзнь. «Прибилъ дескать, и ничего не помнитъ». И представьте себѣ, генераль, медицина имъ поддакиваетъ, — дѣйствительно подтверждаетъ, что бываетъ такая болѣзнь, такое временное помѣшательство, когда человѣкъ почти ничего не помнитъ, или полупомнитъ, или четверть помнитъ. Но баронъ и баронесса — люди поколѣнія стараго; притомъ прусскіе юнкеры и помѣщики. Имъ, должно быть, этотъ прогрессъ въ юридически-медицинскомъ мірѣ еще неизвѣстенъ, а потому они и не примутъ моихъ объясненій. Какъ вы думаете, генераль?

— Довольно, сударь! рѣзко и съ сдержаннымъ негодованіемъ произнесъ генераль, довольно! Я постараюсь, разъ на-всегда, избавить себя отъ вашего школьничества. Извиняться предъ баронессою и барономъ вы не будете. Всякія сношенія съ вами, даже хотя бы они состояли единственно въ вашей просьбѣ о прощеніи, будутъ для нихъ слишкомъ унизительны. Баронъ, узнавъ, что вы принадлежите къ моему дому, объяснился ужъ со мною въ воксалѣ и, признаюсь вамъ, еще немного и онъ потребовалъ бы у меня удовлетворенія. Понимаете ли вы, чему подвергали вы меня — меня, милостивый государь? Я, я принужденъ былъ просить у барона извиненія и далъ ему слово, что немедленно, сегодня же, вы не будете принадлежать къ моему дому...

— Позвольте, позвольте, генераль, такъ это онъ самъ непременно потребовалъ, чтобъ я не принадлежалъ къ вашему дому, какъ вы изволите выражаться?

— Нѣтъ; но я самъ почелъ себя обязаннымъ дать ему это удовлетвореніе и, разумѣется, баронъ остался доволенъ. Мы расстаемся, милостивый государь. Вамъ слѣдуетъ дополучить съ меня эти четыре фридрихсдора и три флорина на здѣшній расчетъ. Вотъ деньги, а вотъ и бумажка съ расчетомъ; можете это провѣрить. Прощайте. Съ этихъ поръ мы чужіе. Кромѣ хлопотъ и непріятностей я не видалъ отъ васъ ничего. Я позову сейчасъ кельнера и объявлю ему, что съ завтрашняго дня не отвѣчаю за ваши расходы въ отелѣ. Честь имѣю пребыть вашимъ слугою.

Я взялъ деньги, бумажку, на которой былъ карандашемъ написанъ расчетъ, поклонился генералу и весьма серьезно сказалъ ему:

— Генераль, дѣло такъ окончиться не можетъ. Мнѣ очень жаль, что вы подвергались непріятностямъ отъ барона, но — извините меня — виною этому вы сами. Какимъ образомъ взяли вы на себя отвѣчать за меня барону? Что значитъ выраженіе, что я принадлежу къ вашему дому? Я просто учитель въ вашемъ домѣ, и только. Я не сынъ родной, не подъ опекой у васъ, и за поступки мои вы не можете отвѣчать. Я самъ — лицо юридически-компетентное. Мнѣ двадцать пять лѣтъ, я кандидатъ университета, я дворянинъ, я вамъ совершенно чужой. Только одно мое безграничное уваженіе къ вашимъ достоинствамъ останавливаетъ меня потребовать отъ васъ теперь же удовлетворенія и дальнѣйшаго отчета въ томъ, что вы взяли на себя право за меня отвѣчать.

Генераль былъ до того пораженъ, что руки разставилъ, потомъ вдругъ оборотился къ французу и торопливо передалъ ему, что я чуть не вызвалъ его сей-часъ на дуэль. Французъ громко захохоталъ.

— Но барону я спустить не намѣренъ, продолжалъ я съ полнымъ хладнокровіемъ, ни мало не смущаясь смѣхомъ m-r Де-Гріе, — и такъ

какъ вы, генераль, согласившись сегодня выслушать жалобы барона и войдя въ его интересъ, поставили сами себя какъ бы участникомъ во всемъ этомъ дѣлѣ, то я честь имѣю вамъ доложить, что, не позже, какъ завтра по утру потребую у барона, отъ своего имени, формальнаго объясненія причинъ, по которымъ онъ, имѣя дѣло со мною, обратился мимо меня къ другому лицу, — точно я не могъ или былъ недостойнъ отвѣчать ему самъ за себя.

Что я предчувствовалъ, то и случилось. Генераль, услышавъ эту новую глупость, струсилъ ужасно.

— Какъ, неужели вы намѣрены еще продолжать это проклятое дѣло! вскричалъ онъ, — но чтожъ со мной-то вы дѣлаете, о Господи! Не смѣйте, не смѣйте, милостивый государь, или клянусь вамъ!.. здѣсь есть тоже начальство, и я... я... однимъ словомъ, по моему чину... и баронъ тоже.. однимъ словомъ, васъ заарестуютъ и вышлютъ отсюда съ полиціей, чтобъ вы не буянили! Понимаете это-съ! И хотъ ему захватило духъ отъ гнѣва, но все-таки онъ трусилъ ужасно.

— Генераль, отвѣчалъ я, съ нестерпимымъ для него спокойствіемъ, заарестовать нельзя за буйство прежде совершенія буйства. Я еще не начиналъ моихъ объясненій съ барономъ, а вамъ еще совершенно неизвѣстно, въ какомъ видѣ и на какихъ основаніяхъ я намѣренъ приступить къ этому дѣлу. Я желаю только разъяснить обидное для меня предположеніе, что я нахожусь подъ опекой у лица, будто-бы имѣющаго власть надъ моей свободной волею. Напрасно вы такъ себя тревожите и беспокоите.

— Ради Бога, ради Бога, Алексѣй Ивановичъ, оставьте это бессмысленное намѣреніе! бормоталъ генераль, вдругъ измѣняя свой разгнѣванный тонъ на умоляющій, и даже схвативъ меня за руки. Ну представьте, что изъ этого выйдетъ? опять непріятность! Согласитесь сами, я долженъ здѣсь держать себя особеннымъ образомъ, особенно теперь! особенно теперь!... О, вы не знаете, не знаете всѣхъ моихъ обстоятельствъ!.. Когда мы отсюда поѣдемъ, я готовъ опять принять васъ къ себѣ. Я теперь только такъ, ну, однимъ словомъ, — вѣдь вы понимаете же причины! вскричалъ онъ отчаянно: — Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ!..

Ретируясь къ дверямъ, я еще разъ усиленно просилъ его не беспокоиться, общалъ, что все обойдется хорошо и прилично, и поспѣшилъ выйти.

Иногда русскіе за-границей бываютъ слишкомъ трусливы и ужасно боятся того, что скажутъ, и какъ на нихъ поглядятъ, и будетъ ли прилично вотъ то-то и то-то? однимъ словомъ, держать себя точно въ корсетѣ, особенно претендующіе на значеніе. Самое любое для нихъ —

какаянибудь предвзятая, разъ установленная форма, которой они рабски слѣдуютъ — въ отеляхъ, на гуляньяхъ, въ собраніяхъ, въ дорогѣ... Но генераль проговорился, что у него сверхъ того были какія-то особыя обстоятельства, что ему надо какъ-то «особенно держаться». Оттого-то онъ такъ вдругъ малодушно и струсиль, и перемѣнилъ со мной тонъ. Я это принялъ къ свѣдѣнію и замѣтилъ. И конечно онъ могъ сдуру обратиться завтра къ какимънибудь властямъ, такъ что мнѣ надо было въ самомъ дѣлѣ быть осторожнымъ.

Мнѣ, впрочемъ, вовсе не хотѣлось сердить собственно генерала; но мнѣ захотѣлось теперь посердить Полину. Полина обошлась со мною такъ жестоко и сама толкнула меня на такую глупую дорогу, что мнѣ очень хотѣлось довести ее до того, чтобы она сама попросила меня остановиться. Мое школьничество могло наконецъ и ее компрометировать. Кромѣ того, во мнѣ сформировались кой-какія другія ощущенія и желанія; если я, напримѣръ, исчезаю предъ нею самовольно въ ничто, то это вовсе вѣдь не значитъ, что предъ людьми я мокрая курица и ужь конечно не барону «бить меня палкой». Мнѣ захотѣлось надъ всеѣми ними насмѣяться, а самому выйти молодцомъ. Пусть посмотрятъ. Небось! она испугается скандала и кликнетъ меня опять. А и не кликнетъ, такъ все-таки увидить, что я не мокрая курица...

(Удивительное извѣстіе: сейчасъ только услышалъ отъ нашей няни, которую встрѣтилъ на лѣстницѣ, что Марья Филипповна отправилась сегодня, одна одинешенька, въ Карлсбадъ, съ вечернимъ поѣздомъ, къ двоюродной сестрѣ. Это что за извѣстіе? Няня говоритъ, что она давно собиралась; но какъ же этого никто не зналъ? Впрочемъ, можетъ я только не зналъ. Няня проговорила мнѣ, что Марья Филипповна съ генераломъ еще третьяго дня крупно поговорила. Понимаю-съ. Это навѣрное — *Mlle Blanche*. Да, у насъ наступаетъ что-то рѣшительное.)

ГЛАВА VII.

На утро я позвалъ кельнера и объявилъ, чтобы счетъ мнѣ писали особенно. Номеръ мой былъ не такъ еще дорогъ, чтобъ очень пугаться и совсѣмъ выѣхать изъ отеля. У меня было шестнадцать фридрихсдоровъ, а тамъ... тамъ, можетъ быть, богатство! Странное дѣло, я еще не выигралъ, но поступаю, чувствую и мыслю, какъ богачъ и не могу представлять себя иначе.

Я располагалъ, не смотря на ранній часъ, тотчасъ же отправиться къ мистеру Астлею въ отель *d'Angleterre*, очень не далеко отъ насъ,

какъ вдругъ вошелъ ко мнѣ Де-Гріе. Этого никогда еще не случалось, да сверхъ того съ этимъ господиномъ, во все послѣднее время, мы были въ самыхъ чуждыхъ и въ самыхъ натянутыхъ отношеніяхъ. Онъ явно не скрывалъ своего ко мнѣ пренебреженія, даже старался не скрывать; а я — я имѣлъ свои особыя причины его не жаловать. Однимъ словомъ, я его ненавидѣлъ. Приходъ его меня очень удивилъ. Я тотчасъ же смекнулъ, что тутъ что нибудь особенное заварилось.

Вошелъ онъ очень любезно и сказалъ мнѣ комплиментъ на счетъ моей комнаты. Видя, что я со шляпой въ рукахъ, онъ освѣдомился, неужели я такъ рано выхожу гулять. Когда же услышалъ, что я иду къ мистеру Астлею по дѣлу, подумалъ, сообразилъ, и лицо его приняло чрезвычайно озабоченный видъ.

Де-Гріе былъ, какъ всѣ французы, т. е. веселый и любезный, когда это надо и выгодно, и нестерпимо скучный, когда быть веселымъ и любезнымъ переставала необходимость. Французъ рѣдко натурально любезенъ; онъ любезенъ всегда, какъ бы по приказу, изъ расчета. Если, на примѣръ, видитъ необходимость быть фантастичнымъ, оригинальнымъ, по-необыденнѣе, то фантазія его самая глупая и неестественная, слагается изъ заранѣе принятыхъ и давно уже опошлившихся формъ. Натуральный же французъ состоитъ изъ самой мѣщанской, мелкой, обыденной положительности, — однимъ словомъ, скучнѣйшее существо въ мірѣ. По моему, только новички и особенно русскія барышни прельщаются французами. Всякому же порядочному существу тотчасъ же замѣтна и нестерпима эта казенщина разъ установившихся формъ салонной любезности, развязности и веселости.

— Я къ вамъ по дѣлу, началъ онъ чрезвычайно независимо, хотя впрочемъ вѣжливо, — и не скрою, что къ вамъ посломъ или, лучше сказать, посредникомъ отъ генерала. Очень плохо зная русскій языкъ, я ничего почти вчера не понималъ; но генераль мнѣ подробно объяснилъ и признаюсь...

— Но послушайте, М-г Де-Гріе, перебилъ я его, — вы вотъ и въ этомъ дѣлѣ взялись быть посредникомъ. Я, конечно, «un outchitel» и никогда не претендовалъ на честь быть близкимъ другомъ этого дома или на какія нибудь особенно интимныя отношенія, а потому и не знаю всѣхъ обстоятельствъ; но разъясните мнѣ: неужели вы ужъ теперь совсѣмъ принадлежите къ членамъ этого семейства? Потому что вы, наконецъ, во всемъ берете такое участіе, непременно, сей часъ же во всемъ посредникомъ...

Вопросъ мой ему не понравился. Для него онъ былъ слишкомъ прозраченъ, а проговариваться онъ не хотѣлъ.

— Меня связываютъ съ генераломъ отчасти дѣла, отчасти *нѣкоторыя особенныя* обстоятельства, сказалъ онъ сухо. Генераль прислалъ меня просить васъ оставить ваши вчерашнія намѣренія. Все, что вы выдумали, конечно очень остроумно; но онъ именно просилъ меня представить вамъ, что вамъ совершенно не удастся; мало того — васъ баронъ не приметъ и наконецъ, во всякомъ случаѣ, онъ вѣдь имѣетъ всѣ средства избавиться отъ дальнѣйшихъ непріятностей съ вашей стороны. Согласитесь сами. Къ чему же, скажите, продолжать? Генераль же вамъ обѣщаетъ, навѣрное, принять васъ опять въ свой домъ, при первыхъ удобныхъ обстоятельствахъ, а до того времени зачестъ ваше жалованье, vos appointements. Вѣдь это довольно выгодно, не правда ли?

Я возразилъ ему весьма спокойно, что онъ нѣсколько ошибается; что, можетъ быть, меня отъ барона и не прогонятъ, а напротивъ выслушаютъ, и попросилъ его признаться, что вѣроятно онъ затѣмъ и пришелъ, чтобъ выпытать: какъ именно я примусь за все это дѣло?

— О Боже, если генераль такъ заинтересованъ, то, разумѣется, ему пріятно будетъ узнать, что и какъ вы будете дѣлать? Это такъ естественно!

Я принялся объяснять, а онъ началъ слушать, развалясь, нѣсколько склонивъ ко мнѣ на бокъ голову, съ явнымъ, нескрываемымъ, ироническимъ оттѣнкомъ въ лицѣ. Вообще, онъ держалъ себя чрезвычайно свысока. Я старался всѣми силами притвориться, что смотрю на дѣло съ самой серьезной точки зрѣнія. Я объяснилъ, что такъ какъ баронъ обратился къ генералу съ жалобой на меня, точно на генеральскаго слугу, то во-первыхъ — лишилъ меня этимъ мѣста, а во-вторыхъ, третировалъ меня, какъ лицо, которое не въ состояніи за себя отвѣтить и съ которымъ не стоитъ и говорить. Конечно, я чувствую себя справедливо обиженнымъ; однако, понимая разницу лѣтъ, положенія въ обществѣ и пр. и прочее (я едва удерживался отъ смѣха въ этомъ мѣстѣ) не хочу брать на себя еще новаго легкомыслія, т. е. прямо потребовать отъ барона, или даже только предложить ему, объ удовлетвореніи. Тѣмъ не менѣе я считаю себя совершенно въ правѣ предложить ему, и особенно баронессѣ, мои извиненія, тѣмъ болѣе, что дѣйствительно въ послѣднее время я чувствую себя нездоровымъ, разстроеннымъ и, такъ сказать, фантастическимъ, и прочее и прочее. Однакожъ, самъ баронъ вчерашнимъ обиднымъ для меня обращеніемъ къ генералу и настояніемъ, чтобы генераль лишилъ меня мѣста, поставилъ меня въ такое положеніе, что теперь я уже не могу представить ему и баронессѣ мои извиненія, потому что и онъ, и баронесса, и весь свѣтъ навѣрно подумаютъ, что я пришелъ съ извиненіями со страха, чтобъ получить назадъ свое мѣсто. Изъ всего этого слѣдуетъ, что я нахожусь теперь вынужден-

нымъ просить барона, чтобы онъ первоначально извинился предо мною самъ, въ самыхъ умѣренныхъ выраженіяхъ, — напимѣрь, сказалъ бы, что онъ вовсе не желалъ меня обидѣть. И когда баронъ это выскажетъ, тогда я уже, съ развязанными руками, чистосердечно и искренно принесу ему и мои извиненія. Однимъ словомъ, заключилъ я, я прошу только, чтобы баронъ развязалъ мнѣ руки.

— Фи, какая щепетильность и какія утонченности! И чего вамъ извиняться? Ну согласитесь, М-г... М-г... что вы затѣваете все это нарочно, чтобы досадить генералу... а можетъ быть имѣете какія нибудь особыя цѣли... *mon cher monsieur... pardon, j'ai oublié votre nom M-g Alexis...? n'est ce pas?*

— Но позвольте, *mon cher marquis*, да вамъ что за дѣло?

— *Mais le général...*

— А генералу что? Онъ вчера что-то говорилъ, что держать себя на какой-то ногѣ долженъ... и такъ тревожился... но я ничего не понялъ.

— Тутъ есть, — тутъ именно существуетъ особое обстоятельство, подхватилъ Де-Гріе просящимъ тономъ, въ которомъ все болѣе и болѣе слышалась досада. Вы знаете *M-lle de Cominges?*..

— Т. е. *M-lle Blanche?*

— Ну да, *M-lle Blanche de Cominges... et madame sa mère...* согласитесь сами, генераль... однимъ словомъ, генераль влюбленъ и даже... даже, можетъ быть, здѣсь совершится бракъ. И представьте при этомъ разные скандалы, исторіи...

— Я не вижу тутъ ни скандаловъ, ни исторій касающихся брака.

— Но *le baron est si irascible, un caractère prussien, vous savez, enfin il fera une querelle d'Allemand.*

— Такъ мнѣ же, а не вамъ, потому что я уже не принадлежу къ дому... (Я нарочно старался быть какъ можно безтолковѣе). Но позвольте, такъ это рѣшено, что *M-lle Blanche* выходитъ за генерала? Чего же ждуть? Я хочу сказать — что скрывать объ этомъ, по крайней мѣрѣ отъ насъ, отъ домашнихъ?

— Я вамъ не могу... впрочемъ это еще не совѣмъ... однако... вы знаете, ждуть изъ Россіи извѣстія; генералу надо устроить дѣла...

— А, а! *la baboulinka!*

Де-Гріе съ ненавистью посмотрѣлъ на меня.

— Однимъ словомъ, — перебилъ онъ — я вполне надѣюсь на вашу врожденную любезность, на вашъ умъ, на тактъ... вы конечно сдѣлаете это для того семейства, въ которомъ вы были приняты какъ родной, были любимы, уважаемы...

— Помилуйте, я былъ выгнанъ! Вы, вотъ, утверждаете теперь, что это для виду; но согласитесь, если вамъ скажутъ: «я, конечно, не хочу

тебя выдрать за уши, но для виду позволь себя выдрать за уши...» Такъ вѣдь это почти все равно?

— Если такъ, если никакія просьбы не имѣютъ на васъ вліянія, началъ онъ строго и заносчиво, — то позвольте васъ увѣрить, что будутъ приняты мѣры. Тутъ есть начальство, васъ вышлютъ сегодня же, — *que diable! un blanc-bec, comme vous*, хочетъ вызвать на дуэль такое лицо, какъ баронъ! И вы думаете, что васъ оставятъ въ покоѣ? И повѣрьте, васъ никто здѣсь не боится! Если я просилъ, то болѣе отъ себя, потому что вы безпокоили генерала. И неужели, неужели вы думаете, что баронъ не велитъ васъ просто выгнать лакею?

— Да вѣдь я не самъ пойду, отвѣчалъ я съ чрезвычайнымъ спокойствіемъ, — вы ошибаетесь М-г Де-Гріе, все это обойдется гораздо приличнѣе, чѣмъ вы думаете. Я вотъ сейчасъ же отправлюсь къ мистеру Астлею и попрошу его быть моимъ посредникомъ, однимъ словомъ, быть моимъ *second*. Этотъ человѣкъ меня любитъ и навѣрное не откажетъ. Онъ пойдетъ къ барону и баронъ его приметъ. Если самъ я *un outchitel* и кажусь чѣмъ-то *subalterne*, ну и наконецъ, безъ защиты, то мистеръ Астлей — племянникъ лорда, настоящаго лорда, это извѣстно всѣмъ, лорда Пиброка и лордъ этотъ здѣсь. Повѣрьте, что баронъ будетъ вѣжливъ съ мистеромъ Астлеемъ и выслушаетъ его. А если не выслушаетъ, то мистеръ Астлей почтетъ это себѣ за личную обиду (вы знаете, какъ англичане настойчивы) и пошлетъ къ барону отъ себя пріятеля, а у него пріятели хорошіе. Разочтите теперь, что выйдетъ можетъ быть и не такъ, какъ вы полагаете.

Французъ рѣшительно струсилъ; дѣйствительно все это было очень похоже на правду, а стало быть выходило что я и въ самомъ дѣлѣ былъ въ силахъ затѣять исторію.

— Но прошу же васъ, началъ онъ совершенно умоляющимъ голосомъ, — оставьте все это! Вамъ точно пріятно, что выйдетъ исторія! Вамъ не удовлетворенія надобно, а исторіи! Я сказалъ, что все это выйдетъ забавно и даже остроумно — чего можетъ быть вы и добиваетесь, но — однимъ словомъ, заключилъ онъ, видя, что я всталъ и беру шляпу, я пришелъ вамъ передать эти два слова отъ одной особы, прочтите — мнѣ поручено ждать отвѣта.

Сказавъ это, онъ вынулъ изъ кармана и подалъ мнѣ маленькую, сложенную и запечатанную облаткою записочку.

Рукою Полины было написано:

«Мнѣ показалось, что вы намѣрены продолжать эту исторію. Вы разсердились и начинаете школьничать. Но тутъ есть особія обстоятельства и я вамъ ихъ потомъ, можетъ быть, объясню; а вы, пожалуйста, перестаньте и уймитесь. Какія все это глупости! Вы мнѣ нужны и сами

общались слушаться. Вспомните Шлангенбергъ. Прошу васъ быть послушнымъ и, если надо, приказываю. Ваша П. Р. S. Если на меня за вчерашнее сердитесь, то простите меня».

У меня какъ бы все перевернулось въ глазахъ, когда я прочелъ эти строчки. Губы у меня побѣлѣли и я сталъ дрожать. Проклятый французъ смотрѣлъ съ усиленно скромнымъ видомъ и отводя отъ меня глаза, какъ бы для того, чтобы не видѣть моего смущенія. Лучше бы онъ захоталъ надо мною.

— Хорошо, отвѣтилъ я, скажите, чтобы М-ле была спокойна. Позвольте же однако васъ спросить, прибавилъ я рѣзко, почему вы такъ долго не передавали мнѣ эту записку? вмѣсто того, чтобы болтать о пустякахъ, мнѣ кажется, вы должны были начать съ этого... если вы именно и пришли съ этимъ порученіемъ.

— О, я хотѣлъ... вообще все это такъ странно, что вы извините мое натуральное нетерпѣніе. Мнѣ хотѣлось поскорѣе узнать самому лично, отъ васъ самихъ, ваши намѣренія. Я впрочемъ не знаю, что въ этой запискѣ и думалъ, что всегда успѣю передать.

— Понимаю, вамъ просто за просто велѣно передать это только въ крайнемъ случаѣ, а если уладите на словахъ, то и не передавать. Такъ ли? Говорите прямо, М-г Де-Грие!

— *Peut-être*, сказалъ онъ, принимая видъ какой-то особенной сдержанности и смотря на меня какимъ-то особеннымъ взглядомъ.

Я взялъ шляпу; онъ кивнулъ головой и вышелъ. Мнѣ показалось, что на губахъ его насмѣшливая улыбка. Да и какъ могло быть иначе?

— Мы съ тобой еще сочтемся, французиска, помѣримся! бормоталъ я, сходя съ лѣстницы. Я еще ничего не могъ сообразить, точно что мнѣ въ голову ударило. Воздухъ нѣсколько освѣжилъ меня.

Минуты чрезъ двѣ, чуть-чуть только я сталъ ясно соображать, мнѣ ярко представились двѣ мысли: *первая*, — что изъ такихъ пустяковъ, изъ нѣсколькихъ школьническихъ невѣроятныхъ угрозъ мальчишки, высказанныхъ вчера на лету, поднялась такая *всеобщая* тревога! и *вторая* мысль — каково же, однако, вліяніе этого француза на Полину? Одно его слово — и она дѣлаетъ все, что ему нужно, пишетъ записку и даже *проситъ* меня. Конечно, ихъ отношенія и всегда для меня были загадкою съ самага начала, съ тѣхъ поръ, какъ я ихъ знать началъ; однакожъ въ эти послѣдніе дни — я замѣтилъ въ ней рѣшительное отвращеніе и даже презрѣніе къ нему, а онъ даже и не смотрѣлъ на нее, даже просто бывалъ съ ней невѣжливъ. Я это замѣтилъ. Полина сама мнѣ говорила объ отвращеніи; у ней уже прорывались чрезвычайно значительныя признанія... Значить, онъ просто владѣетъ ею, она у него въ какихъ-то цѣпяхъ...

ГЛАВА VIII.

На променадѣ, какъ здѣсь называютъ, т. е. въ каштановой аллеѣ, я встрѣтилъ моего англичанина.

— О, о! началъ онъ, завидя меня, — я къ вамъ, а вы ко мнѣ. Какъ вы ужь разстались съ вашими?

— Скажите, во-первыхъ, почему все это вы знаете, спросилъ я въ удивленіи, — неужели все это всѣмъ извѣстно?

— О нѣтъ, всѣмъ неизвѣстно; да и не стоитъ, чтобъ было извѣстно. Никто не говоритъ.

— Такъ почему вы это знаете?

— Я знаю, т. е. имѣлъ случай узнать. Теперь куда вы отсюда уѣдете? Я люблю васъ и потому къ вамъ пришелъ.

— Славный вы человѣкъ, мистеръ Астлей, сказалъ я (меня впрочемъ ужасно поразило: откуда онъ знаетъ?) и такъ какъ я еще не пилъ кофе, да и вы вѣроятно его плохо пили, то пойдете къ вокзалу въ кафе, тамъ сядемъ, закуримъ и я вамъ все расскажу, и... вы тоже мнѣ расскажете.

Кафе былъ во ста шагахъ. Намъ принесли кофе, мы усѣлись, я закурилъ папиросу, мистеръ Астлей ничего не закурилъ и, уставившись на меня, приготовился слушать.

— Я никуда не ѣду, я здѣсь остаюсь, началъ я.

— И я былъ увѣренъ, что вы останетесь, одобрительно произнесъ мистеръ Астлей.

Идя къ мистеру Астлею, я вовсе не имѣлъ намѣренія и даже нарочно не хотѣлъ рассказывать ему что нибудь о моей любви къ Полинѣ. Во всѣ эти дни, я не сказалъ съ нимъ объ этомъ почти ни одного слова. Къ тому же онъ былъ очень застѣнчивъ. Я съ перваго раза замѣтилъ, что Полина произвела на него чрезвычайное впечатлѣніе, но онъ никогда не упоминалъ ея имени. Но странно, вдругъ, теперь, только-что онъ усѣлся и уставился на меня своимъ пристальнымъ оловяннымъ взглядомъ, во мнѣ, неизвѣстно почему, явилась охота рассказать ему все, т. е. всю мою любовь и со всѣми ея отгѣнками. Я рассказывалъ цѣлые полчаса и мнѣ было это чрезвычайно пріятно, въ первый разъ я объ этомъ рассказывалъ! Замѣтивъ же, что въ нѣкоторыхъ, особенно пылкихъ мѣстахъ, онъ смущается, я нарочно усиливалъ пылкость моего рассказа. Въ одномъ раскаяваюсь: я можетъ быть сказалъ кое-что лишнее про француза...

Мистеръ Астлей слушалъ, сидя противъ меня, неподвижно, не издавая ни слова, ни звука и глядя мнѣ въ глаза; но когда я заговорилъ про француза, онъ вдругъ осадилъ меня и строго спросилъ: имѣю ли я право упоминать объ этомъ постороннемъ обстоятельстве? Мистеръ Астлей всегда очень странно задавалъ вопросы.

— Вы правы: боюсь, что нѣтъ, отвѣтилъ я.

— Объ этомъ маркизъ и о миссъ Полинѣ вы ничего не можете сказать точнаго, кромѣ однихъ предположеній?

Я опять удивился такому категорическому вопросу отъ такого застѣнчиваго человѣка, какъ мистеръ Астлей.

— Нѣтъ, точнаго ничего, отвѣтилъ я, — конечно ничего.

— Если такъ, то вы сдѣлали дурное дѣло, не только тѣмъ, что заговорили объ этомъ со мною, но даже и тѣмъ, что про себя это подумали.

— Хорошо, хорошо! Сознаюсь; но теперь не въ томъ дѣло, перебилъ я, про себя удивляясь. Тутъ я ему рассказалъ всю вчерашнюю исторію, во всѣхъ подробностяхъ, выходку Полины, мое приключеніе съ барономъ, мою отставку, необыкновенную трусость генерала и, наконецъ, въ подробности изложилъ сегодняшнее посѣщеніе Де-Грие, со всѣми оттѣнками; въ заключеніе показалъ ему записку.

— Что вы изъ этого выводите? спросилъ я. Я именно пришелъ узнать ваши мысли. Что же до меня касается, то я, кажется, убилъ бы этого французизку, и можетъ быть это сдѣлаю.

— И я, — сказалъ мистеръ Астлей. Что же касается до миссъ Полины, то... вы знаете, мы вступаемъ въ сношенія даже съ людьми намъ ненавистными, если насъ вызываетъ къ тому необходимость. Тутъ могутъ быть сношенія вамъ неизвѣстныя, зависящія отъ обстоятельствъ постороннихъ. Я думаю, что вы можете успокоиться — отчасти, разумѣется. Что же касается до вчерашняго поступка ея, то онъ, конечно, страненъ, — не потому, что она пожелала отъ васъ отвязаться и послала васъ подъ дубину барона (которую, я не понимаю почему, онъ не употребилъ, имѣя въ рукахъ), а потому, что такая выходка для такой... для такой превосходной миссъ — неприлична. Разумѣется, она не могла предугадать, что вы буквально исполните ея насмѣшливое желаніе...

— Знаете ли что? вскричалъ я вдругъ, пристально всматриваясь въ мистера Астлея: мнѣ сдается, что вы уже о всемъ объ этомъ слышали, знаете отъ кого? — отъ самой миссъ Полины!

Мистеръ Астлей посмотрѣлъ на меня съ удивленіемъ.

— У васъ глаза сверкаютъ и я читаю въ нихъ подозрѣніе, проговорилъ онъ, тотчасъ же возвративъ себѣ прежнее спокойствіе, — но вы не

имѣете ни малѣйшихъ правъ обнаруживать ваши подозрѣнія. Я не могу признать этого права, и вполне отказываюсь отвѣчать на вашъ вопросъ.

— Ну, довольно! И не надо! закричалъ я, странно волнуясь и непонимая, почему вскочило это мнѣ въ мысль! И когда, гдѣ, какимъ образомъ, мистеръ Астлей могъ бы быть выбранъ Полиною въ повѣренные? Въ послѣднее время, впрочемъ, я отчасти упустилъ изъ виду мистера Астлея, а Полина и всегда была для меня загадкой, — до того загадкой, что, на примѣръ, теперь, пустившись рассказывать всю исторію моей любви мистеру Астлею, я вдругъ, во время самого рассказа, былъ пораженъ тѣмъ, что почти ничего не могъ сказать объ моихъ отношеніяхъ съ нею точнаго и положительнаго. Напротивъ того, все было фантастическое, странное, неосновательное и даже ни на что непохожее.

— Ну, хорошо, хорошо; я сбить съ толку и теперь еще многого не могу сообразить, отвѣчалъ я, точно запыхавшись. Впрочемъ, вы хорошій человѣкъ. Теперь другое дѣло, и я прошу вашего — не совѣта, а мнѣнія.

Я помолчалъ и началъ:

— Какъ вы думаете, почему такъ струсилъ генераль? почему изъ моего глупѣйшаго шелопаичества они всѣ вывели такую исторію? Такую исторію, что даже самъ Де-Гріе нашель необходимымъ вмѣшаться (а онъ вмѣшивается только въ самыхъ важныхъ случаяхъ), посѣтилъ меня (каково!), просилъ, умолялъ меня — онъ, Де-Гріе, меня! Наконецъ, замѣтите себѣ, онъ пришелъ въ девять часовъ, въ концѣ девятаго, и ужъ записка миссъ Полины была въ его рукахъ. Когда же, спрашивается, она была написана? Можетъ быть, миссъ Полину разбудили для этого! Кромѣ того, что изъ этого я вижу, что миссъ Полина его раба (потому что даже у меня просить прощенія!), — кромѣ этого, — ей-то что во всемъ этомъ, ей лично? Она для чего такъ интересуется? Чего они испугались какого-то барона? И что-жъ такое, что генераль женится на m-lle Blanche de Cominges? Они говорятъ, что имъ какъ-то *особенно* держать себя вслѣдствіе этого обстоятельства надо, — но вѣдь это ужъ слишкомъ особенно, согласитесь сами! Какъ вы думаете? Я по глазамъ вашимъ убѣжденъ, что вы и тутъ болѣе меня знаете!

Мистеръ Астлей усмѣхнулся и кивнулъ головой.

— Дѣйствительно, я кажется и въ этомъ гораздо больше вашего знаю, сказалъ онъ. Тутъ все дѣло касается одной m-lle Blanche, и я увѣренъ, что это совершенная истина.

— Ну, что-жъ m-lle Blanche? вскричалъ я съ нетерпѣніемъ (у меня вдругъ явилась надежда, что теперь чтонибудь откроется о m-lle Полинѣ).

— Мнѣ кажется, что m-lle Blanche имѣетъ въ настоящую минуту особый интересъ всячески избѣгать встрѣчи съ барономъ и баронессой, — тѣмъ болѣе встрѣчи неприятной, еще хуже — скандальной.

— Ну! Ну!

— M-lle Blanche, третьяго года, во время сезона уже была здѣсь, въ Рулетенбургѣ. И я тоже здѣсь находился. M-lle Blanche тогда не называлась m-lle de Cominges, равномѣрно и мать ея, m-me veuve Cominges тогда не существовала. По крайней мѣрѣ, о ней не было и помину. Де-Гриѣ — Де-Гриѣ — тоже не было. Я питаю глубокое убѣжденіе, что они не только не родня между собою, но даже и знакомы весьма недавно. Маркизомъ Де-Гриѣ сталъ тоже весьма недавно, — я въ этомъ увѣренъ, по одному обстоятельству. Даже можно предположить, что онъ и Де-Гриѣ сталъ называться недавно. Я знаю здѣсь одного человѣка, встрѣчавшаго его и подъ другимъ именемъ.

— Но вѣдь онъ имѣетъ дѣйствительно солидный кругъ знакомства?

— О, это можетъ быть. Даже m-lle Blanche его можетъ имѣть. Но третьяго года m-lle Blanche, по жалобѣ этой самой баронессы, получила приглашеніе отъ здѣшной полиціи покинуть городъ и покинула его.

— Какъ такъ?

— Она появилась тогда здѣсь — сперва съ однимъ итальянцемъ, какимъ-то княземъ, съ историческимъ именемъ, что-то въ родѣ *Барберини* или что-то похожее. Человѣкъ, весь въ перстняхъ и брилліантахъ, и даже не фальшивыхъ. Они ѣздили въ удивительномъ экипажѣ. M-lle Blanche играла въ *trente et quarante* сначала хорошо, потомъ ей стало сильно измѣнять счастье; такъ я припоминаю. Я помню, въ одинъ вечеръ она проиграла чрезвычайную сумму. Но всего хуже, что, *un beau matin*, ея князь исчезъ неизвѣстно куда; исчезли и лошади, и экипажъ, все исчезло. Долгъ въ отелѣ ужасный. M-lle Зельмá (вмѣсто Барберини она вдругъ обратилась въ m-lle Зельмú) была въ послѣдней степени отчаянія. Она выла и визжала на весь отель, и разорвала въ бѣшенствѣ свое платье. Тутъ же въ отелѣ стоялъ одинъ польскій графъ (всѣ путешествующіе поляки — графы) и m-lle Зельмá, разрывавшая свои платья и царапавшая, какъ кошка, свое лицо своими прекрасными, вымытыми въ духахъ, руками, произвела на него нѣкоторое впечатлѣніе. Они переговорили, и къ обѣду она утѣшилась. Вечеромъ, онъ появился съ нею подъ руку въ воксалѣ. M-lle Зельмá смѣялась, по своему обыкновенію, весьма громко и въ манерахъ ея оказалось нѣсколько болѣе развязности. Она поступила прямо въ тотъ разрядъ играющихъ на рулеткѣ дамъ, которыя, подходя къ столу, изо всей силы отталкиваютъ плечомъ игрока, чтобы

очистить себѣ мѣсто. Это особенный здѣсь шикъ у этихъ дамъ. Вы ихъ, конечно, замѣтили?

— О, да.

— Не стоитъ и замѣчать. Къ досадѣ порядочной публики онѣ здѣсь не переводятся, по крайней мѣрѣ тѣ изъ нихъ, которыя мѣняютъ каждый день у стола тысяче-франковые билеты. Впрочемъ, какъ только онѣ перестаютъ мѣнять билеты, ихъ тотчасъ просятъ удалиться. М-лле Зельмá еще продолжала мѣнять билеты; но игра ея шла еще несчастливѣе. Замѣтите себѣ, что эти дамы весьма часто играютъ счастливо; у нихъ удивительное владѣніе собою. Впрочемъ, исторія моя кончена. Однажды, точно также какъ и князь, исчезъ и графъ. М-лле Зельмá явилась вечеромъ играть уже одна; на этотъ разъ никто не явился предложить ей руку. Въ два дня она проигралась окончательно. Поставивъ послѣдній луидоръ и проигравъ его, она осмотрѣлась кругомъ и увидѣла подлѣ себя барона Вурмергельма, который очень внимательно и съ глубокимъ негодованіемъ ее разсматривалъ. Но м-лле Зельмá не разглядѣла негодованія и, обратившись къ барону съ извѣстной улыбкой, попросила поставить за нее на красную десять луидоровъ. Вслѣдствіе этого, по жалобѣ баронессы, она къ вечеру получила приглашеніе не показываться болѣе въ воксалѣ. Если вы удивляетесь, что мнѣ извѣстны всѣ эти мелкія и совершенно неприличныя подробности, то это потому, что слышалъ я ихъ окончательно отъ мистера Фидера, одного моего родственника, который въ тотъ же вечеръ увезъ въ своей коляскѣ м-лле Зельму изъ Рулетенбурга въ Спа. Теперь поймите: М-лле Blanche хочетъ быть генеральшей, вѣроятно для того, чтобы впредь не получать такихъ приглашеній, какъ третьяго года отъ полиціи воксала. Теперь она уже не играетъ; но это потому, что теперь у ней, по всѣмъ признакамъ, есть капиталъ, который она ссужаетъ здѣшнимъ игрокамъ на проценты. Это гораздо разсчетливѣе. Я даже подозрѣваю, что ей долженъ и несчастный генераль. Можетъ быть долженъ и Де-Гріе. Можетъ быть Де-Гріе съ ней въ компаніи. Согласитесь сами, что по крайней мѣрѣ до свадьбы она бы не желала почему либо обратить на себя вниманіе баронессы и барона. Однимъ словомъ, въ ея положеніи, ей всего менѣе выгоденъ скандалъ. Вы же связаны съ ихъ домомъ и ваши поступки могли возбудить скандалъ, тѣмъ болѣе, что она каждодневно является въ публикѣ подъ руку съ генераломъ или съ миссъ Полиною. Теперь понимаете?

— Нѣтъ, не понимаю! вскричалъ я изо всей силы стукнувъ по столу, такъ что *garçon* прибѣжалъ въ испугѣ.

— Скажите, мистеръ Астлей, повторилъ я въ изступленіи, — если вы уже знали всю эту исторію, а слѣдственно знаете наизусть, что такое *m-lle Blanche de Cominges*, — то какимъ образомъ не предупредили вы

хоть меня, — самого генерала наконецъ, а главное, главное миссъ Полину, которая показывалась здѣсь въ воксалѣ, въ публикѣ съ m-lle Blanche подъ руку? Развѣ это возможно?

— Васъ предупредить мнѣ было нечего, потому что вы ничего не могли сдѣлать, спокойно отвѣчалъ мистеръ Астлей. А, впрочемъ, и о чемъ предупредить? Генераль можетъ быть знаетъ о m-lle Blanche еще болѣе, чѣмъ я, и все-таки прогуливается съ нею и съ миссъ Полиной. Генераль — несчастный человѣкъ. Я видѣлъ вчера, какъ m-lle Blanche скакала на прекрасной лошади съ M-r Де-Гриэ и съ этимъ маленькимъ русскимъ княземъ, а генераль скакалъ за ними на рыжей лошади. Онъ утромъ говорилъ, что у него болятъ ноги, но посадка его была хороша. И вотъ, въ это-то мгновеніе, мнѣ вдругъ пришло на мысль, что это совершенно погибшій человѣкъ. Къ тому же все это не мое дѣло и я только недавно имѣлъ честь узнать миссъ Полину. А впрочемъ (спохватился вдругъ мистеръ Астлей) я уже сказалъ вамъ, что не могу признать ваши права на нѣкоторые вопросы, несмотря на то, что искренно васъ люблю...

— Довольно, сказалъ я вставая; теперь мнѣ ясно, какъ день, что и миссъ Полинѣ все извѣстно о m-lle Blanche, но что она не можетъ разстаться со своимъ французомъ, а потому и рѣшается гулять съ m-lle Blanche. Повѣрьте, что никакія другія вліянія не заставили бы ее гулять съ m-lle Blanche и умолять меня въ запискѣ не трогать барона. Тутъ именно должно быть это вліяніе, предъ которымъ все склоняется! И однако вѣдь она же меня и напустила на барона! Чортъ возьми, тутъ ничего не разберешь!

— Вы забываете, во-первыхъ, что эта m-lle de-Cominges — невѣста генерала, а во-вторыхъ, что у миссъ Полины, падчерицы генерала, есть маленькій братъ и маленькая сестра, родныя дѣти генерала, ужь совершенно брошенныя этимъ сумасшедшимъ человѣкомъ, а кажется и ограбленныя.

— Да, да! это такъ! уйти отъ дѣтей — значитъ ужь совершенно ихъ бросить, остаться — значитъ защитить ихъ интересы, а можетъ быть и спасти клочки имѣнія. Да, да, все это правда! Но все-таки, все-таки! О, я понимаю, почему всѣ они такъ теперь интересуются бабуленькой!

— О комъ? спросилъ мистеръ Астлей.

— О той старой вѣдьмѣ въ Москвѣ, которая не умираетъ и о которой ждуть телеграммы, что она умретъ.

— Ну да, конечно, весь интересъ въ ней соединился. — Все дѣло въ наслѣдствѣ! объявится наслѣдство и генераль женится; миссъ Полина будетъ тоже развязана, а Де-Гриэ...

— Ну, а Де-Грие?

— А Де-Грие будутъ заплачены деньги; онъ того только здѣсь и ждетъ.

— Только! вы думаете, только этого и ждетъ?

— Болѣе я ничего не знаю, — упорно замолчалъ мистеръ Астлей.

— А я знаю, я знаю! повторялъ я въ ярости; онъ тоже ждетъ наслѣдства, потому что Полина получить приданое, а, получивъ деньги — тотчасъ кинется ему на шею. Всѣ женщины таковы! И самыя гордыя изъ нихъ — самыя-то пошлыми рабами и выходятъ! Полина способна только страстно любить и больше ничего! Вотъ мое мнѣніе о ней! Поглядите на нее, особенно, когда она сидитъ одна, задумавшись: это — что-то предназначенное, приговоренное, проклятое! Она способна на всѣ ужасы жизни и страсти... она... она..., но кто это зоветъ меня? воскликнулъ я вдругъ. Кто кричитъ? Я слышалъ закричали по-русски: Алексѣй Ивановичъ! Женскій голосъ, слышите, слышите!

Въ это время мы подходили къ нашему отелю. Мы давно уже, почти не замѣчая того, оставили кафе.

— Я слышалъ женскіе крики, но не знаю, кого зовутъ; это по-русски; теперь я вижу, откуда крики, указывалъ мистеръ Астлей, — это кричитъ та женщина, которая сидитъ въ большомъ креслѣ и которую внесли сейчасъ на крыльцо столько лакеевъ. Сзади несутъ чемоданы, значитъ только что пріѣхалъ поѣздъ.

— Но почему она зоветъ меня? Она опять кричитъ; смотрите, она намъ машетъ.

— Я вижу, что она машетъ, сказалъ мистеръ Астлей.

— Алексѣй Ивановичъ! Алексѣй Ивановичъ! Ахъ, Господи, что это за олухъ! раздавались отчаянные крики съ крыльца отеля.

Мы почти побѣжали къ подъѣзду. Я вступилъ на площадку и... руки мои опустились отъ изумленія, а ноги такъ и приросли къ камню.

ГЛАВА ІХ.

На верхней площадкѣ широкаго крыльца отеля, внесенная, по ступенямъ, въ креслахъ и окруженная слугами, служанками и многочисленною подобострастною челядью отеля, въ присутствіи самого оберъ-кельнера, вышедшаго встрѣтить высокую посѣтительницу, пріѣхавшую съ такимъ трескомъ и шумомъ, съ собственною прислугою и съ столькими баулами и чемоданами, возсѣдала — *бабушка!* Да, это была она сама, грозная и богатая, семидесяти-пяти лѣтняя, Антонида Васильевна Тарасевичева, помѣщица и московская барыня, la baboulinka, о которой

пускались и получались телеграммы, умиравшая и неумершая, и которая вдруг сама, собственно-лично, явилась къ намъ, какъ снѣгъ на голову. Она явилась, хотя и безъ ногъ, носимая, какъ и всегда, во всѣ послѣдніе пять лѣтъ, въ креслахъ, но, по обыкновенію своему, бойкая, задорная, самодовольная, прямо сидящая, громко и повелительно кричащая, всѣхъ бранящая, — ну точь въ точь такая, какъ я имѣлъ честь видѣть ее раза два, съ того времени, какъ опредѣлился въ генеральскій домъ учителемъ. Естественно, что я стоялъ предъ нею истуканомъ отъ удивленія. Она же разглядѣла меня своимъ рысьимъ взглядомъ еще за сто шаговъ, когда ее вносили въ креслахъ, узнала и кликнула меня по имени и отчеству, — что тоже, по обыкновенію своему, разъ на всегда запомнила. «И эдакую-то ждали видѣть въ гробу, схороненную и оставившую наслѣдство», пролетѣло у меня въ мысляхъ, — «да она всѣхъ насъ и весь отель переживетъ! Но Боже, что-жъ это будетъ теперь съ нашими, что будетъ теперь съ генераломъ! Она весь отель теперь перевернетъ на сторону!»

— Ну, что-жъ ты, батюшка, сталъ предо мною, глаза выпучилъ! продолжала кричать на меня бабушка; поклониться-поздороваться не умѣешь, что-ли? Аль загордился, не хочешь? Аль, можетъ, не узналъ? Слышишь, Потапычъ, обратилась она къ сѣдому старичку, во фракѣ, въ бѣломъ галстукѣ и съ розовой лысиной, своему дворецкому, сопровождавшему ее въ вояжѣ, — слышишь, не узнаетъ! Схоронили! Телеграмму за телеграммою посылали: умерла, аль не умерла? Вѣдь я все знаю! А я, вотъ видишь, и живехонька.

— Помилуйте, Антонида Васильевна, съ чего мнѣ-то вамъ худаго желать? весело отвѣчалъ я, очнувшись, — я только былъ удивленъ... Да и какъ же не подивиться, такъ неожиданно...

— А что тебѣ удивительнаго? сѣла, да поѣхала. Въ вагонѣ покойно, толчковъ нѣтъ. Ты гулять ходилъ, что-ли?

— Да, прошелся къ вокзалу.

— Здѣсь хорошо, сказала бабушка озираясь, — тепло и деревья богатая. Это я люблю! Наши дома? Генераль?

— О! дома, въ этотъ часъ навѣрно всѣ дома.

— А у нихъ и здѣсь часы заведены, и всѣ церемоніи? Тону задаютъ. Экипажъ, я слышала, держатъ, *les seigneurs russes!* Просвистались, такъ и за границу! И Прасковья съ нимъ?

— И Полина Александровна тоже.

— И французиска? Ну, да сама всѣхъ увижу. Алексѣй Ивановичъ, показывай дорогу, прямо къ нему. Тебѣ-то здѣсь хорошо ли?

— Такъ себѣ, Антонида Васильевна.

— А ты, Потапычъ, скажи этому олуху, кельнеру, чтобъ мнѣ удобную квартиру отвели, хорошую, не высоко, туда и вещи сейчасъ пере-

неси. Да чего всѣмъ то соваться меня нести? Чего они лѣзутъ? Экіе рабы! Это кто съ тобой? обратилась она опять ко мнѣ.

— Это мистеръ Астлей, отвѣчалъ я.

— Какой такой мистеръ Астлей?

— Путешественникъ, мой добрый знакомый; знакомъ и съ генераломъ.

— Англичанинъ. То-то онъ уставился на меня и зубовъ не разжимаетъ. Я, впрочемъ, люблю англичанъ. Ну, тащите на верхъ, прямо къ нимъ на квартиру; гдѣ они тамъ?

Бабушку понесли; я шельъ впереди по широкой лѣстницѣ отеля. Шествіе наше было очень эффектное. Всѣ, кто попадались, — останавливались и смотрѣли во всѣ глаза. Нашъ отель считается самымъ лучшимъ, самымъ дорогимъ и самымъ аристократическимъ на водахъ. На лѣстницѣ и въ корридорахъ всегда встрѣчаются великолѣпныя дамы и важные англичане. Многіе освѣдомлялись внизу у оберъ-кельнера, который, съ своей стороны, былъ глубоко пораженъ. Онъ конечно отвѣчалъ всѣмъ спрашивавшимъ, что это важная иностранка, *une gusse, une comtesse, grande dame*, и что она займетъ то самое помѣщеніе, которое за недѣлю тому назадъ занимала *la grande duchesse de N*. Повелительная и властительная наружность бабушки, возносимой въ креслахъ, была причиною главнаго эффекта. При встрѣчѣ со всякимъ новымъ лицомъ, она тотчасъ обмѣривала его любопытнымъ взглядомъ и о всѣхъ громко меня спрашивала. Бабушка была изъ крупной породы, и хотя и не вставала съ креселъ, но предчувствовалось глядя на нее, что она весьма высокаго роста. Спина ея держалась прямо, какъ доска, и не опиралась, на кресло. Сѣдая, большая ея голова, съ крупными и рѣзкими чертами лица, держалась вверхъ; глядѣла она какъ-то даже заносчиво и съ вызовомъ; и видно было, что взглядъ и жесты ея совершенно натуральны. Не смотря на семьдесятъ пять лѣтъ, лицо ея было довольно свѣжо и даже зубы несовсѣмъ пострадали. Одѣта она была въ черномъ шелковомъ платьѣ и въ бѣломъ чепчикѣ.

— Она чрезвычайно интересуется меня, шепнулъ мнѣ, подымаясь рядомъ со мною, мистеръ Астлей.

«О телеграммахъ она знаетъ», подумалъ я; «Де-Гріе ей тоже извѣстенъ, но *m-lle Blanche* еще кажется мало извѣстна.» Я тотчасъ же сообщилъ объ этомъ мистеру Астлею.

Грѣшный человѣкъ! только что прошло мое первое удивленіе, я ужасно обрадовался громовому удару, который мы произведемъ сейчасъ у генерала. Меня точно что подзадоривало и я шельъ впереди чрезвычайно весело.

Наши квартировали въ третьемъ этажѣ; я не докладывалъ и даже не постучалъ въ дверь, а просто растворилъ ее настежь, и бабушку внесли съ триумфомъ. Всѣ они были, какъ нарочно, въ сборѣ, въ кабинетѣ генерала. Было двѣнадцать часовъ и кажется проектировалась какая-то поѣздка, — одни собирались въ коляскахъ, другіе верхами, всей компаніей; кромѣ того были еще приглашенные изъ знакомыхъ. Кромѣ генерала, Полины съ дѣтьми, ихъ нянюшки, находились въ кабинетѣ: Де-Гриэ, m-lle Blanche, опять въ амазонкѣ, ея мать m-me veuve Cominges, маленькій князь и еще какой-то ученый путешественникъ, нѣмецъ, котораго я видѣлъ у нихъ еще въ первый разъ. Кресла съ бабушкой прямо опустили посрединѣ кабинета, въ трехъ шагахъ отъ генерала. Боже, никогда не забуду этого впечатлѣнія! Предъ нашимъ входомъ генераль что-то рассказывалъ, а Де-Гриэ его поправлялъ. Надо замѣтить, что m-lle Blanche и Де-Гриэ вотъ уже два-три дня почему-то очень ухаживали за маленькимъ княземъ, — *à la barbe du pauvre général*, и компанія, хоть можетъ быть и искусственно, но была настроена на самый веселый и радушно-семейный тонъ. При видѣ бабушки, генераль вдругъ остолбенѣлъ, разинулъ ротъ и остановился на полсловѣ. Онъ смотрѣлъ на нее, выпучивъ глаза, какъ будто околдованный взглядомъ василиска. Бабушка смотрѣла на него тоже молча, неподвижно, — но что это былъ за торжествующій, вызывающій и насмѣшливый взглядъ! Они просмотрѣли такъ другъ на друга секундъ десять битыхъ, при глубокомъ молчаніи всѣхъ окружающихъ. Де-Гриэ сначала оцѣпенѣлъ, но скоро необыкновенное безпокойство замелькало въ его лицѣ. M-lle Blanche подняла брови, раскрыла ротъ и дико разглядывала бабушку. Князь и ученый въ глубокомъ недоумѣніи созерцали всю эту картину. Во взглядѣ Полины выразилось чрезвычайное удивленіе и недоумѣніе, но вдругъ она поблѣднѣла, какъ платокъ; черезъ минуту кровь быстро ударила ей въ лицо и залила ея щеки. Да, это была катастрофа для всѣхъ! Я только и дѣлалъ, что переводилъ мои взгляды отъ бабушки на всѣхъ окружающихъ, и обратно. Мистеръ Астлей стоялъ въ сторонѣ, по своему обыкновенію, спокойно и чинно.

— Ну, вотъ и я! вмѣсто телеграммы-то! разразилась наконецъ бабушка, прерывая молчаніе. Что, не ожидали?

— Антонида Васильевна... тетушка... но какимъ же образомъ... пробормоталъ несчастный генераль. Если бы бабушка не заговорила еще нѣсколько секундъ, то, можетъ быть, съ нимъ былъ бы ударъ.

— Какъ, какимъ образомъ? Сѣла, да поѣхала. А желѣзная-то дорога на что? А вы всѣ думали: я ужь ноги протянула и вамъ наследство оставила? Я вѣдь знаю, какъ ты отсюда телеграммы-то посылалъ.

Денегъ-то что за нихъ переплатилъ, я думаю. Отсюда не дешево. А я ноги на плечи, да и сюда. Это тотъ французъ? М-г Де-Грие кажется?

— Oui, madame, подхватилъ Де-Грие, — et croyez, je suis si enchanté... votre santé... c'est un miracle... vous voir ici... une surprise charmante...

— То-то charmante; знаю я тебя, фигляръ ты этакой, да я-то тебѣ вотъ на столечко не вѣрю! и она указала ему свой мизинецъ. Это кто такая, обратилась она, указывая на m-lle Blanche. Эффектная французженка, въ амазонкѣ, съ хлыстомъ въ рукѣ, видимо ее поразила. — Здѣшняя, что ли?

— Это m-lle Blanche de Cominges, а вотъ и маменька ея, m-me de Cominges; они квартируютъ въ здѣшнемъ отелѣ, доложилъ я.

— Замужемъ дочь-то? не церемонясь спрашивала бабушка.

— M-lle de Cominges дѣвица, отвѣчалъ я, какъ можно почтительно и нарочно въ полголоса.

— Веселая?

Я было не понялъ вопроса.

— Не скучно съ нею? По-русски понимаетъ? Вотъ Де-Грие у насъ въ Москвѣ намастачился по нашему-то, съ пятаго на десятое.

Я объяснилъ ей, что m-lle de Cominges никогда не была въ Россіи.

— Bonjour! сказала бабушка, вдругъ рѣзко обращаясь къ m-lle Blanche.

— Bonjour, Madame, церемонно и изячно присѣла m-lle Blanche, поспѣшивъ, подъ покровомъ необыкновенной скромности и вѣжливости, выказать всѣмъ выраженіемъ лица и фигуры чрезвычайное удивленіе къ такому странному вопросу и обращенію.

— О, глаза опустила, манерничаетъ и церемонничаетъ; сейчасъ видна птица; актриса какая нибудь. Я здѣсь въ отелѣ внизу остановилась, обратилась она вдругъ къ генералу; — сосѣдка тебѣ буду; радъ или не радъ?

— О, тетушка! Повѣрьте искреннимъ чувствамъ... моего удовольствія, подхватилъ генераль. Онъ уже отчасти опомнился, а такъ какъ, при случаѣ, онъ умѣлъ говорить удачно, важно и съ претензією на нѣкоторый эффектъ, то принялся распространяться и теперь. — Мы были такъ встревожены и поражены извѣстіями о вашемъ нездоровьѣ... Мы получали такія безнадежныя телеграммы, и вдругъ...

— Ну, врешь! врешь! перебила тотчасъ бабушка.

— Но какимъ образомъ, тоже поскорѣй перебилъ и возвысилъ голосъ генераль, постаравшись не замѣтить этого: «врешь», — какимъ образомъ вы однако рѣшились на такую поѣздку? Согласитесь сами, что въ вашихъ лѣтахъ и при вашемъ здоровьѣ... по крайней мѣрѣ, все это

такъ неожиданно, что понятно наше удивленіе. Но я такъ радъ... и мы всѣ (онъ началъ умильно и восторженно улыбаться) стараемся изо всѣхъ силъ сдѣлать вамъ здѣшній сезонъ наипріятнѣйшимъ препровожденіемъ...

— Ну, довольно; болтовня пустая; нагородилъ по обыкновенію; я и сама съумѣю прожить. Впрочемъ, и отъ васъ не прочь; зла не помню. Какимъ образомъ, ты спрашиваешь. Да что тутъ удивительнаго? Самымъ простѣйшимъ образомъ. И чего они всѣ удивляются. Здравствуй, Прасковья. Ты здѣсь что дѣлаешь?

— Здравствуйте, бабушка, сказала Полина, приближаясь къ ней, — давно ли въ дорогѣ?

— Ну, вотъ эта умнѣе всѣхъ спросила, а то: ахъ, да ахъ! Вотъ видишь ты: лежала-лежала, лечили-лечили, я докторовъ прогнала и позвала, пономаря отъ Николы. Онъ отъ такой же болѣзни сѣнной тухой одну бабу вылечилъ. Ну, и мнѣ помогъ; на третій день вся вспотѣла и поднялась. Потомъ опять собрались мои нѣмцы, надѣли очки и стали рядить: «Если бы теперь, говорятъ, за границу на воды и курсъ взять, такъ совсѣмъ бы завалы прошли». А почему же нѣтъ, думаю? Дурь-Зажигины разъахались: куда вамъ, говорятъ, доѣхать! Ну, вотъ-те на! Въ одинъ день собралась и на прошлой недѣлѣ въ пятницу взяла дѣвушку, да Потапыча, да Ѳедора лакея, да этого Ѳедора изъ Берлина и прогнала, потому: вижу совсѣмъ его не надо, и одна одишенька доѣхала бы. Вагонъ беру особенный, а носильщики на всѣхъ станціяхъ есть, за двугривенный куда хочешь донесутъ. Ишь, вы квартиру нанимаете какую! заключила она, осматриваясь. Изъ какихъ это ты денегъ, батюшка? Вѣдь все у тебя въ залогѣ. Одному этому французискѣ что долженъ деньжищъ-то! Я вѣдь все знаю, все знаю!

— Я, тетушка... началъ генераль, весь сконфузившись, — я удивляюсь, тетушка... я, кажется, могу и безъ чьего либо контроля... притомъ же, мои расходы не превышаютъ моихъ средствъ, и мы здѣсь...

— У тебя-то не превышаютъ? сказалъ! У дѣтей-то, должно быть, послѣднее ужъ заграбилъ, опекунъ!

— Послѣ этого, послѣ такихъ словъ... началъ генераль въ негодованіи, — я уже и не знаю...

— То-то не знаешь! небось здѣсь отъ рулетки не отходишь? Весь просвистался?

Генераль былъ такъ пораженъ, что чуть не захлебнулся отъ прилива взволнованныхъ чувствъ своихъ.

— На рулеткѣ! Я? при моемъ значеніи... Я? Опомнитесь, тетушка, вы еще, должно быть, нездоровы...

— Ну, врешь, врешь; небось оттащить не могутъ; все врешь! Я вотъ посмотрю, что это за рулетка такая, сегодня же. Ты, Прасковья, мнѣ расскажи, гдѣ что здѣсь осматриваютъ, да вотъ и Алексѣй Ивановичъ покажетъ, а ты, Потапычъ, записывай всѣ мѣста, куда ѣхать? Что здѣсь осматриваютъ? обратилась вдругъ она опять къ Полинѣ.

— Здѣсь есть близко развалины замка, потомъ Шлангенбергъ.

— Что это Шлангенбергъ? Роща, что ли?

— Нѣтъ не роща, это гора; тамъ пуантъ...

— Какой такой пуантъ?

— Самая высшая точка на горѣ, огороженное мѣсто. Оттуда видъ безподобный.

— Это на гору-то кресла тащить? Встащутъ, аль нѣтъ?

— О, носильщиковъ сыскать можно, отвѣчалъ я.

Въ это время подошла здороваться къ бабушкѣ Ѳедосья, нянюшка, и подвела генеральскихъ дѣтей.

— Ну, нечего лобызаться! Не люблю цѣловаться съ дѣтьми: всѣ дѣти сопливыя. Ну, ты какъ здѣсь, Ѳедосья?

— Здѣсь очинно, очинно хорошо, матушка Антонида Васильевна, отвѣтила Ѳедосья. — Какъ вамъ то было, матушка? Ужь мы такъ про васъ изболѣзновались.

— Знаю; ты-то простая душа. Это что у васъ, все гости, что ли? обратилась она опять къ Полинѣ. — Это кто плюгавенькѣй-то, въ очкахъ?

— Князь Нильскій, бабушка, прошептала ей Полина.

— А, русскій? а я думала не пойметъ! Не слыхалъ, можетъ быть! Мистера Астлея я уже видѣла. Да вотъ онъ опять, — увидала его бабушка, — здравствуйте! обратилась она вдругъ къ нему.

Мистеръ Астлей молча ей поклонился.

— Ну, что вы мнѣ скажете хорошаго? Скажите чтонибудь! Переведи ему это, Полина.

Полина перевела.

— То, что я гляжу на васъ съ большимъ удовольствіемъ и радуюсь, что вы въ добромъ здоровьѣ, серьезно, но съ чрезвычайною готовностью отвѣтилъ мистеръ Астлей. Бабушкѣ перевели, и ей видимо это понравилось.

— Какъ англичане всегда хорошо отвѣчаютъ, замѣтила она. Я почему-то всегда любила англичанъ, сравненія нѣтъ съ французисками! Заходите ко мнѣ, обратилась она опять къ мистеру Астлею. Постараюсь васъ не очень обезпокоить. Переведи это ему, да скажи ему, что я здѣсь внизу, — здѣсь внизу — слышите внизу, внизу, повторяла она мистеру Астлею, указывая пальцемъ внизъ.

Мистеръ Астлей былъ чрезвычайно доволенъ приглашеніемъ.

Бабушка внимательнымъ и довольнымъ взглядомъ оглядѣла съ ногъ до головы Полину.

— Я бы тебя, Прасковья, любила, вдругъ сказала она, — дѣвка ты славная, лучше ихъ всѣхъ, да характершко у тебя — ухъ! Ну, да и у меня характеръ; повернись-ка; это у тебя не накладка въ волосахъ-то?

— Нѣтъ, бабушка, свои.

— То-то, не люблю теперешней глупой моды. Хороша ты очень. Я бы въ тебя влюбилась, еслибъ была кавалеромъ. Чего замужъ-то не выходишь? Но, однако, пора мнѣ. И погулять хочется, а то все вагонъ, да вагонъ... Ну, что ты, все еще сердисься? обратилась она къ генералу.

— Помилуйте, тетушка, полноте! спохватился обрадованный генераль, — я понимаю, въ ваши лѣта...

— *Cette vieille est tombée en enfance*, шепнулъ мнѣ Де-Гріе.

— Я вотъ все хочу здѣсь рассмотретьъ. Ты мнѣ Алексѣя Ивановича-то уступишь? продолжала бабушка генералу.

— О, сколько угодно, но я и самъ... и Полина, и М-г Де-Гріе... мы всѣ, всѣ сочтемъ за удовольствіе вамъ сопутствовать...

— *Mais, Madame, cela sera un plaisir...* подвернулся Де-Гріе съ обворожительной улыбкой.

— То-то *plaisir*. Смѣшонъ ты мнѣ, батюшка. Денегъ-то я тебѣ впрочемъ не дамъ, прибавила она вдругъ генералу. — Ну, теперь въ мой номеръ: осмотрѣть надо, а потомъ и отправимся по всѣмъ мѣстамъ. Ну, подымайте.

Бабушку опять подняли и всѣ отправились гурьбой, вслѣдъ за креслами, внизъ по лѣстницѣ. Генераль шелъ, какъ будто ошеломленный ударомъ дубины по головѣ. Де-Гріе что-то соображалъ. *Mlle Blanche* хотѣла было остаться, но почему-то разсудила тоже пойти со всѣми. За нею тотчасъ же отправился и князь, и на верху, въ квартирѣ генерала, остались только нѣмецъ и *Madame veuve Cominges*.

ГЛАВА X.

На водахъ, — да кажется и во всей Европѣ, — управляющіе отелями и обер-кельнеры, при отведеніи квартиръ посѣтителемъ, руководствуются не столько требованіями и желаніями ихъ, сколько собственнымъ личнымъ своимъ на нихъ взглядомъ; и надо замѣтить, рѣдко ошибаются. Но бабушкѣ, ужъ неизвѣстно почему, отвели такое богатое помѣщеніе, что даже пересолили: четыре великолѣпно убранныя комнаты, съ ванной, помѣщеніями для прислуги, особой комнатой для каме-

ристки, и прочее и прочее. Дѣйствительно, въ этихъ комнатахъ, недѣлю тому назадъ, останавливалась какая-то *grande duchesse*, о чемъ, конечно, тотчасъ же и объявлялось новымъ посѣтителемъ, для приданія еще большей цѣны квартирѣ. Бабушку пронесли или, лучше сказать, прокатили по всѣмъ комнатамъ, и она внимательно и строго оглядывала ихъ. Обер-кельнеръ, уже пожилой человѣкъ, съ плѣшивой головой, почтительно сопровождалъ ее при этомъ первомъ осмотрѣ.

Не знаю, за кого они всѣ приняли бабушку, но, кажется, за чрезвычайно важную и, главное, богатѣйшую особу. Въ книгу внесли тотчасъ: *Madame la générale, princesse de Tarassevitcheva*, хотя бабушка никогда не была княгиней. Своя прислуга, особое помѣщеніе въ вагонѣ, бездна ненужныхъ бауловъ, чемодановъ и даже сундуковъ, прибывшихъ съ бабушкой, вѣроятно послужили началомъ престижа; а кресла, рѣзкій тонъ и голосъ бабушки, ея эксцентрическіе вопросы, дѣлаемые съ самымъ не стѣсняющимся и не терпящимъ никакихъ возраженій видомъ, однимъ словомъ, вся фигура бабушки — прямая, рѣзкая, повелительная, — довершали всеобщее къ ней благоговѣніе. При осмотрѣ, бабушка вдругъ иногда приказывала останавливать кресла, указывала на какуюнибудь вещь въ мебелировкѣ и обращалась съ неожиданными вопросами къ почтительно улыбавшемуся, но уже начинавшему трусить обер-кельнеру. Бабушка предлагала вопросы на французскомъ языкѣ, на которомъ говорила, впрочемъ, довольно плохо, такъ что я обыкновенно переводилъ. Отвѣты обер-кельнера большею частію ей не нравились и казались неудовлетворительными. Да и она-то спрашивала все какъ будто не объ дѣлѣ, а Богъ знаетъ о чемъ. Вдругъ, напимѣръ, остановилась предъ картиною, — довольно слабой копіей съ какого-то извѣстнаго оригинала, съ миѳологическимъ сюжетомъ.

— Чей портретъ?

Обер-кельнеръ объявилъ, что, вѣроятно, какойнибудь графини.

— Какъ же ты не знаешь? Здѣсь живешь, а не знаешь. Почему онъ здѣсь? Зачѣмъ глаза косые?

На всѣ эти вопросы обер-кельнеръ удовлетворительно отвѣчать не могъ и даже потерялся.

— Вотъ болванъ-то! отозвалась бабушка по-русски.

Ее понесли далѣе. Та же исторія повторилась съ одной саксонской статуэткой, которую бабушка долго разсматривала и потомъ велѣла вынести, неизвѣстно за что. Наконецъ пристала къ обер-кельнеру: что стоили ковры въ спальнѣ, и гдѣ ихъ ткуть? Обер-кельнеръ обѣщалъ справиться.

— Вотъ ослы-то! ворчала бабушка, и обратила все свое вниманіе на кровать.

— Эдакой пышный балдахинъ! разверните его.

Постель развернули.

— Еще, еще, все разверните. Снимите подушки, наволочки, подымите перину.

Все перевернули. Бабушка осмотрѣла внимательно.

— Хорошо, что у нихъ клоповъ нѣтъ. Все бѣлье долой! Постлатъ мое бѣлье и мои подушки. Однако, все это слишкомъ пышно; куда мнѣ, старухѣ, такую квартиру: одной скучно. Алексѣй Ивановичъ, ты бывай ко мнѣ чаще, когда дѣтей перестанешь учить.

— Я, со вчерашняго дня, не служу болѣе у генерала, отвѣтилъ я, — и живу въ отелѣ совершенно самъ по себѣ.

— Это почему такъ?

— На дняхъ пріѣхалъ сюда одинъ знатный нѣмецкій баронъ съ баронессой, супругой, изъ Берлина. Я вчера, на гуляньѣ, заговорилъ съ нимъ по нѣмецки, не придерживаясь берлинскаго произношенія.

— Ну, такъ что же?

— Онъ счелъ это дерзостью и пожаловался генералу, а генераль вчера же уволилъ меня въ отставку.

— Да, чтожъ ты обругалъ, что ли, его, барона-то? (Хоть бы и обругалъ, такъ ничего!)

— О нѣтъ. Напротивъ, баронъ на меня палку поднялъ.

— И ты, слюняй, позволилъ такъ обращаться съ своимъ учителемъ, обратилась она вдругъ къ генералу, — да еще его съ мѣста прогналъ! Колпаки вы, — всѣ колпаки, какъ я вижу.

— Не беспокойтесь, тетушка, отвѣчалъ генераль съ нѣкоторымъ высокомѣрно-фамиллярнымъ оттѣнкомъ, — я самъ умѣю вести мои дѣла. Къ тому же, Алексѣй Ивановичъ не совѣмъ вамъ вѣрно передалъ.

— А ты такъ и снесъ? обратилась она ко мнѣ.

— Я хотѣлъ было на дуэль вызвать барона, — отвѣчалъ я какъ можно скромнѣе и спокойнѣе, — да генераль воспротивился.

— Это зачѣмъ ты воспротивился? опять обратилась бабушка къ генералу. (А ты, батюшка, ступай, придешь, когда позовутъ, обратилась она тоже и къ обер-кельнеру; нечего, разиня-то ротъ, стоять. Терпѣть не могу эту харю нюрнбергскую!) — Тотъ откланялся и вышелъ, конечно не понявъ комплимента бабушки.

— Помилуйте, тетушка, развѣ дуэли возможны? отвѣчалъ съ усмѣшкой генераль.

— А почему не возможны? мужчины всѣ пѣтухи; вотъ бы и дрались. Колпаки вы всѣ, какъ я вижу, не умѣете отечества своего поддерживать. Ну, подымите! Потапычъ, распорядись, чтобъ всегда были готовы два носильщика, найми и уговорись. Больше двухъ не надо. Носить при-

ходится только по лѣстницамъ, а по гладкому, по улицѣ — катить, такъ и разскажи; да заплати еще имъ впередъ, почтительнѣе будутъ. Ты же самъ будь всегда при мнѣ, а ты, Алексѣй Ивановичъ, мнѣ этого барона покажи на гуляньѣ: какой такой фонъ-баронъ, хоть бы поглядѣть на него. Ну, гдѣ же эта рулетка?

Я объяснилъ, что рулетки расположены въ воксалѣ, въ залахъ. Затѣмъ послѣдовали вопросы: много ли ихъ? много ль играютъ? Цѣлый ли день играютъ? Какъ устроены? Я отвѣчалъ наконецъ, что всего лучше осмотрѣть это собственными глазами, а что такъ описывать довольно трудно.

— Ну, такъ и нести прямо туда! Иди впередъ, Алексѣй Ивановичъ!

— Какъ, неужели, тетушка, вы даже и не отдохнете съ дороги? заботливо спросилъ генераль. Онъ немного какъ бы засуетился, да и всѣ они какъ-то замѣшались и стали переглядываться. Вѣроятно, имъ было нѣсколько щекотливо, даже стыдно сопровождать бабушку прямо въ воксалъ, гдѣ она, разумѣется, могла надѣлать какихъ нибудь эксцентричностей, но уже публично: между тѣмъ всѣ они сами вызвались сопровождать ее.

— А чего мнѣ отдыхать? Не устала; и безъ того пять дней сидѣла. А потомъ посмотримъ, какіе тутъ ключи и воды цѣлебныя, и гдѣ они. А потомъ... какъ этотъ, — ты сказала, Прасковья, — пуантъ что ли?

— Пуантъ, бабушка.

— Ну пуантъ, такъ пуантъ. А еще что здѣсь есть?

— Тутъ много предметовъ, бабушка, затруднилась было Полина.

— Ну, сама не знаешь! Марѳа, ты тоже со мной пойдешь, сказала она своей камеристкѣ.

— Но, зачѣмъ же ей то, тетушка? захопоталъ вдругъ генераль, и наконецъ это нельзя; и Потапыча врядъ ли въ самый воксалъ пустятъ.

— Ну, вздоръ! Что она слуга, такъ и бросить ее! Тоже вѣдь живой человѣкъ; вотъ ужъ недѣлю по дорогамъ рыщемъ, тоже и ей посмотрѣть хочется. Съ кѣмъ же ей, кромѣ меня? Одна-то и носъ на улицу показать не посмѣетъ.

— Но, бабушка...

— Да тебѣ стыдно, что ли, со мной? Такъ оставайся дома, не спрашиваютъ. Ишь, какой генераль; я и сама генеральша. Да и чего васъ такой хвостъ за мной, въ самомъ дѣлѣ, потащится? Я и съ Алексѣемъ Ивановичемъ все осмотрю...

Но Де-Гріе рѣшительно настоялъ, чтобы всѣмъ сопутствовать, и пустился въ самыя любезныя фразы на счетъ удовольствія ее сопровождать, и прочее. Всѣ тронулись.

— Elle est tombée en enfance, повторялъ Де-Гріе генералу, — seule, elle fera des bêtises... далѣе я не разслышалъ, но у него, очевидно, были какія-то намѣренія, а можетъ быть даже возвратились и надежды.

До воксала было съ полверсты. Путь нашъ шелъ по каштановой аллеѣ, до сквера, обойдя который вступали прямо въ воксаль. Генераль нѣсколько успокоился, потому что шествіе наше, хотя и было довольно эксцентрично, но тѣмъ не менѣе было чинно и прилично. Да и ничего удивительнаго не было въ томъ фактѣ, что на водахъ явился больной и разслабленный человѣкъ, безъ ногъ. Но, очевидно, генераль боялся воксала: зачѣмъ больной человѣкъ безъ ногъ, да еще старушка, пойдетъ на рулетку? Полина и M-lle Blanche шли обѣ по сторонамъ, рядомъ съ катившимся кресломъ. M-lle Blanche смѣялась, была скромно весела и даже весьма любезно заигрывала иногда съ бабушкой, такъ что та ее наконецъ похвалила. Полина, съ другой стороны, обязана была отвѣчать на поминутные и безчисленные вопросы бабушки, въ родѣ того: «Кто это прошелъ? какая это проѣхала? великъ ли городъ? великъ ли садъ? Это какія деревья? Это какія горы? Летаютъ ли тутъ орлы? Какая это смѣшная крыша?» Мистеръ Астлей шелъ рядомъ со мной и шепнулъ мнѣ, что многого ожидаетъ въ это утро. Потапычъ и Марѳа шли сзади, сейчасъ за креслами, — Потапычъ въ своемъ фракѣ, въ бѣломъ галстухѣ, но въ картузѣ, а Марѳа, — сорокалѣтняя, румяная, но начинавшая уже сѣдѣть дѣвушка — въ чепчикѣ, въ ситцевомъ платьѣ и въ скрипучихъ козловыхъ башмакахъ. Бабушка весьма часто къ нимъ оборачивалась и съ ними заговаривала. Де-Гріе и генераль немного отстали и говорили о чемъ-то съ величайшимъ жаромъ. Генераль былъ очень унылъ; Де-Гріе говорилъ съ видомъ рѣшительнымъ. Можетъ быть, онъ генерала ободрялъ; очевидно, что-то совѣтовалъ. Но бабушка уже произнесла давеча роковую фразу: «денегъ я тебѣ не дамъ». Можетъ быть, для Де-Гріе это извѣстіе казалось невѣроятнымъ, но генераль зналъ свою тетушку. Я замѣтилъ, что Де-Гріе и M-lle Blanche продолжали перемигиваться. — Князя и нѣмца-путешественника я разглядѣлъ въ самомъ концѣ аллеи: они отстали и куда-то ушли отъ насъ.

Въ воксаль мы прибыли съ триумфомъ. Въ швейцарѣ и въ лакеяхъ обнаружилась та же почтительность, какъ и въ прислугѣ отеля. Смотрѣли они, однако, съ любопытствомъ. Бабушка сначала велѣла обнести себя по всеѣмъ заламъ; иное похвалила, къ другому осталась совершенно равнодушна; обо всемъ разспрашивала. Наконецъ дошли и до игорныхъ залъ. Лакей, стоявшій у запертыхъ дверей часовымъ, какъ бы пораженный, вдругъ отворилъ двери настезь.

Появленіе бабушки у рулетки произвело глубокое впечатлѣніе на публику. За игорными рулеточными столами и на другомъ концѣ залы,

гдѣ помѣщался столъ съ *trente et quarante*, толпилось, можетъ быть, полтораستا или двѣсти игроковъ, въ нѣсколько рядовъ. Тѣ, которые успѣвали протѣсниться къ самому столу, по обыкновенію, стояли крѣпко и не упускали своихъ мѣстъ до тѣхъ поръ, пока не проигрывались; ибо такъ стоять простыми зрителями и даромъ занимать игорное мѣсто не позволено. Хотя кругомъ стола и уставлены стулья, но немногіе изъ игроковъ садятся, особенно при большомъ стеченіи публики, — потому что стоя можно установиться тѣснѣе, и слѣдовательно выгадать мѣсто, да и ловчѣе ставить. Второй и третій ряды тѣснились за первыми, ожидая и наблюдая свою очередь; но въ нетерпѣннѣи просовывали иногда чрезъ первый рядъ руку, чтобъ поставить свои куши. Даже изъ третьяго ряда изловчались такимъ образомъ просовывать ставки; отъ этого, не проходило десяти, и даже пяти минутъ, чтобъ на какомъ нибудь концѣ стола не началась «исторія» за спорныя ставки. Полиція воксала, впрочемъ, довольно хороша. Тѣсноты, конечно, избѣжать нельзя; напротивъ, наплыву публики рады, потому что это выгодно; но восемь круперовъ, сидящихъ кругомъ стола, смотрятъ во всѣ глаза за ставками: они же и рассчитываются, а при возникающихъ спорахъ, они же ихъ и разрѣшаютъ. В крайнихъ же случаяхъ зовутъ полицію и дѣло кончается въ минуту. Полицейскіе помѣщаются тутъ же въ залѣ, въ партикулярныхъ платьяхъ, между зрителями, такъ что ихъ и узнать нельзя. Они особенно смотрятъ за воришками и промышленниками, которыхъ на рулеткахъ особенно много, по необыкновенному удобству промысла. Въ самомъ дѣлѣ, вездѣ въ другихъ мѣстахъ воровать приходится изъ кармановъ и изъ подъ замковъ, — а это, въ случаѣ неудачи, очень хлопотливо оканчивается. Тутъ же, просто за просто, стоитъ только къ рулеткѣ подойти, начать играть и вдругъ, явно и гласно, взять чужой выигрышъ и положить въ свой карманъ; если же затѣется споръ, то мошенникъ вслухъ и громко настаиваетъ, что ставка — его собственная. Если дѣло сдѣлано ловко и свидѣтели колеблются, то воръ очень часто успѣваетъ оттягать деньги себѣ, разумѣется если сумма не очень значительная. Въ послѣднемъ случаѣ она навѣрное бываетъ замѣчена круперами, или кѣмъ нибудь изъ другихъ игроковъ еще прежде. Но если сумма не такъ значительна, то настоящій хозяинъ даже иногда просто отказывается продолжать споръ, совѣстясь скандала, и отходить. Но, если успѣютъ вора изобличить, то тотчасъ же выводятъ со скандаломъ.

На все это бабушка смотрѣла издали, съ дикимъ любопытствомъ. Ей очень понравилось, что воришекъ выводятъ. *Trente et quarante* мало возбудило ея любопытство; ей больше понравилась рулетка, и что катается шарикъ. Она пожелала наконецъ разглядѣть игру по ближе. Не понимаю, какъ это случилось, но лакеи и нѣкоторые другіе суеющіеся

агенты (преимущественно проигравшіеся полячки, навязывающіе свои услуги счастливымъ игрокамъ и всѣмъ иностранцамъ) тотчасъ нашли и очистили бабушкѣ мѣсто, не смотря на всю эту тѣсноту, у самой середины стола, подлѣ главнаго крупера, и подкатили туда ея кресло. Множество посѣтителей, не играющихъ, но со стороны наблюдающихъ игру, (преимущественно англичане съ ихъ семействами) тотчасъ же затѣснились къ столу, чтобы изъ-за игроковъ поглядѣть на бабушку. Множество лорнетовъ обратилось въ ея сторону. У круперовъ родились надежды: такой эксцентрической игрокъ дѣйствительно какъ-будто обѣщалъ что нибудь необыкновенное. Семидесятилѣтняя женщина безъ ногъ, и желающая играть — конечно былъ случай необыденный. Я протѣснился тоже къ столу и устроился подлѣ бабушки. Потапычъ и Марѳа остались гдѣ-то далеко въ сторонѣ, между народомъ. Генералъ, Полина, Де-Гріе и М-ле Blanche тоже помѣстились, въ сторонѣ, между зрителями.

Бабушка сначала стала осматривать игроковъ. Она задавала мнѣ рѣзкіе, отрывистые вопросы полушепотомъ: кто это такой? это кто такая? Ей особенно понравился въ концѣ стола одинъ очень молодой человѣкъ, игравшій въ очень большую игру, ставившій тысячами и наигравшій, какъ шептали кругомъ, уже тысячь до сорока франковъ, лежавшихъ передъ нимъ въ кучѣ, золотомъ и въ банковыхъ билетахъ. Онъ былъ блѣденъ; у него сверкали глаза и тряслись руки; онъ ставилъ уже безъ всякаго расчета, сколько рука захватитъ, а между тѣмъ все выигрывалъ, да выигрывалъ, все загребалъ, да загребалъ. Лакеи суетились кругомъ него, подставляли ему сзади кресла, очищали вокругъ него мѣсто, чтобъ ему было просторнѣе, чтобъ его не тѣснили, — все это въ ожиданіи богатой благодарности. Иные игроки съ выигрыша даютъ имъ иногда не считая, а такъ, съ радости, тоже сколько рука изъ кармана захватитъ. Подлѣ молодаго человѣка уже устроился одинъ полячокъ, суетившійся изо всѣхъ силъ, и почтительно, но непрерывно что-то шепталъ ему, вѣроятно указывая какъ ставить, совѣтуя и направляя игру, — разумѣется тоже ожидая въ послѣдствіи подачи. Но игрокъ почти и не смотрѣлъ на него, ставилъ зря и все загребалъ. Онъ видимо терялся.

Бабушка наблюдала его нѣсколько минутъ.

— Скажи ему, вдругъ засуетилась бабушка, толкая меня, скажи ему, чтобъ бросилъ, чтобъ бралъ поскорѣе деньги и уходилъ. Проиграетъ, сейчасъ все проиграетъ! захопотала она, чуть не задыхаясь отъ волненія. — Гдѣ Потапычъ? Послать къ нему Потапыча! Да скажи же, скажи же, толкала она меня, — да гдѣ же, въ самомъ дѣлѣ, Потапычъ! *Sortez! sortez!* начала было она сама кричать молодому человѣку. Я нагнулся къ ней и рѣшительно прошепталъ, что здѣсь такъ кричать

нельзя, и даже разговаривать чуть-чуть громко не позволено, потому что это мѣшаетъ счету, и что насъ сейчасъ прогонять.

— Экая досада! Пропалъ человѣкъ! значить самъ хочетъ... смотреть на него не могу, всю ворочаетъ. Экой олухъ! и бабушка поскорѣй оборотилась въ другую сторону.

Тамъ, на лѣво, на другой половинѣ стола, между игроками, замѣтна была одна молодая дама и подлѣ нея какой то карликъ. Кто былъ этотъ карликъ — не знаю: родственникъ ли ея, или такъ она брала его для эффекта. Эту барыню я замѣчалъ и прежде; она являлась къ игорному столу каждый день, въ часъ пополудни, и уходила ровно въ два; каждый день играла по одному часу. Ее уже знали и тотчасъ же подставляли ей кресла. Она вынимала изъ кармана нѣсколько золота, нѣсколько тысячефранковыхъ билетовъ и начинала ставить тихо, хладнокровно, съ расчетомъ, отмѣчая на бумажкѣ карандашемъ цифры и стараясь отыскать систему, по которой въ данный моментъ группировались шансы. Ставила она значительными кушами. Выигрывала каждый день одну, двѣ, много три тысячи франковъ — не болѣе и, выигравъ, тотчасъ же уходила. Бабушка долго ее разсматривала.

— Ну, эта не проиграетъ! эта вотъ не проиграетъ! — Изъ какихъ? Незнаешь? Кто такая?

— Француженка, должно быть изъ эдакихъ, шепнулъ я.

— А, видна птица по полету. Видно, что ноготокъ востеръ. Растолкуй ты мнѣ теперь, что каждый поворотъ значить и какъ надо ставить?

Я, по возможности, растолковалъ бабушкѣ, что значатъ эти многочисленныя комбинаціи ставокъ, rouge et noir, pair et impair, manque et passe и наконецъ разные оттѣнки въ системѣ чиселъ. Бабушка слушала внимательно, запоминала, переспрашивала и заучивала. На каждую систему ставокъ можно было тотчасъ же привести и примѣръ, такъ что многое заучивалось и запоминалось очень легко и скоро. Бабушка осталась весьма довольна.

— А что такое zèro? Вотъ этотъ круперъ, курчавый, главный-то, крикнулъ сейчасъ zèro? И почему онъ все загребъ, что ни было на столѣ? Эдакую кучу, все себѣ взялъ? Это что такое?

— А zèro, бабушка, выгода банка. Если шарикъ упадетъ на zèro, то все, что ни поставлено на столѣ, принадлежитъ банку безъ расчета. Правда, дается еще ударъ на розыгрышъ, но за то банкъ ничего не платитъ.

— Вотъ-те на! а я ничего не получаю?

— Нѣтъ, бабушка, если вы предъ этимъ ставили на zèro, то когда выйдетъ zèro, вамъ платятъ въ тридцать пять разъ больше.

— Какъ, въ тридцать пять разъ, и часто выходитъ? Чтожъ они, дураки, не ставятъ?

— Тридцать шесть шансовъ противъ, бабушка.

— Вотъ вздоръ! Потапычъ, Потапычъ! Постой и со мной есть деньги, — вотъ! Она вынула изъ кармана туго набитый кошелекъ, и взяла изъ него фридрихсдоръ. На, поставь сейчасъ на зèго.

— Бабушка, зèго только что вышелъ, сказалъ я, — стало быть теперь долго не выйдетъ. Вы много проставите; подождите хоть немного.

— Ну, врешь, ставь!

— Извольте, но онъ до вечера, можетъ быть, не выйдетъ, вы до тысячи проставите, это случилось.

— Ну, вздоръ, вздоръ! Волка бояться — въ лѣсъ не ходить. Что? проигралъ? Ставь еще!

Проиграли и второй фридрихсдоръ; поставили третій. Бабушка едва сидѣла на мѣстѣ, она такъ и впилась горящими глазами въ прыгающій по зазубринамъ вертящагося колеса шарикъ. Проиграли и третій. Бабушка изъ себя выходила, на мѣстѣ ей не сидѣлось, даже кулакомъ стукнула по столу, когда круперь провозгласилъ «trente six», вмѣсто ожидаемаго зèго.

— Экъ вѣдь его! сердилась бабушка, — да скоро ли этотъ зеришка проклятый выйдетъ? Жива не хочу быть, а ужъ досижу до зèго! Это этотъ проклятый курчавый круперишка дѣлаеть, у него никогда не выходитъ! Алексѣй Ивановичъ, ставь два золотыхъ за разъ! Это столько проставишь, что и выйдетъ зèго, такъ ничего не возьмешь.

— Бабушка!

— Ставь, ставь! Не твои.

Я поставилъ два фридрихсдора. Шарикъ долго леталъ по колесу, наконецъ сталъ прыгать по зазубринамъ. Бабушка замерла и стиснула мою руку, и вдругъ — хлопъ!

— Зèго, провозгласилъ круперь.

— Видишь, видишь! быстро обернулась ко мнѣ бабушка, вся сіяющая и довольная. Я вѣдь сказала, сказала тебѣ! И надоумилъ меня самъ Господь поставить два золотыхъ! Ну, сколько же я теперь получу? Чтожъ не выдаютъ? Потапычъ, Марѳа, гдѣ же они? Наши всѣ куда же ушли? Потапычъ, Потапычъ!

— Бабушка, послѣ, шепталъ я, Потапычъ у дверей, его сюда не пускаютъ. Смотрите, бабушка, вамъ деньги выдаютъ, получайте! Бабушкѣ выкинули запечатанный въ синей бумажкѣ, тяжеловѣсный свертокъ съ пятидесятью фридрихсдорами и отсчитали, незапечатанныхъ, еще двадцать фридрихсдоровъ. Все это я пригребъ къ бабушкѣ лопаткой.

— Faites le jeu, messieurs! Faites le jeu, messieurs! Rien ne va plus?
— возглашалъ круперъ, приглашая ставить и готовясь вертѣть рулетку.

— Господи! опоздали! сейчасъ завертять! Ставь-ставь! захопота-
тала бабушка, — да не мѣшкай, скорѣе, — выходила она изъ себя,
толкая меня изо всѣхъ силъ.

— Да куда ставить то, бабушка?

— На zèro, на zèro! опять на zèro! Ставь какъ можно больше!
Сколько у насъ всего? Семьдесятъ фридрихсдоровъ? Нечего ихъ жалѣть,
ставь по двадцати фридрихсдоровъ разомъ.

— Опомнитесь, бабушка! Онъ иногда по двѣсти разъ не выходитъ!
Увѣрю васъ, вы весь капиталъ проставите.

— Ну, врешь-врешь! ставь! Вотъ языкъ-то звенить! Знаю, что
дѣлаю, — даже затряслась въ изступленіи бабушка.

— По уставу, разомъ болѣе двѣнадцати фридрихсдоровъ на zero
ставить не позволено, бабушка, — ну, вотъ, я поставилъ.

— Какъ не позволено? Да ты не врешь-ли! Мусье! мусье!
затолкала она крупера, сидѣвшаго тутъ же подлѣ нея слѣва и пригото-
вившагося вертѣть: combien zèro? douze? douze?

Я поскорѣе растолковалъ вопросъ пофранцузски.

— Oui, madame, вѣжливо подтвердилъ круперъ, — равно какъ
всякая единичная ставка не должна превышать разомъ четырехъ тысячъ
флориновъ, по уставу, прибавилъ онъ въ поясненіе.

— Ну, нечего дѣлать, ставь двѣнадцать.

— Le jeu est fait! крикнулъ круперъ. Колесо завертѣлось и вышло
тринадцать. Проиграли!

— Еще! еще! еще! ставь еще! кричала бабушка. Я уже не проти-
ворѣчилъ и, пожимая плечами, поставилъ еще двѣнадцать фридрихсдо-
ровъ. Колесо вертѣлось долго. Бабушка просто дрожала, слѣдя за коле-
сомъ. «Да неужь-то она и въ самомъ дѣлѣ думаетъ опять zèro
выиграть?» подумалъ я, смотря на нее съ удивленіемъ. Рѣшительное
убѣжденіе въ выигрышѣ сіяло на лицѣ ея, — непремѣнное ожиданіе, что
вотъ-вотъ сейчасъ крикнуть: zèro. Шарикъ вскочилъ въ клѣтку.

— Zèro! — крикнулъ круперъ.

— Что!!! съ неистовымъ торжествомъ обратилась ко мнѣ бабушка.

Я самъ былъ игрокъ; я почувствовалъ это въ ту самую минуту. У
меня руки-ноги дрожали, въ голову ударило. Конечно, это былъ рѣдкій
случай, что на какихъ нибудь десяти ударахъ три раза выскочилъ zero;
но особенно удивительнаго тутъ не было ничего. Я самъ былъ
свидѣтелемъ, какъ третьяго дня вышло три zero сряду и при этомъ
одинъ изъ игроковъ, ревностно отмѣчавшій на бумажкѣ удары, громко

замѣтилъ, что не далѣе, какъ вчера, этотъ же самый zero упалъ въ цѣлыя сутки одинъ разъ.

Съ бабушкой, какъ съ выигравшей самый значительный выигрышъ, особенно внимательно и почтительно разсчитались. Ей приходилось получить ровно четыреста двадцать фридрихсдоровъ, т. е. четыре тысячи флориновъ и двадцать фридрихсдоровъ. Двадцать фридрихсдоровъ ей выдали золотомъ; а четыре тысячи — банковыми билетами.

Но этотъ разъ, бабушка уже не звала Потапыча; она была занята не тѣмъ. Она даже не толкалась и не дрожала снаружи. Она, если можно такъ выразиться, дрожала изнутри. Вся на чемъ-то сосредоточилась, такъ и прицѣлилась:

— Алексѣй Ивановичъ! онъ сказалъ, за разъ можно только четыре тысячи флориновъ поставить? На, бери, ставь эти всѣ четыре на красную, рѣшила бабушка.

Было бесполезно отговаривать. Колесо завертѣлось.

— Rouge! провозгласилъ круперьъ.

Опять выигрышъ въ четыре тысячи флориновъ, всего стало быть восемь. — Четыре сюда мнѣ давай, а четыре ставь опять на красную, командовала бабушка.

Я поставилъ опять четыре тысячи.

— Rouge! провозгласилъ снова круперьъ.

— И того двѣнадцать! давай ихъ всѣ сюда. Золото ссыпай сюда, въ кошелекъ, а билеты спрячь.

— Довольно! Домой! Откатите кресла!

—

ГЛАВА XI.

Кресла откатали къ дверямъ, на другой конецъ залы. Бабушка сіяла. Всѣ наши стѣснились тотчасъ же кругомъ нея съ поздравленіями. Какъ ни эксцентрично было поведеніе бабушки, но ея триумфъ покрывалъ многое и генераль ужъ не боялся скомпрометировать себя въ публикѣ родственными отношеніями съ такой странной женщиной. Съ снисходительною и фамиллярно-веселою улыбкою, какъ бы тѣша ребенка, поздравилъ онъ бабушку. Впрочемъ, онъ былъ видимо пораженъ, равно какъ и всѣ зрители. Кругомъ говорили и указывали на бабушку. Многіе проходили мимо нея, чтобы ближе ее разсмотрѣть. Мистеръ Астлей толковалъ о ней въ сторонѣ съ двумя своими знакомыми англичанами. Нѣсколько величавыхъ зрительницъ, дамъ, съ величавымъ недо-

умѣніемъ разсматривали ее, какъ какое-то чудо. Де-Гріе такъ и рассыпался въ поздравленіяхъ и улыбкахъ.

— *Quelle victoire!* говорилъ онъ.

— *Mais, madame, c'était du feu!* прибавила съ заигрывающей улыбкой *M-lle Blanche*.

— Да-съ, вотъ взяла, да и выиграла двѣнадцать тысячъ флоринновъ? Какое двѣнадцать, а золото-то? Съ золотомъ, почти что тринадцать выйдетъ. Это сколько по нашему? Тысячъ шесть что-ли будетъ?

Я доложилъ, что и за семь перевалило, а по теперешнему курсу, пожалуй, и до восьми дойдетъ.

— Шутка, восемь тысячъ! А вы-то сидите здѣсь, колпаки, ничего не дѣлаете! Потапычъ, Марѳа, видѣли?

— Матушка, да какъ это вы? Восемь тысячъ рублей, восклицала извиваясь Марѳа.

— На-те, вотъ вамъ отъ меня по пяти золотыхъ, вотъ!

Потапычъ и Марѳа бросились цѣловать ручки.

— И носильщикамъ дать по фридрихсдору. Дай имъ по золотому, Алексѣй Ивановичъ. Что это лакей кланяется, и другой тоже? Поздравляютъ? Дай имъ тоже по фридрихсдору.

— *Madame la princesse... un pauvre expatrié... malheur continuel... les princes russes sont si généreux...* увивалась около кресель одна личность, въ истасканномъ сюртукѣ, пестромъ жилетѣ, въ усахъ, держа картузь на отлетѣ и съ подобострастною улыбкой.

— Дай ему тоже фридрихсдоръ. Нѣтъ дай два; ну, довольно, а то конца съ ними не будетъ. Подымите, везите! Прасковья, обратилась она къ Полинѣ Александровнѣ, я тебѣ завтра на платье куплю, и той куплю *M-lle...*, какъ ее, *M-lle Blanche* что-ли, ей тоже на платье куплю. Переведи ей, Прасковья!

— *Merci, madame*, умильно присѣла *M-lle Blanche*, искрививъ ротъ въ насмѣшливую улыбку, которою обмѣнялась съ Де-Гріе и генераломъ. Генераль отчасти конфузился и ужасно былъ радъ, когда мы добрались до аллеи.

— Оедосья, Оедосья-то, думаю, какъ удивится теперь, говорила бабушка, вспоминая о знакомой генеральской нянюшкѣ. И ей нужно на платье подарить. Эй, Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, подай этому нищему!

По дорогѣ проходилъ какой-то оборванецъ, съ скрюченною спиной, и глядѣлъ на насъ.

— Да это, можетъ быть, и не нищій, а какойнибудь прощальга, бабушка.

— Дай! дай! дай ему гульденъ!

Я подошелъ и подалъ. Онъ посмотрѣлъ на меня съ дикимъ недоумѣніемъ, однако, молча, взялъ гульденъ. Отъ него пахло виномъ.

— А ты, Алексѣй Ивановичъ, не пробовалъ еще счастья?

— Нѣтъ, бабушка.

— А у самого глаза горѣли, я видѣла.

— Я еще попробую, бабушка, непременно, потомъ.

— И прямо ставь на zero! Вотъ увидишь! Сколько у тебя капиталу?

— Всего только двадцать фридрихсдоровъ, бабушка.

— Не много. Пятьдесятъ фридрихсдоровъ я тебѣ дамъ взаймы если хочешь. Вотъ этотъ самый свертокъ и бери, а ты, батюшка, все-таки не жди, тебѣ не дамъ! вдругъ обратилась она къ генералу.

Того точно перевернуло, но онъ промолчалъ. Де-Грие нахмурился.

— *Que diable, c'est une terrible vieille!* прошепталъ онъ сквозь зубы генералу.

— Нищій, нищій, опять нищій! закричала бабушка. Алексѣй Ивановичъ, дай и этому гульденъ.

На этотъ разъ, повстрѣчался сѣдой старикъ, съ деревянной ногой, въ какомъ-то синемъ, длиннополомъ сюртукѣ и съ длинною тростью въ рукахъ. Онъ похожъ былъ на стараго солдата. Но когда я протянулъ ему гульденъ, онъ сдѣлалъ шагъ назадъ и грозно осмотрѣлъ меня.

— *Was ist's, der Teufel!* крикнулъ онъ, прибавивъ къ этому еще съ десятокъ ругательствъ.

— Ну, дуракъ! крикнула бабушка, махнувъ рукой. Везите дальше! Проголодалась! Теперь сейчасъ обѣдать, потомъ немного поваляюсь и опять туда.

— Вы опять хотите играть, бабушка? крикнулъ я.

— Какъ бы ты думалъ? Что вы-то здѣсь сидите, да кисните, такъ и мнѣ на васъ смотрѣть?

— *Mais, madame, приблизился Де-Грие, les chances peuvent tourner, une seule mauvaise chance et vous perdrez tout... surtout avec votre jeu... c'était terrible!*

— *Vous perdrez absolument, зашебетала M-lle Blanche.*

— Да вамъ-то всѣмъ какое дѣло? Не ваши проиграю, — свои! А гдѣ этотъ мистеръ Астлей? спросила она меня.

— Въ воксалѣ остался, бабушка.

— Жаль; вотъ этотъ такъ хорошій человекъ.

Прибывъ домой, бабушка еще на лѣстницѣ, встрѣтивъ обер-кельнера, подозвала его и похвасталась своимъ выигрышемъ; затѣмъ позвала Ѳедосью, подарила ей три фридрихсдора и велѣла подавать обѣдать. Ѳедосья и Марѳа такъ и разсыпались предъ нею за обѣдомъ.

— Смотрю я на васъ, матушка, трещала Марѳа, и говорю Потапычу, что это наша матушка хочетъ дѣлать. А на столѣ денегъ-то, денегъ-то, батюшки! всю-то жизнь столько денегъ не видывала, а все кругомъ господа, все одни господа сидятъ. И откуда, говорю, Потапычъ, это все такіе здѣсь господа? Думаю, помощи ей сама Мати-Божія. Молюсь я за васъ, матушка, а сердце вотъ такъ и замираетъ, такъ и замираетъ, дрожу, вся дрожу. Дай ей, Господи, думаю, а тутъ вотъ вамъ Господь и послалъ. До сихъ поръ, матушка, такъ и дрожу, такъ вотъ вся и дрожу.

— Алексѣй Ивановичъ, послѣ обѣда, часа въ четыре готовься, пойдёмъ. А теперь, покамѣстъ, прощай, да докторишку мнѣ какогонибудь позвать не забудь, тоже и воды пить надо. А то и позабудешь, пожалуй.

Я вышелъ отъ бабушки, какъ одурманенный. Я старался себѣ представить, что теперь будетъ со всѣми нашими и какой оборотъ примутъ дѣла? Я видѣлъ ясно, что они (генераль преимущественно) еще не успѣли придти въ себя, даже и отъ перваго впечатлѣнія. Фактъ появленія бабушки, вмѣсто ожидаемой съ часу на часъ телеграммы объ ея смерти (а стало быть и о наслѣдствѣ) до того раздробилъ всю систему ихъ намѣреній и принятыхъ рѣшеній, что они съ рѣшительнымъ недоумѣніемъ и съ какимъ-то нашедшимъ на всѣхъ столбнякомъ, относились къ дальнѣйшимъ подвигамъ бабушки на рулеткѣ. А между тѣмъ, этотъ второй фактъ былъ чуть ли не важнѣе перваго, потому что, хоть бабушка и повторила два раза, что денегъ генералу не дастъ, но вѣдь кто знаетъ, — все-таки не должно было еще терять надежды. Не терялъ же ее Де-Гриѣ, замѣшанный во всѣ дѣла генерала. Я увѣренъ, что и М-ле Blanche, тоже весьма замѣшанная (еще бы: генеральша и значительное наслѣдство!) — не потеряла бы надежды и употребила бы всѣ оболъщенія кокетства надъ бабушкой, — въ контрастъ съ неподатливою и неумѣющею приласкаться, гордячкой Полиной. Но теперь, теперь, когда бабушка совершила такіе подвиги на рулеткѣ, теперь, когда личность бабушки отпечаталась предъ ними такъ ясно и типически, — (строптивая, властолюбивая старуха *et tombée en enfance*) — теперь, пожалуй, и все погибло; — вѣдь она какъ ребенокъ рада, что дорвалась и, какъ водится, проиграется въ пухъ. Боже! подумалъ я (и прости меня, Господи, съ самымъ злораднымъ смѣхомъ) — Боже, да вѣдь каждый Фридрихсдоръ, поставленный бабушкою давеча, ложился болячкою на сердце генерала, бѣсилъ Де-Гриѣ и доводилъ до изступленія М-ле de Cominges, у которой мимо рта проносили ложку. Вотъ и еще фактъ: даже съ выигрыша, съ радости, когда бабушка раздавала всѣмъ деньги и каждого прохожаго принимала за нищаго, даже и тутъ у ней вырвалось

къ генералу: «а тебѣ-то все-таки не дамь!» Это значить: сѣла на этой мысли, уперлась, слово такое себѣ дала; — опасно! опасно!

Всѣ эти соображенія ходили въ моей головѣ, въ то время, какъ я поднимался отъ бабушки по парадной лѣстницѣ, въ самый верхній этажъ, въ свою каморку. Все это занимало меня сильно; хотя, конечно, я и прежде могъ предугадывать главныя толстѣйшія нити, связывавшія предо мною актеровъ, но все-таки окончательно не зналъ всѣхъ средствъ и тайнъ этой игры. Полина никогда не была со мною вполнѣ довѣрчива. Хотя и случалось, правда, что она открывала мнѣ подѣ-часъ, какъ бы невольно, свое сердце; но я замѣтилъ, что часто, да почти и всегда, послѣ этихъ открытій, или въ смѣхъ обратитъ все сказанное, или запугаетъ и съ намѣреніемъ придастъ всему ложный видъ. О! она многое скрывала! Во всякомъ случаѣ, я предчувствовалъ, что подходитъ финалъ всего этого таинственнаго и напряженнаго состоянія. Еще одинъ ударъ — и все будетъ кончено и обнаружено. О своей участи, тоже во всемъ этомъ заинтересованный, — я почти не заботился. Странное у меня настроеніе: въ карманѣ всего двадцать фридрихсдоровъ; я далеко на чужой сторонѣ, безъ мѣста и безъ средствъ къ существованію, безъ надежды, безъ расчетовъ и — не забочусь объ этомъ! Если бы не дума о Полинѣ, то я просто весь отдался бы одному комическому интересу предстоящей развязки и хохоталъ бы во все горло. Но Полина смущаетъ меня; участь ея рѣшается, это я предчувствовалъ, но, каюсь, совсѣмъ не участь ея меня беспокоитъ. Мнѣ хочется проникнуть въ ея тайны, мнѣ хотѣлось бы, чтобы она пришла ко мнѣ и сказала: «вѣдь я люблю тебя», а если нѣтъ, если это безумство невысказано, то тогда... ну, да чего пожелать? Развѣ я знаю, чего желаю? Я самъ, какъ потерянный; мнѣ только бы быть при ней, въ ея ореолѣ, въ ея сіяніи, на вѣчно, всегда, всю жизнь. Дальше я ничего не знаю! И развѣ я могу уйти отъ нея?

Въ третьемъ этажѣ, въ ихъ корридорѣ, меня что-то какъ толкнуло. Я обернулся и, въ двадцати шагахъ или болѣе, увидѣлъ выходящую изъ двери Полину. Она точно выжидала и высматривала меня и тотчасъ же къ себѣ поманила.

— Полина Александровна...

— Тише! предупредила она.

— Представьте себѣ, зашепталъ я, меня сейчасъ точно что толкнуло въ бокъ; оглядываюсь — вы! Точно электричество исходитъ изъ васъ какое-то!

— Возьмите это письмо, заботливо и нахмуренно произнесла Полина, навѣрное не разслышавъ того, что я сказалъ, — и передайте лично мистеру Астлею, сейчасъ. Поскорѣе, прошу васъ. Отвѣта не надо. Онъ самъ...

Она не договорила. — Мистеру Астлею? переспросилъ я въ удивленіи.

Но Полина уже скрылась въ дверь.

— Ага, такъ у нихъ переписка! — я, разумѣется, побѣждалъ тотчасъ же отыскивать мистера Астлея, сперва въ его отелѣ, гдѣ его не засталъ, потомъ въ воксалѣ, гдѣ обѣгалъ все залы и наконецъ, въ досадѣ, чуть не въ отчаяніи, возвращаясь домой, встрѣтилъ его случайно, въ кавалькадѣ какихъ-то англичанъ и англичанокъ, верхомъ. Я поманилъ его, остановилъ и передалъ ему письмо. Мы не успѣли и переглянуться. Но я подозрѣваю, что мистеръ Астлей нарочно поскорѣе пустилъ лошадь.

Мучила ли меня ревность? Но я былъ въ самомъ разбитомъ состояніи духа. Я и удостовѣриться не хотѣлъ, о чемъ они переписываются. Итакъ, онъ ея повѣренный! «Другъ-то другъ», думалъ я, и это ясно (и когда онъ успѣлъ сдѣлаться) — но есть ли тутъ любовь? Конечно нѣтъ — шепталъ мнѣ разсудокъ. Но вѣдь одного разсудка въ эдакихъ случаяхъ мало. Во всякомъ случаѣ предстояло и это разъяснить. Дѣло непріятно усложнялось.

Не успѣлъ я войти въ отель, какъ швейцаръ и вышедшій изъ своей комнаты обер-кельнеръ сообщили мнѣ, что меня требуютъ, ищутъ, три раза посылали навѣдываться: гдѣ я? — просятъ какъ можно скорѣе въ номеръ къ генералу. Я былъ въ самомъ скверномъ расположеніи духа. У генерала въ кабинетѣ я нашелъ, кромѣ самого генерала, Де-Гріе и M-lle Blanche, одну, безъ матери. Мать была рѣшительно подставная особа, употреблявшаяся только для парада; но когда доходило до настоящаго дѣла, то M-lle Blanche орудовала одна. Да и врядъ ли та что нибудь знала про дѣла своей названной дочки.

Они, втроемъ, о чемъ-то горячо совѣщались и даже дверь кабинета была заперта, — чего никогда не бывало. Подходя къ дверямъ, я слышалъ громкіе голоса — дерзкій и язвительный разговоръ Де-Гріе, нахально-ругательный и бѣшенный крикъ Blanche и жалкій голосъ генерала, очевидно, въ чемъ-то оправдывавшагося. При появленіи моемъ все они какъ бы поприудержались и подправились. Де-Гріе поправилъ волосы и изъ сердитаго лица сдѣлалъ улыбающееся, — тою скверною, оффиціально-учтивою, французскою улыбкою, которую я такъ ненавижу. Убитый и потерявшійся генералъ пріосанился, но какъ-то машинально. Одна только M-lle Blanche почти не измѣнила своей сверкающей гнѣвомъ фізіономіи, и только замолкла, устремивъ на меня взоръ съ нетерпѣливымъ ожиданіемъ. Замѣчу, что она до невѣроятности небрежно доселѣ со мною обходилась, даже не отвѣчала на мои поклоны, — просто не примѣчала меня.

— Алексѣй Ивановичъ, началъ нѣжно распекающимъ тономъ генераль, — позвольте вамъ объявить, что странно, въ высочайшей степени странно... однимъ словомъ, ваши поступки относительно меня и моего семейства... однимъ словомъ въ высочайшей степени странно...

— Eh! ce n'est pas ça, съ досадой и презрѣніемъ перебилъ Де-Гріе. (Рѣшительно, онъ всѣмъ заправлялъ!) Mon cher monsieur, notre cher général se trompe, — впадая въ такой тонъ (продолжаю его рѣчь по-русски), но онъ хотѣлъ вамъ сказать... т. е. васъ предупредить, или, лучше сказать, просить васъ убѣдительноѣше, чтобы вы не губили его, — ну, да, не губили! Я употребляю именно это выраженіе...

— Но чѣмъ же, чѣмъ же? прервалъ я.

— Помилуйте, вы беретесь быть руководителемъ, (или какъ это сказать?) — этой старухи, cette pauvre terrible vieille — сбивался самъ Де-Гріе, — но вѣдь она проиграется; она проиграется вся въ пухъ! Вы сами видѣли, вы были свидѣтелемъ, какъ она играетъ! Если она начнетъ проигрывать, то она ужъ и не отойдетъ отъ стола, изъ упрямства, изъ злости и все будетъ играть, все будетъ играть, а въ такихъ случаяхъ никогда не отыгрываются и тогда... тогда...

— И тогда, подхватилъ генераль, — тогда вы погубите все семейство! Я и мое семейство, мы — ея наслѣдники, у ней нѣтъ болѣе близкой родни. Я вамъ откровенно скажу: дѣла мои разстроены, крайне разстроены. Вы сами отчасти знаете... Если она проиграетъ значительную сумму или даже, пожалуй, все состояніе (о Боже!), что тогда будетъ съ ними, съ моими дѣтьми! (Генераль оглянулся на Де-Гріе), — со мною! (Онъ поглядѣлъ на M-me Blanche, съ презрѣніемъ отъ него отвернувшись). Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите насъ!..

— Да чѣмъ же, генераль, скажите, чѣмъ я могу... Что я то тутъ значу?

— Откажитесь, откажитесь, бросьте ее!..

— Такъ другой найдется! вскричалъ я.

— Ce n'est pas ça, ce n'est pas ça, перебилъ опять Де-Гріе — que diable! Нѣтъ, не покидайте, но, по крайней мѣрѣ, усовѣстите, уговорите, отвлеките... Ну, наконецъ, не дайте ей проиграть слишкомъ много, отвлеките ее какънибудь.

— Да какъ я это сдѣлаю? Если бы вы сами взяли за это, M-r Де-Гріе, прибавилъ я, какъ можно наивноѣе.

Тутъ я замѣтилъ быстрый, огненный, вопросительный взглядъ M-me Blanche на Де-Гріе. Въ лицѣ самого Де-Гріе мелькнуло что-то особенное, что-то откровенное, отъ чего онъ не могъ удержаться.

— То-то и есть, что она меня не возьметъ теперь! вскричалъ, махнувъ рукой, Де-Гріе. — Еслибъ!.. потомъ...

Де-Гріе быстро и значительно поглядѣлъ на M-lle Blanche.

— O mon cher M-r Alexis, soyez si bon — шагнула ко мнѣ, съ обворожительною улыбкою *сама* M-lle Blanche, схватила меня за обѣ руки и крѣпко сжала. Чортъ возьми! это дьявольское лицо умѣло въ одну секунду мѣняться. Въ это мгновеніе, у ней явилось такое просящее лицо, такое милое, дѣтски улыбающееся и даже шаловливое; подѣ конецъ фразы она плутовски мнѣ подмигнула, тихонько отъ всѣхъ; срѣзать разомъ, что ли, меня хотѣла? И не дурно вышло, — только ужь грубо было это, однако, ужасно.

Подскочилъ за ней и генераль, — именно подскочилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, простите, что я давеча такъ съ вами началъ, я не то совсѣмъ хотѣлъ сказать... Я васъ прошу, умоляю, въ поясъ вамъ кланяюсь по-русски, — вы одинъ, одинъ можете насъ спасти! Я и M-lle de Cominges васъ умоляемъ, — вы понимаете, вѣдь вы понимаете? умолялъ онъ, показывая мнѣ глазами на M-lle Blanche. Онъ былъ очень жалокъ.

Въ эту минуту раздались три тихіе и почтительные удара въ дверь; отворили, — стучалъ корридорный слуга, а за нимъ, въ нѣсколькихъ шагахъ, стоялъ Потапычъ. Послы были отъ бабушки. Требовалось сыскать и доставить меня немедленно; «сердятся» — сообщилъ Потапычъ.

— Но вѣдь еще только половина четвертаго!

— Онѣ и заснуть не могли, все ворочались, потомъ вдругъ встали, кресла потребовали, и за вами. Ужь онѣ теперь на крыльцѣ-съ...

— Quelle mégère! крикнулъ Де-Гріе.

Дѣйствительно, я нашелъ бабушку уже на крыльцѣ, выходящую изъ терпѣнія, что меня нѣтъ. До четырехъ часовъ она не выдержала.

— Ну, подымайте! крикнула она, и мы отправились опять на рулетку.

ГЛАВА XII.

Бабушка была въ нетерпѣливомъ и раздражительномъ состояніи духа; видно было, что рулетка у ней крѣпко засѣла въ головѣ. Ко всему остальному она была невнимательна и вообще крайне разсѣяна. Ни про что, на примѣръ, по дорогѣ не спрашивала, какъ давеча. Увидя одну богатѣйшую коляску, промчавшуюся мимо насъ вихремъ, она было подняла руку и спросила: Что такое? Чьи? — но кажется и не слышала моего отвѣта; задумчивость ея непрерывно прерывалась рѣзкими и нетерпѣливыми тѣлодвиженіями и выходками. Когда я ей показалъ

издали, уже подходя къ вокзалу, барона и баронессу Вурмергельмъ, она разсѣянно посмотрѣла и совершенно равнодушно сказала: «А!» и быстро обернувшись къ Потапычу и Марѣ, шагавшимъ сзади, отрѣзала имъ:

— Ну, вы зачѣмъ увязались? Не каждый разъ брать васъ! Ступайте домой! Мнѣ и тебя довольно, — прибавила она мнѣ, когда тѣ торопливо поклонились и воротились домой.

Въ воксалѣ бабушку уже ждали. Тотчасъ же отгородили ей тоже самое мѣсто, возлѣ крупера. Мнѣ кажется, эти круперы, всегда такіе чинные и представляющіе изъ себя обыкновенныхъ чиновниковъ, которымъ почти рѣшительно все равно: выиграетъ ли банкъ или проиграетъ, — вовсе не равнодушны къ проигрышу банка и, ужь конечно, снабжены кой какими инструкціями для привлеченія игроковъ и для вящаго наблюденія казеннаго интереса, — за что непремѣнно и сами получаютъ призы и преміи. По крайней мѣрѣ, на бабушку смотрѣли ужь какъ на жертвочку. Затѣмъ, что у насъ предполагали, то и случилось.

Вотъ какъ было дѣло:

Бабушка прямо накинулась на зѣго и тотчасъ же велѣла ставить по двѣнадцати фридрихсдоровъ. Поставили разъ, второй, третій — зѣго не выходилъ. — Ставь, ставь! толкала меня бабушка въ нетерпѣніи. Я слушался.

— Сколько разъ проставили? спросила она наконецъ, скрежеща зубами отъ нетерпѣнія.

— Да уже двѣнадцатый разъ ставилъ, бабушка. Сто сорокъ четыре фридрихсдора проставили. Я вамъ говорю, бабушка, до вечера пожалуй...

— Молчи! перебила бабушка. Поставь на zero и поставь сейчасъ на красную тысячу гульденовъ. На, вотъ билетъ.

Красная вышла, а зѣго опять лопнулъ; воротили тысячу гульденовъ.

— Видишь, видишь! шептала бабушка, — почти все, что проставили, воротили. Ставь опять на зѣго; еще разъ десять поставимъ и бросимъ.

Но на пятомъ разѣ бабушка совсѣмъ соскучилась.

— Брось этотъ пакостный зеринко къ чорту. На, ставь всѣ четыре тысячи гульденовъ на красную, приказала она.

— Бабушка! много будетъ; ну какъ не выйдетъ красная, умолялъ я; но бабушка чуть меня не прибила. (А впрочемъ она такъ толкалась, что почти, можно сказать, и дралась). Нечего было дѣлать, я поставилъ на красную всѣ четыре тысячи гульденовъ, выигранные давеча. Колесо завертѣлось. Бабушка сидѣла спокойно и гордо выпрямившись, не сомнѣваясь въ непремѣнномъ выигрышѣ.

— Зѣго, возгласилъ круперь.

Сначала бабушка не поняла, но когда увидѣла, что круперь загребъ ея четыре тысячи гульденовъ, вмѣстѣ со всѣмъ, что стояло на столѣ, и узнала, что зѣго, который такъ долго не выходилъ и на котормъ мы проставили почти двѣсти фридрихсдоровъ, выскочилъ, какъ нарочно, тогда, когда бабушка только-что его обругала и бросила, то ахнула и на всю залу сплеснула руками. Кругомъ даже засмѣялись.

— Батюшки! Онъ тутъ-то проклятый и выскочилъ! вопила бабушка, — вѣдь эдакой, эдакой окаянный! Это ты! Это все ты! свирѣпо накинулась она на меня, толкаясь. Это ты меня отговорилъ!

— Бабушка, я вамъ дѣло говорилъ, какъ могу отвѣчать я за всѣ шансы?

— Я-те дамъ шансы! шептала она грозно, пошелъ вонъ отъ меня.

— Прощайте, бабушка, повернулся я уходить.

— Алексѣй Ивановичъ, Алексѣй Ивановичъ, останься! Куда ты? Ну, чего, чего? Ишь разсердился! Дуракъ! Ну, побудь, побудь еще, ну не сердись, я сама дура! Ну скажи, ну что теперъ дѣлать!

— Я, бабушка, не возьмусь вамъ подсказывать потому что вы меня же будете обвинять. Играйте сами; приказывайте, я ставить буду.

— Ну, ну! ну ставь еще четыре тысячи гульденовъ на красную! Вотъ бумажникъ, бери. Она вынула изъ кармана и подала мнѣ бумажникъ. — Ну, бери скорѣй, тутъ двадцать тысячъ рублей чистыми деньгами.

— Бабушка, пролепеталъ я, — такіе куши...

— Жива не хочу быть — отыграюсь. Ставь! — Поставили и проиграли.

— Ставь, ставь, всѣ восемь ставь!

— Нельзя, бабушка, самый большой кушъ четыре!..

— Ну, ставь четыре!

На этотъ разъ выиграли. Бабушка ободрилась. Видишь-видишь! затолкала она меня, ставь опять четыре!

Поставили — проиграли; потомъ еще и еще проиграли.

— Бабушка, всѣ двѣнадцать тысячъ ушли, доложилъ я.

— Вижу, что всѣ ушли, проговорила она въ какомъ-то спокойствіи бѣшенства, если такъ можно выразиться; — вижу, батюшка, вижу, — бормотала она, смотря предъ собою неподвижно, и какъ будто раздумывая; — эхъ! жива не хочу быть, ставь еще четыре тысячи гульденовъ!

— Да денегъ нѣтъ, бабушка; тутъ, въ бумажникѣ наши пятипроцентные и еще какіе-то переводы есть, а денегъ нѣтъ.

— А въ кошелькѣ?

— Мелочь осталась, бабушка.

— Есть здѣсь мѣняльныя лавки? Мнѣ сказали, что всѣ наши бумаги размѣнять можно, рѣшительно спросила бабушка.

— О, сколько угодно! Но что вы потеряете за промѣнъ, такъ... самъ жидъ ужаснется!

— Вздоръ! Отыграюсь! Вези. Позвать этихъ болвановъ!

Я откатилъ кресла, явились носильщики, и мы покатали изъ воксала. — Скорѣй, скорѣй, скорѣй! командовала бабушка. Показывай дорогу, Алексѣй Ивановичъ, да поближе возьми... а далеко?

— Два шага, бабушка.

Но на поворотѣ изъ сквера въ аллею встрѣтилась намъ вся наша компанія: генераль, Де-Гріе и M-lle Blanche съ маменькой. Полины Александровны съ ними не было, мистера Астлея тоже.

— Ну, ну, ну! не останавливаться! — кричала бабушка, — ну чего вамъ такое? Некогда съ вами тутъ!

Я шель сзади; Де-Гріе подскочилъ ко мнѣ.

— Все давишее проиграла и двѣнадцать тысячъ гульденовъ своихъ просадила. Ёдемъ пятипроцентные мѣнять, — шепнулъ я ему на-скоро.

Де-Гріе топнулъ ногою и бросился сообщить генералу. Мы продолжали катить бабушку.

— Остановите, остановите! зашепталъ мнѣ генераль въ изступленіи.

— А вотъ попробуйте-ка ее остановить, — шепнулъ я ему.

— Тетушка! приблизился генераль, — тетушка... мы сейчасъ... мы сейчасъ... — голосъ у него дрожалъ и падалъ, — нанимаемъ лошадей и ёдемъ за городъ... Восхитительнѣйшій видъ... пуантъ... мы шли васъ приглашать!

— И, ну тебя и съ пуантомъ! раздражительно отмахнулась отъ него бабушка.

— Тамъ деревня... тамъ будемъ чай пить... продолжалъ генераль, уже съ полнымъ отчаяніемъ.

— Nous boirons du lait, sur l'herbe fraîche, прибавилъ Де-Гріе съ звѣрскою злобой.

Du lait, de l'herbe fraîche, — это все, что есть идеально идиллическаго у парижскаго буржуа; въ этомъ, какъ извѣстно, весь взглядъ его на «nature et la vérité!»

— И, ну тебя съ молокомъ! Хлещи самъ, а у меня отъ него брюхо болитъ. Да и чего вы пристали?! закричала бабушка, — говорю некогда!

— Пріѣхали, бабушка! закричалъ я, — здѣсь!

Мы подкатали къ дому, гдѣ была контора банкира. Я пошелъ мѣнять; бабушка осталась ждать у подъѣзда; Де-Гріе, генераль и

Blanche стояли въ сторонѣ, не зная, что имъ дѣлать. Бабушка гнѣвно на нихъ посмотрѣла и они ушли по дорогѣ къ вокзалу.

Мнѣ предложили такой ужасный расчетъ, что я не рѣшился, и воротился къ бабушкѣ просить инструкцій.

— Ахъ, разбойники! закричала она, всплеснувъ руками. — Ну! Ничего! — мѣняй! крикнула она рѣшительно; — стой, позови ко мнѣ банкира!

— Развѣ кого нибудь изъ конторщиковъ, бабушка?

— Ну конторщика, все равно. Ахъ разбойники!

Конторщикъ согласился выдти, узнавъ, что его просить къ себѣ старая, разслабленная графиня, которая не можетъ ходить. Бабушка долго, гнѣвно и громко упрекала его въ мошенничествѣ и торговалась съ нимъ, смѣсью русскаго, французскаго и нѣмецкаго языковъ, причемъ я помогаль переводу. Серьезный конторщикъ посматриваль на насъ обоихъ и, молча, моталь головой. Бабушку осматриваль онъ даже съ слишкомъ пристальнымъ любопытствомъ, — что уже было невѣжливо; наконецъ онъ сталъ улыбаться.

— Ну, убирайся! крикнула бабушка. Подавись моими деньгами! Размѣняй у него, Алексѣй Ивановичъ, некогда, а то бы къ другому поѣхать...

— Конторщикъ говоритъ, что у другихъ еще меньше дадутъ.

Навѣрное не помню тогдашняго расчета, но онъ былъ ужасенъ. Я намѣняль до двѣнадцати тысячъ флориновъ золотомъ и билетами, взяль расчетъ и вынесъ бабушкѣ.

— Ну! Ну! Ну! Нечего считать! замахала она руками, — скорѣй, скорѣй, скорѣй!

— Никогда на этотъ проклятый зѣго не буду ставить и на красную тоже, промолвила она, подѣзжая къ вокзалу.

На этотъ разъ, я всѣми силами старался внушать ей ставить какъ можно меньше, убѣждая ее, что при оборотѣ шансовъ всегда будетъ время поставить и большой кушъ. Но она была такъ нетерпѣлива, что хоть и соглашалась сначала, но возможности не было сдержать ее во время игры. Чуть только она начинала выигрывать ставки въ десять, въ двадцать фридрихсдоровъ, — «Ну вотъ! Ну вотъ!» — начинала она толкать меня, — «ну вотъ выиграла же; — стояло бы четыре тысячи вмѣсто десяти, мы бы четыре тысячи выиграла, а то что теперь? Это все ты, все ты!»

И какъ ни брала меня досада, глядя на ея игру, а я наконецъ рѣшился молчать и не совѣтовать больше ничего.

Вдругъ подскочилъ Де-Гриэ. Они всѣ трое были возлѣ; я замѣтилъ, что M-me Blanche стояла съ маменькой въ сторонѣ и любезничала съ

князькомъ. Генераль былъ въ явной немилости, почти въ загонѣ. Blanche даже и смотрѣть на него не хотѣла, хоть онъ и юлилъ подлѣ нея всѣми силами. Бѣдный генераль! Онъ блѣднѣлъ, краснѣлъ, трепеталъ и даже ужь не слѣдилъ за игрою бабушки. Blanche и князекъ наконецъ вышли; генераль побѣждалъ за ними.

— Madame, madame, медовымъ голосомъ шепталъ бабушкѣ Де-Гріе, протѣснившись къ самому ея уху. Madame, эдакъ ставка нейдетъ... нѣтъ, нѣтъ, не можно... коверкалъ онъ по-русски, — нѣтъ!

— А какъ же? Ну, научи! обратилась къ нему бабушка. Де-Гріе вдругъ быстро заболталъ по французски, началъ совѣтовать, суетился, говорилъ, что надо ждать шансу, сталъ разсчитывать какія-то цифры... бабушка ничего не понимала. Онъ непрерывно обращался ко мнѣ, чтобъ я переводилъ; тыкалъ пальцемъ въ столъ, указывалъ; наконецъ схватилъ карандашъ и началъ было высчитывать на бумажкѣ. Бабушка потеряла наконецъ терпѣніе.

— Ну, пошелъ, пошелъ! все вздоръ мелешь! «Madame, madame» — а самъ и дѣла-то не понимаетъ; пошелъ!

— Mais madame, защебеталъ Де-Гріе, и снова началъ толкать и показывать. Очень ужь его разбирало.

— Ну, поставь разъ, какъ онъ говоритъ, приказала мнѣ бабушка, посмотримъ: можетъ и въ самомъ дѣлѣ выйдетъ.

Де-Гріе хотѣлъ только отвлечь ее отъ большихъ кушей; онъ предлагалъ ставить на числа, по одиначкѣ и въ совокупности. Я поставилъ, по его указанію, по фридрихсдору на рядъ нечетныхъ чиселъ въ первыхъ двѣнадцати и по пяти фридрихсдоровъ на группы чиселъ отъ двѣнадцати до восемнадцати, и отъ восемнадцати до двадцати четырехъ: всего поставили шестнадцать фридрихсдоровъ.

Колесо завертѣлось. — Zéro, крикнулъ круперь. Мы все проиграли.

— Эдакой болванъ! крикнула бабушка, обращаясь къ Де-Гріе. — Эдакой ты мерзкій французиска! Вѣдь посовѣтуетъ же извергъ! Пошелъ, пошелъ! Ничего не понимаетъ, а туда же суется!

Страшно обиженный Де-Гріе пожалъ плечами, презрительно посмотрѣлъ на бабушку и отошелъ. Ему ужь самому стало стыдно, что связался; слишкомъ ужь не утерпѣлъ.

Чрезъ часъ, какъ мы ни бились, — все проиграли.

— Домой! крикнула бабушка.

Она не промолвила ни слова до самой аллеи. Въ аллеѣ, и ужь подѣвзжая къ отелю, у ней начали вырываться восклицанія:

— Экая дура! экая дурында! Старая ты, старая дурында!

Только что въѣхали въ квартиру: «Чаю мнѣ! закричала бабушка, — и сейчасъ собираться! Ёдемъ!»

— Куда, матушка, ѣхать изволите? начала было Марѳа.

— А тебѣ какое дѣло? Знай сверчокъ свой шестокъ! Потапычъ, собирай все, всю поклажу. Ёдемъ назадъ, въ Москву! Я пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ профершпилила!

— Пятнадцать тысячъ, матушка! Боже ты мой! крикнулъ было Потапычъ, умилительно всплеснувъ руками, вѣроятно предполагая услужиться.

— Ну, ну, дуракъ! Началь еще хныкать! Молчи! собираться! счетъ скорѣе, скорѣй!

— Ближайшій поѣздъ отправится въ девять съ половиною часовъ, бабушка, доложилъ я, чтобы остановить ея фуроръ.

— А теперь сколько?

— Половина восьмаго.

— Экая досада! Ну, все равно! Алексѣй Ивановичъ, денегъ у меня ни копейки. Вотъ тебѣ еще два билета, сбѣгай туда, размѣняй мнѣ и эти. А то не съ чѣмъ и ѣхать.

Я отправился. Черезъ полчаса возвратившись въ отель, я засталъ всѣхъ нашихъ у бабушки. Узнавъ, что бабушка уѣзжаетъ совсѣмъ въ Москву, они были поражены, кажется, еще больше, чѣмъ ея проигрышемъ. Положимъ, отѣздомъ спасалось ея состояніе, но, за то, что же теперь станется съ генераломъ? Кто заплатитъ Де-Гриѳе? M-lle Blanche, разумѣется, ждать не будетъ, пока помретъ бабушка и навѣрное улизнетъ теперь съ князькомъ, или съ кѣмънибудь другимъ. Они стояли передъ нею, утѣшали ее и уговаривали. Полины опять не было. Бабушка неистово кричала на нихъ.

— Отвяжитесь, черти! Вамъ что за дѣло? Чего эта козлиная борода ко мнѣ лѣзетъ, кричала она на Де-Гриѳе; — а тебѣ, пиголица, чего надо? обратилась она къ M-lle Blanche. Чего юлишь?

— Diantre! прошептала M-lle Blanche, бѣшено сверкнувъ глазами, но вдругъ захохотала и вышла.

— Elle vivra cent ans! крикнула она, выходя изъ дверей, генералу.

— А, такъ ты на мою смерть разсчитываешь? завопила бабушка генералу, — пошелъ! Выгони ихъ всѣхъ, Алексѣй Ивановичъ! Какое вамъ дѣло? Я свое просвистала, а не ваше!

Генераль пожалъ плечами, согнулся и вышелъ. Де-Гриѳе за нимъ.

— Позвать Прасковью, велѣла бабушка Марѳѣ.

Черезъ пять минутъ, Марѳа воротилась съ Полиной. Все это время Полина сидѣла въ своей комнатѣ съ дѣтьми и, кажется, нарочно рѣши-

лась весь день не выходить. Лицо ея было серьезно, грустно и озабочено.

— Прасковья, начала бабушка, — правда ли, что я давеча стороной узнала, что будто бы этот дуракъ, отчимъ-то твой, хочетъ жениться на этой глупой вертушкѣ французенкѣ, — актриса что ли она, или того еще хуже? Говори, правда это?

— Навѣрное про это я не знаю, бабушка, отвѣчала Полина, но по словамъ самой M-me Blanche, которая не находитъ нужнымъ скрывать, заключаю...

— Довольно! энергически прервала бабушка, — все понимаю! Я всегда считала, что отъ него это станется и всегда считала его самымъ пустѣйшимъ и легкомысленнымъ человѣкомъ. Натациль на себя форсу, что генераль (изъ полковниковъ, по отставкѣ получилъ), да и важничаетъ. Я, мать моя, все знаю, какъ вы телеграмму за телеграммой въ Москву посылали, — «скоро-ли, дескать, старая бабка ноги протянетъ?» Наслѣдства ждали; безъ денегъ-то его эта подлая дѣвка, какъ ее, — de Cominges, что-ли — и въ лакеи къ себѣ не возьметъ, да еще со вставными-то зубами. У ней, говорятъ, у самой денегъ куча, на проценты даетъ, добромъ нажила. Я, Прасковья, тебя не виню; не ты телеграммы посылали; и объ старомъ тоже поминать не хочу. Знаю, что характерика у тебя скверный — оса! укусишь, такъ вспухнетъ, да жаль мнѣ тебя, потому: покойницу Катерину, твою мать, я любила. Ну, хочешь? бросай все здѣсь и поѣзжай со мною. Вѣдь тебѣ дѣваться-то некуда; да и неприлично тебѣ съ ними теперь. Стой! прервала бабушка начинавшую было отвѣчать Полину, — я еще не докончила. Отъ тебя я ничего не потребую. Домъ у меня въ Москвѣ, сама знаешь, — дворецъ, хоть цѣлый этажъ занимай и хоть по недѣлямъ ко мнѣ не сходи, коль мой характеръ тебѣ не покажется. Ну, хочешь, или нѣтъ?

— Позвольте сперва васъ спросить: неужели вы сейчасъ ѣхать хотите?

— Шучу, что-ли я, матушка! Сказала и поѣду. Я сегодня пятнадцать тысячъ цѣлковыхъ просадила на разтреклятой вашей рулеткѣ. Въ подмосковной я, пять лѣтъ назадъ, дала обѣщаніе церковь изъ деревянной въ каменную перестроить, да вмѣсто того здѣсь просвисталась. Теперь, матушка, церковь поѣду строить.

— А воды-то, бабушка? Вѣдь вы пріѣхали воды пить?

— И, ну тебя съ водами твоими! Не раздражай ты меня, Прасковья; нарочно, что-ли ты? Говори, ѣдешь, аль нѣтъ?

— Я васъ очень, очень благодарю, бабушка, — съ чувствомъ начала Полина, — за убѣжище, которое вы мнѣ предлагаете. Отчасти вы мое положеніе угадали. Я вамъ такъ признательна, что, повѣрьте, къ

вамъ приду, можетъ быть даже и скоро; а теперь есть причины... важныя... и рѣшиться я сейчасъ, сію минуту, не могу. Если бы вы остались хоть недѣли двѣ...

— Значить, не хочешь?

— Значить, не могу. Къ тому же, во всякомъ случаѣ, я не могу брата и сестру оставить, а такъ какъ... такъ какъ... такъ какъ дѣйствительно можетъ случиться, что они останутся, какъ брошенные, то... если возьмете меня съ малютками, бабушка, то, конечно, къ вамъ поѣду и, повѣрьте заслужу, вамъ это! прибавила она съ жаромъ; — а безъ дѣтей не могу, бабушка.

— Ну, не хнычь! (Полина и не думала хныкать, да она и никогда не плакала) — и для цыплятъ найдется мѣсто; великъ курятникъ. Къ тому же, имъ въ школу пора. Ну, такъ не ѣдешь теперь? Ну, Прасковья, смотри! Желала бы я тебѣ добра, а вѣдь я знаю, почему ты не ѣдешь? Все я знаю, Прасковья! Не доведетъ тебя этотъ французиска до добра.

Полина вспыхнула. Я такъ и вздрогнулъ: (Всѣ знаютъ! одинъ я, стало быть, ничего не знаю!)

— Ну, ну, не хмурься. Не стану размазывать. Только смотри, чтобъ не было худа, понимаешь? Ты дѣвка умная; жаль мнѣ тебя будетъ. Ну, довольно, не глядѣла бы я на васъ на всѣхъ! Ступай, прощай!

— Я, бабушка, еще провожу васъ, сказала Полина.

— Не надо; не мѣшай; да и надоѣли вы мнѣ всѣ.

Полина поцѣловала у бабушки руку, но та руку отдернула и сама поцаловала ее въ щеку.

Проходя мимо меня, Полина быстро на меня поглядѣла и тотчасъ отвела глаза.

— Ну, прощай и ты, Алексѣй Ивановичъ! Всего часъ до поѣзда. Да и усталъ ты со мною, я думаю. На, возьми себѣ эти пятьдесятъ золотыхъ.

— Покорно благодарю васъ, бабушка, мнѣ совѣстно...

— Ну, ну! крикнула бабушка, но до того энергично и грозно, что я не посмѣлъ отговариваться и принялъ.

— Въ Москвѣ, какъ будешь безъ мѣста бѣгать, — ко мнѣ приходи; отрекомендую куда нибудь. Ну, убирайся!

Я пришелъ къ себѣ въ номеръ и легъ на кровать. Я думаю, я лежалъ съ полчаса навзничъ, закинувъ за голову руки. Катастрофа ужъ разразилась, было о чемъ подумать. Завтра, я рѣшилъ настоятельно говорить съ Полиной. А! французиска? Такъ, стало быть, правда! Но что же тутъ могло быть, однако? Полина и Де-Грие! Господи, какое сопоставленіе!

Все это было просто невѣроятно. Я вдругъ вскочилъ внѣ себя, чтобъ идти тотчасъ же отыскать мистера Астлея и, во чтобы то ни стало, заставить его говорить. Онъ, конечно, и тутъ больше меня знаетъ. Мистеръ Астлей? вотъ еще для меня загадка!

Но вдругъ въ дверяхъ моихъ раздался стукъ. Смотрю — Потапычъ.

— Батюшка, Алексѣй Ивановичъ: къ барынѣ, требуютъ!

— Что такое? Уѣзжаетъ, что ли? До поѣзда еще двадцать минутъ.

— Безпокоятся, батюшка, едва сидятъ. «Скорѣй, скорѣй!» — вась, то есть, батюшка; ради Христа не замедлите.

Тотчасъ же я сбѣжалъ внизъ. Бабушку уже вывезли въ корридоръ. Въ рукахъ ея былъ бумажникъ.

— Алексѣй Ивановичъ, иди впередъ, пойдёмъ!..

— Куда, бабушка?

— Жива не хочу быть, отыграюсь! Ну, маршъ, безъ разспросовъ! Тамъ до полночи вѣдь игра идетъ?

Я остолбенѣлъ, подумалъ, но тотчасъ же рѣшился.

— Воля ваша, Антонида Васильевна, не пойду.

— Это почему? Это что еще? Бѣлены, что ли, вы всѣ объѣлись!

— Воля ваша; я потомъ самъ упрекать себя стану; не хочу! Не хочу быть ни свидѣтелемъ, ни участникомъ; избавьте, Антонида Васильевна. Вотъ ваши пятьдесятъ фридрихсдоровъ назадъ; прощайте! И я, положивъ свертокъ съ фридрихсдорами тутъ же на столикъ, подлѣ котораго пришлись кресла бабушки, поклонился и ушелъ.

— Экой вздоръ! крикнула мнѣ вслѣдъ бабушка, — да не ходи, пожалуй, я и одна дорогу найду! Потапычъ, иди со мною! Ну, подымайте, несите.

Мистера Астлея я не нашелъ и воротился домой. Поздно, уже въ первомъ часу пополуночи, я узналъ отъ Потапыча, чѣмъ кончился бабушкинъ день. Она все проиграла, что ей давеча я намѣнялъ, т. е. по нашему еще десять тысячъ рублей. Къ ней прикомандировался тамъ тотъ самый полячекъ, которому она дала давеча два фридрихсдора, и все время руководилъ ее въ игрѣ. Сначала, до полячка, она было заставляла ставить Потапыча, но скоро прогнала его; тутъ-то и подскочилъ полячокъ. Какъ нарочно, онъ понималъ по-русски и даже болталъ кое-какъ, смѣсю трехъ языковъ, такъ что они кое-какъ уразумѣли другъ друга. Бабушка все время нещадно ругала его, и хотъ тотъ непрерывно «стелился подъ стопки паньски», но ужъ куда сравнить съ вами, Алексѣй Ивановичъ, рассказывалъ Потапычъ. «Съ вами она *точно съ бариномъ* обращалась, а тотъ — такъ, я самъ видѣлъ своими глазами, убей Богъ на мѣстѣ, тутъ же у ней со стола воровалъ. Она его сама раза два на

столѣ поймала, и ужь костила она его, костила всяческими то, батюшка, словами, даже за волосенки разѣ отдергала, право не лгу, такъ что кругомъ смѣхъ пошелъ. Все, батюшка, проиграла; все какъ есть, все, что вы ей намѣняли. Довезли мы ее, матушку, сюда, — только водицы спросила испить, перекрестилась, и въ постельку. Измучилась, что ли она, тотчасъ заснула. Пошли Богъ сны ангельскіе! Охъ, ужь эта мнѣ заграница! — заключилъ Потапычъ, — говорилъ, что не къ добру. И ужь поскорѣй бы въ нашу Москву! И чего-чего у насъ дома нѣтъ, въ Москвѣ? Садъ, цвѣты, какихъ здѣсь и не бываетъ, духъ, яблоньки наливаются, просторъ, — нѣтъ: надо было за границу! О-хо-хо!..»

ГЛАВА XIII.

Вотъ ужь почти цѣлый мѣсяцъ прошелъ, какъ я не притрогивался къ этимъ замѣткамъ моимъ, начатымъ подѣ вліяніемъ впечатлѣній, хотя и беспорядочныхъ, но сильныхъ. Катастрофа, приближеніе которой я тогда предчувствовалъ, наступила дѣйствительно, но во сто разъ круче и неожиданнѣе, чѣмъ я думалъ. Все это было нѣчто странное, безобразное и даже трагическое, по крайней мѣрѣ со мной. Случились со мною нѣкоторыя происшествія — почти чудесныя; такъ, по крайней мѣрѣ, я до сихъ поръ гляжу на нихъ, — хотя на другой взглядъ и, особенно судя по круговороту, въ которомъ я тогда кружился, онѣ были только-что развѣ не совсѣмъ обыкновенныя. Но чудеснѣе всего для меня то, какъ я самъ отнесся ко всѣмъ этимъ событіямъ. До сихъ поръ не понимаю себя! И все это пролетѣло, какъ сонъ, — даже страсть моя, а она вѣдь была сильна и истинна, но... куда же она теперь дѣлась? Право: нѣтъ-нѣтъ, да и мелькнетъ иной разъ теперь въ моей головѣ: ужь не сошелъ ли я тогда съ ума и не сидѣлъ ли, все это время, гдѣ нибудь въ сумасшедшемъ домѣ, а можетъ быть и теперь сижу, — такъ, что мнѣ все это *показалось*, и до сихъ поръ только кажется...

Я собралъ и перечелъ мои листки. (Кто знаетъ, можетъ быть, для того, чтобы убѣдиться, не въ сумасшедшемъ ли домѣ я ихъ писалъ?). Теперь я одинъ-одинешенекъ. Наступаетъ осень, желтѣетъ листь. Сижу въ этомъ уныломъ городишкѣ (о, какъ унылы германскіе городишки!) и, вмѣсто того, чтобы обдумать предстоящій шагъ, живу подѣ вліяніемъ только-что минувшихъ ощущеній, подѣ вліяніемъ свѣжихъ воспоминаній, подѣ вліяніемъ всего этого недавняго вихря, захватившаго меня тогда въ этотъ круговоротъ и опять куда-то выбросившаго. Мнѣ все кажется порой, что я все еще кружусь въ томъ же вихрѣ и, что, вотъ-вотъ, опять промчится эта буря, захватитъ меня мимоходомъ своимъ

крыломъ, и я выскочу опять изъ порядка и чувства мѣры, и закружусь, закружусь, закружусь...

Впрочемъ, я можетъ быть и установлюсь какънибудь и перестану кружиться, если дамъ себѣ, по возможности, точный отчетъ во всемъ приключившемся въ этотъ мѣсяць. Меня тянетъ опять къ перу; да иногда и совсѣмъ дѣлать нечего по вечерамъ. Странно, для того, чтобы хоть чѣмънибудь заняться, я беру въ здѣшней паршивой библіотекѣ для чтенія романы Поль-де-Кока (въ нѣмецкомъ переводѣ!), которыхъ я почти терпѣть не могу, но читаю ихъ и — дивлюсь на себя: точно я боюсь серьезною книгою, или какимънибудь серьезнымъ занятіемъ, разрушить обаяніе, только-что минувшаго. Точно ужь такъ дороги мнѣ этотъ безобразный сонъ и всѣ оставшіяся по немъ впечатлѣнія, что я даже боюсь дотронуться до него чѣмънибудь новымъ, чтобы онъ не разлетѣлся въ дымъ! Дорого мнѣ это все такъ, что ли? Да, конечно, дорого; можетъ и чрезъ сорокъ лѣтъ вспоминать буду...

И такъ принимаюсь писать. Впрочемъ, все это можно рассказать теперь, отчасти и покороче: впечатлѣнія совсѣмъ не тѣ...

Во-первыхъ, чтобъ кончить съ бабушкой. На другой день, она проигралась вся окончательно. Такъ и должно было случиться: кто разъ, изъ такихъ, попадетъ на эту дорогу, тотъ — точно съ снѣговой горы въ санкахъ катится, все быстрѣе и быстрѣе. Она играла весь день до восьми часовъ вечера; я при ея игрѣ не присутствовалъ, и знаю только по рассказамъ.

Потапычъ продежурилъ при ней въ воксалѣ цѣлый день. Полячки, руководившіе бубушку, смѣнялись въ этотъ день нѣсколько разъ. Она начала съ того, что прогнала вчерашняго полячка, котораго она драла за волосы, и взяла другаго, но другой оказался почти что еще хуже. Прогнавъ этого и, взявъ опять перваго, который не уходилъ и толкался во все это время изгнанія тутъ же, за ея креслами, поминутно просовывая къ ней свою голову, — она впала наконецъ въ рѣшительное отчаяніе. Прогнанный второй полячекъ тоже ни за что не хотѣлъ уйти; одинъ помѣстился съ правой стороны, а другой съ лѣвой. Все время они спорили и ругались другъ съ другомъ за ставки и ходы, обзывали другъ друга «лайдаками» и прочими польскими любезностями, потомъ опять мирились, кидали деньги безъ всякаго порядка, распоряжались зря. Поссорившись, они ставили каждый съ своей стороны, одинъ, на примѣръ, на красную, а другой тутъ же на черную. Кончилось тѣмъ, что они совсѣмъ закружили и сбили бабушку съ толку, такъ, что она наконецъ, чуть не со слезами, обратилась къ старичку круперу, съ

просьбою защитить ее, чтобъ онъ ихъ прогналъ. Ихъ дѣйствительно тотчасъ же прогнали, не смотря на ихъ крики и протесты: они кричали оба разомъ и доказывали, что бабушка имъ же должна, что она ихъ въ чемъ-то обманула, поступила съ ними безчестно, подло. Несчастнѣйшій Потапычъ рассказывалъ мнѣ все это со слезами, въ тотъ самый вечеръ, послѣ проигрыша, и жаловался, что они набивали свои карманы деньгами, что онъ самъ видѣлъ, какъ они безсовѣстно воровали и поминутно совали себѣ въ карманы. Выпросить, на примѣръ, у бабушки за труды пять фридрихсдоровъ и начнетъ ихъ тутъ же ставить на рулеткѣ, рядомъ съ бабушкиными ставками. Бабушка выиграетъ, а онъ кричитъ, что это его ставка выиграла, а бабушкина проиграла. Когда ихъ прогоняли, то Потапычъ выступилъ и донесъ, что у нихъ полны карманы золота. Бабушка тотчасъ же попросила крупера распорядиться и, какъ оба полячка ни кричали (точно два пойманные въ руки пѣтуха), но явилась полиція и тотчасъ карманы ихъ были опустошены въ пользу бабушки. Бабушка, пока не проигралась, пользовалась во весь этотъ день у круперовъ и у всего воксального начальства видимымъ авторитетомъ. Мало-помалу извѣстность ея распространялась по всему городу. Всѣ посѣтители водъ, всѣхъ націй, обыкновенные и самые знатные, стекались посмотреть на «une vieille comtesse russe, tombée en enfance», которая уже проиграла «нѣсколько милліоновъ».

Но бабушка очень, очень мало выиграла отъ того, что избавили ее отъ двухъ полячишекъ. Взамѣнъ ихъ, тотчасъ же къ услугамъ ея явился третій полякъ, уже совершенно чисто говорившій по-русски, одѣтый джентельменомъ, хотя все-таки смахивавшій на лакея, съ огромными усами и съ гоноромъ. Онъ тоже цѣловалъ «стопки паньски» и «стелился подъ стопки паньски», но относительно окружающихъ велъ себя заносчиво, распоряжался деспотически, — словомъ, сразу поставилъ себя не слугою, а хозяиномъ бабушки. Поминутно, съ каждымъ ходомъ, обращался онъ къ ней и клялся ужаснѣйшими клятвами, что онъ самъ «гоноровый» панъ, и что онъ не возьметъ ни единой копейки изъ денегъ бабушки. Онъ такъ часто повторялъ эти клятвы, что та окончательно струсила. Но такъ какъ этотъ панъ дѣйствительно въ началѣ какъ будто поправилъ ея игру и сталъ было выигрывать, то бабушка и сама уже не могла отъ него отстать. Часъ спустя, оба прежніе полячишка, выведенные изъ воксала, появились снова за стуломъ бабушки, опять съ предложеніемъ услугъ, хоть на посылки. Потапычъ божился, что «гоноровый панъ» съ ними перемигивался, и даже что то имъ передавалъ въ руки. Такъ какъ бабушка не обѣдала, и почти не сходила съ креселъ, то и дѣйствительно одинъ изъ полячковъ пригодился: сбѣгалъ тутъ же рядомъ, въ обѣденную залу воксала и досталъ ей чашку бульона, а потомъ и чаю.

Они бѣгали, впрочемъ, оба. Но къ концу дня, когда уже всѣмъ видно стало, что она проигрываетъ свой послѣдній банковый билетъ, за стуломъ ея стояло уже до шести полячковъ, прежде невиданныхъ и неслыханныхъ. Когда же бабушка проигрывала уже послѣднія монеты, то всѣ они не только ее ужь не слушались, но даже и не замѣчали, лѣзли прямо чрезъ нее къ столу, сами хватали деньги, сами распоряжались и ставили, спорили и кричали, переговариваясь съ гоноровымъ паномъ за панибрата, а гоноровый панъ чуть ли даже и не забылъ о существованіи бабушки. Даже тогда, когда бабушка, совсѣмъ все проигравшая, возвращалась вечеромъ въ восемь часовъ въ отель, то и тутъ три или четыре полячка все еще не рѣшались ее оставить и бѣжали около кресель, по сторонамъ, крича изо всѣхъ силъ и увѣряя, скороговоркою, что бабушка ихъ въ чемъ-то надула и должна имъ что-то отдать. Такъ дошли до самого отеля, откуда ихъ наконецъ прогнали въ толчки.

По расчету Потапыча, бабушка проиграла всего въ этотъ день до девяноста тысячъ рублей, кромѣ проигранныхъ ею вчера денегъ. Всѣ свои билеты — пятипроцентные, внутреннихъ займовъ, всѣ акціи, бывшіе съ нею, она размѣняла одинъ за другимъ и одну за другой. Я подивился-было, какъ она выдержала всѣ эти семь или восемь часовъ, сидя въ креслахъ и почти не отходя отъ стола, но Потапычъ рассказывалъ, что раза три она дѣйствительно начинала сильно выигрывать; а увлеченная вновь надеждою, она ужь и не могла отойти. Впрочемъ, игроки знаютъ, какъ можно человѣку просидѣть чуть не сутки на одномъ мѣстѣ за картами, не спуская глазъ съ правой и съ лѣвой.

Между тѣмъ во весь этотъ день, у насъ въ отелѣ происходили тоже весьма рѣшительныя вещи. Еще утромъ, до одиннадцати часовъ, когда бабушка еще была дома, наши, т. е. генераль и Де-Гріе, рѣшились было на послѣдній шагъ. Узнавъ, что бабушка и не думаетъ уѣзжать, а напротивъ отправляется опять въ воксаль, они, во всемъ конклавѣ (кромѣ Полины), пришли къ ней переговорить съ нею окончательно и даже *откровенно*. Генераль, трепетавшій и замиравшій душою, въ виду ужасныхъ для него послѣдствій, даже пересолилъ: послѣ получасовыхъ моленій и просьбъ, и даже откровенно признавшись во всемъ, т. е. во всѣхъ долгахъ, и даже въ своей страсти къ M-lle Blanche (онъ совсѣмъ потерялся), генераль вдругъ принялъ грозный тонъ и сталъ даже кричать и топтать ногами на бабушку; кричалъ, что она срамитъ ихъ фамилію, стала скандаломъ всего города и наконецъ... наконецъ: «вы срамите русское имя, сударыня!» — кричалъ генераль — «и что на то есть полиція!» Бабушка прогнала его наконецъ палкой, — (настоящей палкой). Генераль и Де-Гріе совѣщались еще разъ или два въ это утро, и именно ихъ занимало: нельзя ли, въ самомъ дѣлѣ, какъ нибудь употре-

бить полицію? Что вотъ, дескать, несчастная, но почтенная старушка выжила изъ ума, проигрываетъ послѣднія деньги и т. д. Однимъ словомъ, нельзя ли выхлопотать какой нибудь надзоръ или запрещеніе?.. Но Де-Гріе только пожималъ плечами и въ глаза смѣялся надъ генераломъ, уже совершенно заболтавшимся и бѣгавшимъ взадъ и впередъ по кабинету. Наконецъ Де-Гріе махнулъ рукою и куда-то скрылся. Вечеромъ узнали, что онъ совсѣмъ выѣхалъ изъ отеля, переговоривъ напередъ весьма рѣшительно и таинственно съ M-lle Blanche. Что же касается до M-lle Blanche, то она съ самаго еще утра приняла окончательныя мѣры: она совсѣмъ отшвырнула отъ себя генерала и даже не пускала его къ себѣ на глаза. Когда генераль побѣждалъ за нею въ воксаль и встрѣтилъ ее подъ руку съ князькомъ, то ни она, ни M-me veuve Cominges его не узнали. Князекъ тоже ему не поклонился. Весь этотъ день M-lle Blanche пробовала и обрабатывала князя, чтобъ онъ высказался наконецъ рѣшительно. Но увы! Она жестоко обманулась въ расчетахъ на князя! Эта маленькая катастрофа произошла уже вечеромъ; вдругъ открылось, что князь голъ, какъ соколъ, и еще на нее же рассчитывалъ, чтобы занять у нея денегъ подъ вексель и поиграть на рулеткѣ. Blanche съ негодованіемъ его выгнала и заперлась въ своемъ номерѣ.

По утру, въ этотъ же день, я ходилъ къ мистеру Астлею, или лучше сказать, все утро отыскивалъ мистера Астлея, но никакъ не могъ отыскать его. Ни дома, ни въ воксаль, или въ паркѣ его не было. Въ отелѣ своемъ онъ на этотъ разъ не обѣдалъ. Въ пятомъ часу, я вдругъ увидѣлъ его идущаго отъ дебаркадера желѣзной дороги прямо въ отель d'Angleterre. Онъ торопился и былъ очень озабоченъ, хотя и трудно различить заботу или какое бы то ни было замѣшательство въ его лицѣ. Онъ радушно протянулъ мнѣ руку, съ своимъ обычнымъ восклицаніемъ: «А!», но не останавливаясь на дорогѣ и продолжая довольно спѣшнымъ шагомъ путь. Я увязался за нимъ; но какъ-то онъ такъ съумѣлъ отвѣчать мнѣ, что я ни о чемъ не успѣлъ и спросить его. Къ тому же, мнѣ было почему-то ужасно совѣстно заговаривать о Полинѣ; онъ же самъ ни слова о ней не спросилъ. Я рассказалъ ему про бабушку; онъ выслушалъ внимательно и серьезно, и пожалъ плечами.

— Она все проиграетъ, замѣтилъ я.

— О, да, отвѣчалъ онъ, — вѣдь она пошла играть еще давеча, когда я уѣзжалъ, а потому я навѣрно и зналъ, что она проиграется. Если будетъ время, я зайду въ воксаль посмотрѣть, потому что это любопытно...

— Куда вы уѣзжали? вскричалъ я, изумившись, что до сихъ поръ не спросилъ.

— Я былъ во Франкфуртѣ.

— По дѣламъ?

— Да, по дѣламъ.

Ну, что же мнѣ было спрашивать дальше? Впрочемъ, я все еще шелъ подлѣ него, но онъ вдругъ повернулъ въ стоявшій на дорогѣ отель «Des quatre saisons», кивнулъ мнѣ головой и скрылся. Возвращаясь домой, я мало по малу догадался, что если бы я и два часа съ нимъ проговорилъ, то рѣшительно бы ничего не узналъ, потому... что мнѣ не о чемъ было его спрашивать! Да, конечно такъ! Я никакимъ образомъ не могъ бы теперь формулировать моего вопроса.

Весь этотъ день, Полина, то гуляла съ дѣтьми и нянюшкой въ паркѣ, то сидѣла дома. Генерала она давно уже избѣгала и почти ничего съ нимъ не говорила, по крайней мѣрѣ, о чемъ нибудь серьезномъ. Я это давно замѣтилъ. Но, зная въ какомъ генералѣ положеніи сегодня, я подумалъ, что онъ не могъ миновать ее, т. е. между ними не могло не быть какихъ нибудь важныхъ семейныхъ объясненій. Однако жъ, когда я, возвращаясь въ отель послѣ разговора съ мистеромъ Астлеемъ, встрѣтилъ Полину съ дѣтьми, то на ея лицѣ отражалось самое безмятежное спокойствіе, какъ будто всѣ семейныя бури миновали только одну ее. На мой поклонъ, она кивнула мнѣ головой. Я пришелъ къ себѣ совсѣмъ злой.

Конечно, я избѣгалъ говорить съ нею и ни разу съ нею не сходилъ послѣ происшествія съ Вурмергельмами. При этомъ я отчасти фарсилъ и ломался; но чѣмъ дальше шло время, тѣмъ все болѣе и болѣе накапливалось во мнѣ настоящее негодованіе. Если бы даже она и не любила меня нисколько, все-таки нельзя бы, кажется, такъ топтать мои чувства и съ такимъ пренебреженіемъ принимать мои признанія. Вѣдь она знаетъ же, что я взаправду люблю ее; вѣдь она сама допускала, позволяла мнѣ такъ говорить съ нею! Правда, это какъ-то странно началось у насъ. Нѣкоторое время, давно ужъ, мѣсяца два назадъ, я сталъ замѣчать, что она хочетъ сдѣлать меня своимъ другомъ, повѣреннымъ, и даже отчасти ужъ и пробуесть. Но это почему то не пошло у насъ тогда въ ходъ; вотъ, взаимнъ того, и остались странныя теперешнія отношенія; оттого-то и сталъ я такъ говорить съ нею. Но если ей противна моя любовь, зачѣмъ прямо не запретить мнѣ говорить о ней?

Мнѣ не запрещаютъ; даже сама она вызывала иной разъ меня на разговоръ и... конечно дѣлала это на смѣхъ. Я знаю навѣрное, я это твердо замѣтилъ, — ей было пріятно, выслушавъ и раздраживъ меня до боли, вдругъ меня огорошить какою нибудь выходкою величайшаго презрѣнія и невниманія. И вѣдь знаетъ же она, что я безъ нея жить не могу. Вотъ, теперь три дня прошло послѣ исторіи съ барономъ, а я уже не могу выносить нашей *разлуки*. Когда я ее встрѣтилъ сейчасъ у воксала,

у меня забилося сердце такъ, что я поблѣднѣлъ. Но вѣдь и она же безъ меня не проживетъ! Я ей нуженъ и — неужели, неужели только, какъ шутъ Балакиревъ?

У ней тайна — это ясно! Разговоръ ея съ бабушкой больно укололъ мое сердце. Вѣдь я тысячу разъ вызывалъ ее быть со мною откровенной и вѣдь она знала, что я дѣйствительно готовъ за нее голову мою положить. Но она всегда отдѣлывалась чуть не презрѣніемъ, или, вмѣсто жертвы жизнью, которую я предлагалъ ей, — требовала отъ меня такихъ выходовъ, какъ тогда съ барономъ! Развѣ это не возмутительно? Неужели весь міръ для нея въ этомъ французѣ? А мистеръ Астлей? Но, тутъ уже дѣло становилось рѣшительно непонятнымъ, а между тѣмъ — Боже, какъ я мучился!

Придя домой, въ порывѣ бѣшенства, я схватилъ перо и настрочилъ ей слѣдующее:

«Полина Александровна, я вижу ясно, что пришла развязка, которая задѣнетъ, конечно, и васъ. Послѣдній разъ повторяю: нужна или нѣтъ вамъ моя голова? Если буду нуженъ, хоть *на что-нибудь* — располагайте, а я покамѣстъ сижу въ своей комнатѣ, по крайней мѣрѣ большею частью, и никуда не уѣду. Надо будетъ, — то напишите иль позовите».

Я запечаталъ и отправилъ эту записку съ корридорнымъ лакеемъ, съ приказаніемъ отдать прямо въ руки. Отвѣта я не ждалъ, но черезъ три минуты лакей воротился съ извѣстіемъ, что «приказали кланяться».

Часу въ седьмомъ меня позвали къ генералу.

Онъ былъ въ кабинетѣ, одѣтъ какъ бы собираясь куда-то идти. Шляпа и палка лежали на диванѣ. Мнѣ показалось, входя, что онъ стоялъ среди комнаты, разставивъ ноги, опустя голову, и что-то говорилъ вслухъ самъ съ собой. Но только что онъ завидѣлъ меня, — какъ бросился ко мнѣ чуть не съ крикомъ, такъ что я невольно отшатнулся и хотѣлъ было убѣжать; но онъ схватилъ меня за обѣ руки и потащилъ къ дивану; самъ сѣлъ на диванъ, меня посадилъ прямо противъ себя въ кресла и, не выпуская моихъ рукъ, съ дрожащими губами, со слезами, заблеставшими вдругъ на его рѣсницахъ, умоляющимъ голосомъ проговорилъ:

— Алексѣй Ивановичъ, спасите, спасите, пощадите!

Я долго не могъ ничего понять; онъ все говорилъ, говорилъ, говорилъ и все повторялъ: «пощадите, пощадите!» Наконецъ я догадался, что онъ ожидаетъ отъ меня чего-то въ родѣ совѣта; или, лучше сказать, всѣми оставленный, въ тоскѣ и тревогѣ, онъ вспомнилъ обо мнѣ и позвалъ меня, чтобъ только говорить, говорить, говорить.

Онъ помѣшался, по крайней мѣрѣ, въ высшей степени потерялся. Онъ складывалъ руки и готовъ былъ броситься предо мной на колѣни, чтобы — (какъ вы думаете?) — чтобъ я сейчасъ же шелъ къ M-lle Blanche и упросилъ, усовѣстилъ ее воротиться къ нему и выйти за него замужъ.

— Помилуйте, генераль, вскричалъ я, — да M-lle Blanche можетъ быть еще и не замѣтила меня до сихъ поръ? Что могу я сдѣлать?

Но напрасно было и возражать: онъ не понималъ, что ему говорить. Пускался онъ говорить и о бабушкѣ, но только ужасно безсвязно; онъ все еще стоялъ на мысли послать за полиціею.

— У насъ, у насъ, начиналъ онъ, вдругъ вскипая негодованіемъ, — однимъ словомъ, у насъ, въ благоустроенномъ государствѣ, гдѣ есть начальство, надъ такими старухами тотчасъ бы опеку устроили! Да-съ, милостивый государь, да-съ, продолжалъ онъ, вдругъ впадая въ распекательный тонъ, вскочивъ съ мѣста и расхаживая по комнатѣ; «вы еще не знали этого, милостивый государь, обратился онъ къ какому то воображаемому милостивому государю въ уголь, — такъ вотъ и узнаете... да-съ... у насъ эдакихъ старухъ въ дугу гнуть, въ дугу, въ дугу-съ, да-съ... о, чортъ возьми!

И онъ бросался опять на диванъ, а чрезъ минуту, чуть не всхлипывая, задыхаясь, спѣшилъ рассказать мнѣ, — что M-lle Blanche оттого вѣдь за него не выходитъ, что вмѣсто телеграммы пріѣхала бабушка и что теперь уже ясно, что онъ не получитъ наслѣдства. Ему казалось, что ничего еще этого я не знаю. Я было заговорилъ о Де-Гріе; онъ махнулъ рукою: Уѣхалъ! у него все мое въ закладѣ; я голъ, какъ соколъ! Тѣ деньги, которыя вы привезли... тѣ деньги, — я не знаю, сколько тамъ, кажется франковъ семьсотъ осталось, и — довольно-съ, вотъ и всѣ, а дальше — не знаю-съ, не знаю-съ!..

— Какъ же вы въ отелѣ расплатитесь? вскричалъ я въ испугѣ, — и... потомъ что-же?

Онъ задумчиво посмотрѣлъ, но, кажется, ничего не понялъ и даже, можетъ быть, не слышалъ меня. Я попробовалъ было заговорить о Полинѣ Александровнѣ, о дѣтяхъ; онъ на скоро отвѣчалъ: да! да! но тотчасъ же опять пускался говорить о князѣ, о томъ, что теперь уѣдетъ съ нимъ Blanche и тогда... и тогда — что же мнѣ дѣлать, Алексѣй Ивановичъ? обращался онъ вдругъ ко мнѣ, — клянусь Богомъ! Что же мнѣ дѣлать, — скажите, вѣдь это неблагодарность! вѣдь это-же неблагодарность?

Наконецъ онъ залился въ три ручья слезами.

Нечего было дѣлать съ такимъ человѣкомъ; оставить его одного тоже было опасно; пожалуй, могло съ нимъ что нибудь приключиться. Я,

впрочемъ, отъ него кое-какъ избавился, но далъ знать нянюшкѣ, чтобъ та навѣдывалась по чаще, да кромѣ того поговорилъ съ корридорнымъ лакеемъ, очень толковымъ малымъ; тотъ обѣщался мнѣ тоже съ своей стороны присматривать.

Едва только оставилъ я генерала, какъ явился ко мнѣ Потапычъ, съ зовомъ къ бабушкѣ. Было восемь часовъ и она только что воротилась изъ воксала послѣ окончательнаго проигрыша. Я отправился къ ней: старуха сидѣла въ креслахъ, совсѣмъ измученная и видимо больная. Марѳа подавала ей чашку чая, которую почти насильно заставила ее выпить. И голосъ, и тонъ бабушки ярко измѣнились.

— Здравствуйте, батюшка, Алексѣй Ивановичъ, сказала она, медленно и важно склоняя голову, — извините, что еще разъ побезпокоила, простите старому человѣку. Я, отецъ мой, все тамъ оставила, почти сто тысячъ рублей. Правъ ты былъ, что вчера не пошелъ со мною. Теперь я безъ денегъ, гроша нѣтъ. Медлить не хочу ни минуты, въ девять съ половиною и поѣду. Послала я къ этому твоему англичанину, Астлею что-ли, и хочу у него спросить три тысячи франковъ на недѣлю. Такъ убѣди ты его, чтобъ онъ какънибудь чего не подумалъ и не отказалъ. Я еще, отецъ мой, довольно богата. У меня три деревни и два дома есть. Да и денегъ еще найдется, не всѣ съ собой взяла. Для того я это говорю, чтобъ не усомнился онъ какънибудь... А, да вотъ и онъ! Видно хорошаго человѣка.

Мистеръ Астлей поспѣшилъ по первому зову бабушки. Ни мало не думая и много не говоря, онъ тотчасъ же отчиталъ ей три тысячи франковъ подъ вексель, который бабушка и подписала. Кончивъ дѣло, онъ откланялся и поспѣшилъ выйти.

— А теперь ступай и ты, Алексѣй Ивановичъ. Осталось часъ съ небольшимъ — хочу прилечь, кости болятъ. Не взыщи на мнѣ, старой дурѣ. Теперь ужъ не буду молодыхъ обвинять въ легкомысліи, да и того несчастнаго, генерала-то вашего, тоже грѣшно мнѣ теперь обвинять. Денегъ я ему все-таки не дамъ, какъ онъ хочетъ, потому — ужъ совсѣмъ онъ на мой взглядъ глупехонекъ, только и я, старая дура, не умнѣе его. Подлинно, Богъ и на старости взыщетъ и накажетъ гордыню. Ну, прощай. Марѳуша, подыми меня.

Я однако желалъ проводить бабушку. Кромѣ того, я былъ въ какомъ-то ожиданіи, я все ждалъ, что вотъ-вотъ сейчасъ что-то случится. Мнѣ не сидѣлось у себя. Я выходилъ въ корридоръ, даже на минутку вышелъ побродить по аллеѣ. Письмо мое къ ней было ясно и рѣшительно, а теперешняя катастрофа — ужъ конечно окончательная. Въ отелѣ я услышалъ объ отъѣздѣ Де-Гріе. Наконецъ, если она меня и

отвергнетъ, какъ друга, то — можетъ быть, какъ слугу, не отвергнетъ. Вѣдь нуженъ же я ей, хоть на посылки; да пригожусь, какъ же иначе!

Ко времени поѣзда, я сбѣгалъ на дебаркадеръ и усадилъ бабушку. Они всѣ усѣлись въ особый семейный вагонъ. — «Спасибо тебѣ, батюшка, за твое безкорыстное участіе, простилась она со мною, — да передай Прасковѣ то, о чемъ я вчера ей говорила, — я ее буду ждать».

Я пошелъ домой. Проходя мимо генеральскаго номера, я встрѣтилъ нянюшку и освѣдомился о генералѣ: — И, батюшка, ничего, отвѣчала та уныло. Я однако зашелъ, но въ дверяхъ кабинета остановился въ рѣшительномъ изумленіи. M-me Blanche и генераль хохотали о чемъ-то взапуски. Veuve Cominges сидѣла тутъ же на диванѣ. Генераль былъ, видимо, безъ ума отъ радости, лепеталъ всякую бессмыслицу и заливался нервнымъ длиннымъ смѣхомъ, отъ котораго все лицо его складывалось въ безчисленное множество морщинокъ и куда то прятались глаза. Послѣ я узналъ отъ самой же Blanche, что она, прогнавъ князя и узнавъ о плачѣ генерала, вздумала его утѣшить и зашла къ нему на минутку. Но не зналъ бѣдный генераль, что въ эту минуту участь его была рѣшена и что Blanche уже начала укладываться, чтобъ завтра же, съ первымъ утреннимъ поѣздомъ, летѣть въ Парижъ.

Постоявъ на порогѣ генеральскаго кабинета, я раздумалъ входить, и вышелъ не замѣченный. Поднявшись къ себѣ и отворивъ дверь, я въ полутемнотѣ замѣтилъ вдругъ какую то фигуру, сидѣвшую на стулѣ, въ углу, у окна. Она не поднялась при моемъ появленіи. Я быстро подошелъ, посмотрѣлъ и — духъ у меня захватило: это была Полина!

ГЛАВА XIV.

Я такъ и вскрикнулъ.

— Что же? Что же? странно спрашивала она. Она была блѣдна и смотрѣла мрачно.

— Какъ что же? Вы? здѣсь, у меня!

— Если я прихожу, то ужъ *вся* прихожу. Это моя привычка. Вы сейчасъ это увидите; зажгите свѣчу.

Я зажегъ свѣчку. Она встала, подошла къ столу и положила предо мной распечатанное письмо.

— Прочтите, велѣла она.

— Это, — это рука Де-Гріе! вскричалъ я, схвативъ письмо. Руки у меня тряслись и строчки прыгали предъ глазами. Я забылъ точныя выраженія письма, но вотъ оно, — хоть не слово въ слово, такъ, по крайней мѣрѣ, мысль въ мысль.

«Mademoiselle, писалъ Де-Гріе, — неблагопріятныя обстоятельства заставляють меня уѣхать немедленно. Вы, конечно, сами замѣтили, что я нарочно избѣгалъ окончательнаго объясненія съ вами до тѣхъ поръ, пока не разъяснились всѣ обстоятельства. Приѣздъ старой (de la vieille dame) вашей родственницы и нелѣпый ея поступокъ покончили всѣ мои недоумѣнія. Мои собственныя разстроенныя дѣла запрещаютъ мнѣ окончательно питать дальнѣйшія сладостныя надежды, которыми я позволялъ себѣ упиваться нѣкоторое время. Сожалѣю о прошедшемъ, но надѣюсь, что въ поведеніи моемъ вы не отыщете ничего, что недостойно жантилома и честнаго человѣка (gentilhomme et honnête homme). Потерявъ почти всѣ мои деньги въ долгахъ на отчимъ вашемъ, я нахожусь въ крайней необходимости воспользоваться тѣмъ, что мнѣ остается: я уже далъ знать въ Петербургъ моимъ друзьямъ, чтобъ немедленно распорядились продажей заложеннаго мнѣ имущества; зная, однакоже, что легкомысленный отчимъ вашъ растратилъ ваши собственныя деньги, я рѣшился простить ему пятьдесятъ тысячъ франковъ и на эту сумму возвращаю ему часть закладныхъ на его имущество, такъ, что вы поставлены теперь въ возможность воротить все, что потеряли, потребовавъ съ него имѣніе судебнымъ порядкомъ. Надѣюсь, mademoiselle, что, при теперешнемъ состояніи дѣлъ, мой поступокъ будетъ для васъ весьма выгоденъ. Надѣюсь тоже, что этимъ поступкомъ я вполне исполняю обязанность человѣка честнаго и благороднаго. Будьте увѣрены, что память о васъ запечатлѣна на вѣки въ моемъ сердцѣ».

— Что же, это все ясно, сказалъ я, обращаясь къ Полинѣ, — неужели вы могли ожидать чегонибудь другаго, прибавилъ я съ негодованіемъ.

— Я ничего не ожидала, отвѣчала она, по видимому спокойно, но что-то какъ бы вздрагивало въ ея голосѣ; — я давно все порѣшила; я читала его мысли и узнала, что онъ думаетъ. Онъ думалъ, что я ищу... что я буду настаивать... (Она остановилась и, не договоривъ, закусила губу и замолчала). Я нарочно удвоила мое къ нему презрѣніе, начала она опять, — я ждала, что отъ него будетъ? Еслибъ пришла телеграмма о наслѣдствѣ, — я бы швырнула ему долгъ этого идіота (отчима) и прогнала его! Онъ мнѣ былъ давно, давно ненавистенъ. О, это былъ не тотъ человѣкъ прежде, тысячу разъ не тотъ, а теперь, а теперь!.. О, съ какимъ бы счастіемъ я бросила ему теперь, въ его подлое лицо, эти пятьдесятъ тысячъ и плюнула бы... и растерла бы плевокъ!

— Но бумага, — эта возвращенная имъ закладная на пятьдесятъ тысячъ, вѣдь она у генерала? Возьмите и отдайте Де-Гріе.

— О, не то! Не то!..

— Да правда, правда, не то! Да и къ чему генералъ теперь способенъ? А бабушка? вдругъ вскричалъ я.

Полина какъ-то разсѣянно и нетерпѣливо на меня посмотрѣла.

— Зачѣмъ бабушка? съ досадой проговорила Полина, — я не могу идти къ ней... Да и ни у кого не хочу прощенія просить, прибавила она раздражительно.

— Что же дѣлать! вскричалъ я, — и какъ, ну какъ это вы могли любить Де-Гриэ! О, подлецъ, подлецъ! Ну, хотите, я его убью на дуэли! Гдѣ онъ теперь?

— Онъ во Франкфуртѣ, и проживетъ тамъ три дня.

— Одно ваше слово и я ѣду, завтра же, съ первымъ поѣздомъ! проговорилъ я въ какомъ-то глупомъ энтузіазмѣ.

Она засмѣялась.

— Что же, онъ скажетъ еще, пожалуй: сначала возвратите пятьдесятъ тысячъ франковъ. Да и за что ему драться?.. Какой это вздоръ!

— Ну такъ гдѣ же, гдѣ же взять эти пятьдесятъ тысячъ франковъ, повторилъ я, скрежеща зубами, — точно такъ и возможно было вдругъ ихъ поднять на полу. Послушайте: Мистеръ Астлей? спросилъ я, обращаясь къ ней съ началомъ какой-то странной идеи.

У ней глаза засверкали.

— Что же, развѣ *ты самъ* хочешь, чтобъ я отъ тебя ушла къ этому англичанину? проговорила она, пронзающимъ взглядомъ смотря мнѣ въ лицо и горько улыбаясь. Первый разъ въ жизни сказала она мнѣ *ты*.

Кажется у ней, въ эту минуту, закружилась голова отъ волненія, и вдругъ она сѣла на диванъ, какъ бы въ изнеможеніи.

Точно молнія опалила меня; я стоялъ и не вѣрилъ глазамъ, не вѣрилъ ушамъ! Что же, стало быть она меня любитъ! Она пришла *ко мнѣ*, а не къ мистеру Астлею! Она, одна, дѣвушка, пришла ко мнѣ въ комнату, въ отели, — стало быть компрометировала себя всенародно, — и я, я стою передъ ней и еще не понимаю!

Одна дикая мысль блеснула въ моей головѣ.

— Полина! Дай мнѣ только одинъ часъ! Подожди здѣсь только часъ и... я вернусь! Это... это необходимо! Увидишь! Будь здѣсь, будь здѣсь!

И я выбѣжалъ изъ комнаты, не отвѣчая на ея удивленный вопросительный взглядъ; она крикнула мнѣ что-то вслѣдъ, но я не воротился.

Да, иногда самая дикая мысль, самая съ виду невозможная мысль, до того сильно укрѣпляется въ головѣ, что ее принимаешь наконецъ за что-то осуществимое... Мало того: если идея соединяется съ сильнымъ, страстнымъ желаніемъ, то, пожалуй, иной разъ примешь ее наконецъ за нѣчто фатальное, необходимое, предназначенное, за нѣчто такое, что

уже не может не быть и не случиться! Может быть, тутъ есть еще что нибудь, какая нибудь комбинація предчувствій, какое нибудь необыкновенное усиленіе воли, самоотравленіе собственной фантазіей или еще что нибудь, — не знаю; но со мною въ этотъ вечеръ (который я никогда въ жизни не позабуду), случилось происшествіе чудесное. Оно хоть и совершенно оправдывается ариѳметикою, но тѣмъ не менѣе — для меня еще до сихъ поръ чудесное. И почему, почему эта увѣренность такъ глубоко, крѣпко засѣла тогда во мнѣ, и уже съ такихъ давнихъ поръ? Ужь вѣрно я помышлялъ объ этомъ, — повторяю вамъ, — не какъ о случаѣ, который можетъ быть въ числѣ прочихъ (а, стало быть, можетъ и не быть), но какъ о чемъ-то такомъ, что никакъ ужь не можетъ не случиться!

Было четверть одиннадцатаго; я вошелъ въ воксалъ въ такой твердой надеждѣ и, въ тоже время, въ такомъ волненіи, какого я еще никогда не испытывалъ. Въ игорныхъ залахъ народу было еще довольно, хотя вдвое менѣе утрешняго.

Въ одиннадцатомъ часу у игорныхъ столовъ остаются настоящіе, отчаянные игроки, для которыхъ, на водахъ, — существуетъ только одна рулетка, которые и пріѣхали для нея одной, которые плохо замѣчаютъ, что вокругъ нихъ происходитъ и ничѣмъ не интересуются во весь сезонъ, а только играютъ съ утра до ночи и готовы были бы играть, пожалуй, и всю ночь до разсвѣта, еслибъ можно было. И всегда они съ досадой расходятся, когда въ двѣнадцать часовъ закрываютъ рулетку. И когда старшій круперъ, предъ закрытіемъ рулетки, около двѣнадцати часовъ, возглашаетъ: «*Les trois derniers coups, messieurs!*», то они готовы проставить иногда на этихъ трехъ послѣднихъ ударахъ все, что у нихъ есть въ карманѣ, — и дѣйствительно тутъ-то наиболѣе и проигрываются. Я прошелъ къ тому самому столу, гдѣ давеча сидѣла бабушка. Было не очень тѣсно, такъ что я очень скоро занялъ мѣсто у стула, стоя. Прямо предо мной, на зеленомъ сукнѣ, начерчено было слово: «*Passe*».

«*Passe*» — это рядъ цифръ отъ девятнадцати включительно до тридцати шести. Первый же рядъ, отъ перваго до восемнадцати включительно, называется «*Manque*»; но какое мнѣ было до этого дѣло? Я не рассчитывалъ, я даже не слыхалъ, на какую цифру легъ послѣдній ударъ и объ этомъ не справился, начиная игру, — какъ бы сдѣлалъ всякій чуть-чуть рассчитывающій игрокъ. Я вытащилъ всѣ мои двадцать фридрихсдоровъ и бросилъ на бывшій предо мною «*passe*».

— *Vingt deux!* закричалъ круперъ.

Я выигралъ — и опять поставилъ все: и прежнее, и выигрышъ.

— *Trente et un,* прокричалъ круперъ. Опять выигрышъ! всего ужь стало быть у меня восемьдесятъ фридрихсдоровъ! Я двинулъ всѣ восемьдесятъ на двѣнадцать среднихъ цифръ (тройной выигрышъ, но два

шанса противъ себя) — колесо завертѣлось и вышло двадцать четыре. Мнѣ выложили три свертка по пятидесяти фридрихсдоровъ и десять золотыхъ монетъ; всего, съ прежнимъ, очутилось у меня двѣсти фридрихсдоровъ.

Я былъ какъ въ горячкѣ, и двинулъ всю эту кучу денегъ на красную, — и вдругъ опомнился! И только разъ во весь этотъ вечеръ, во всю игру, страхъ прошелъ по мнѣ холодомъ и отозвался дрожью въ рукахъ и ногахъ. Я съ ужасомъ ощутилъ и мгновенно созналъ: что для меня теперь значить проиграть! Стояла на ставкѣ вся моя жизнь!

— Rouge! крикнулъ круперъ, — и я перевелъ духъ, огненные мурашки посыпались по моему тѣлу. Со мною расплатились банковыми билетами; стало быть, всего, ужъ четыре тысячи флориновъ и восемьдесятъ фридрихсдоровъ! (Я еще могъ слѣдить тогда за счетомъ).

Затѣмъ, помнится, я поставилъ двѣ тысячи флориновъ опять на двѣнадцать среднихъ и проигралъ; поставилъ мое золото и восемьдесятъ фридрихсдоровъ и проигралъ. Бѣшенство овладѣло мною: я схватилъ послѣднія оставшіяся мнѣ двѣ тысячи флориновъ и поставилъ на двѣнадцать первыхъ — такъ, на авось, зря, безъ расчета! Впрочемъ, было одно мгновеніе ожиданія, похожее, можетъ быть, впечатлѣніемъ на впечатлѣніе, испытанное M-me Blanchard, когда она, въ Парижѣ, летѣла съ воздушнаго шара на землю.

— Quatre! крикнулъ круперъ. Всего, съ прежнею ставкою, опять очутилось шесть тысячъ флориновъ. Я уже смотрѣлъ какъ побѣдитель, я уже ничего, ничего теперь не боялся и бросилъ четыре тысячи флориновъ на черную. Человѣкъ девять бросилось, вслѣдъ за мною, тоже ставитъ на черную. Круперы переглядывались и переговаривались. Кругомъ говорили и ждали.

Вышла черная. Не помню я ужъ тутъ ни расчета, ни порядка моихъ ставокъ. Помню только, какъ во снѣ, что я уже выигралъ, кажется, тысячъ шестнадцать флориновъ; вдругъ, тремя несчастными ударами, спустилъ изъ нихъ двѣнадцать; потомъ двинулъ послѣднія четыре тысячи на «passe» (но ужъ почти ничего не ощущалъ при этомъ; я только ждалъ, какъ-то механически, безъ мысли) — и опять выигралъ; затѣмъ выигралъ еще четыре раза сряду. Помню только, что я разбиралъ деньги тысячами, запоминаю я тоже, что чаще всѣхъ выходили двѣнадцать среднихъ, къ которымъ я и привязался. Они появлялись какъ-то регулярно, — непременно раза три, четыре сряду, потомъ исчезали на два раза и потомъ возвращались опять раза на три или на четыре къ ряду. Эта удивительная регулярность встрѣчается иногда полосами, — и вотъ это-то и сбиваетъ съ толку записныхъ игроковъ,

разсчитывающихъ съ карандашемъ въ рукахъ. И какія здѣсь случаются иногда ужасныя насмѣшки судьбы!

Я думаю, съ моего прибытія, времени прошло не болѣе получаса. Вдругъ круперъ увѣдомилъ меня, что я выигралъ тридцать тысячъ флориновъ, а такъ какъ банкъ за одинъ разъ больше не отвѣчаетъ, то, стало быть, рулетку закроютъ до завтрашняго утра. Я схватилъ все мое золото, ссыпалъ его въ карманы, схватилъ всѣ билеты и тотчасъ перешелъ на другой столъ, въ другую залу, гдѣ была другая рулетка; за мною хлынула вся толпа; тамъ тотчасъ же очистили мнѣ мѣсто и я пустился ставить опять, зря и не считая. Не понимаю, что меня спасло!

Иногда, впрочемъ, начиналъ мелькать въ головѣ моей расчетъ. Я привязывался къ инымъ цифрамъ и шансамъ, но скоро оставлялъ ихъ и ставилъ опять, почти безъ сознанія. Должно быть, я былъ очень разсѣянъ; помню, что круперы нѣсколько разъ поправляли мою игру. Я дѣлалъ грубые ошибки. Виски мои были смочены потомъ, и руки дрожали. Подскакивали было и полячки съ услугами, но я никого не слушалъ. Счастье не прерывалось! Вдругъ кругомъ поднялся громкій говоръ и смѣхъ: Bravo, bravo! кричали всѣ, иные даже захлопали въ ладоши. Я сорвалъ и тутъ тридцать тысячъ флориновъ, и банкъ опять закрыли до завтра!

— Уходите, уходите, — шепталъ мнѣ чей-то голосъ съ права. Это былъ какой-то франкфуртскій жидъ; онъ все время стоялъ подлѣ меня и, кажется, помогалъ мнѣ иногда въ игрѣ.

— Ради Бога уходите, прошепталъ другой голосъ надъ лѣвымъ моимъ ухомъ. Я мелькомъ взглянулъ. Это была весьма скромно и прилично одѣтая дама, лѣтъ подъ тридцать, съ какимъ-то болѣзненно-блѣднымъ усталымъ лицомъ, но напоминавшимъ и теперь ея чудную прежнюю красоту. Въ эту минуту я набивалъ карманы билетами, которые такъ и комкалъ, и собиралъ оставшееся на столѣ золото. Захвативъ послѣдній свертокъ въ пятьдесятъ фридрихсдоровъ, я успѣлъ, совсѣмъ непримѣтно, сунуть его въ руку блѣдной дамѣ; мнѣ это ужасно захотѣлось тогда сдѣлать, и тоненькіе, худенькіе ея пальчики, помню, крѣпко сжали мою руку, въ знакъ живѣйшей благодарности. Все это произошло въ одно мгновеніе.

Собравъ все, я быстро перешелъ на *trente et quarante*.

За *trente et quarante* сидитъ публика аристократическая. Это не рулетка, это карты. Тутъ банкъ отвѣчаетъ за сто тысячъ талеровъ разомъ. Наибольшая ставка тоже четыре тысячи флориновъ. Я совершенно не зналъ игры и не зналъ почти ни одной ставки, кромѣ красной и черной, которыя тутъ тоже были. Къ нимъ-то я и привязался. Весь воксалъ столпился кругомъ. Не помню, вздумалъ ли я въ это время хоть

разъ о Полинѣ. Я тогда ощущалъ какое-то непреодолимое наслажденіе хватать и загребать банковые билеты, нараставшіе кучею предо мной.

Дѣйствительно, точно судьба толкала меня. На этотъ разъ, какъ нарочно, случилось одно обстоятельство, довольно впрочемъ часто повторяющееся въ игрѣ. Привяжется счастье, на примѣръ, къ красной и не оставляетъ ее разъ десять, даже пятнадцать сряду. Я слышалъ еще третьяго дня, что красная, на прошлой недѣлѣ, вышла двадцать два раза сряду; этого даже и не запомнятъ на рулеткѣ, и рассказывали съ удивленіемъ. Разумѣется, всѣ тотчасъ же оставляютъ красную и уже послѣ десяти разъ, на примѣръ, почти никто не рѣшается на нее ставить. Но и на черную, противоположную красной, не ставятъ тогда никто изъ опытныхъ игроковъ. Опытный игрокъ знаетъ, что значитъ это «свое-нравіе случая». На примѣръ, казалось бы, что послѣ шестнадцати разъ красной, семнадцатый ударъ непременно ляжетъ на черную. На это бросаются новички толпами, удваиваютъ и утроиваютъ куши, и страшно проигрываются.

Но я, по какому-то странному своенравію, замѣтивъ, что красная вышла семь разъ сряду, нарочно къ ней привязался. Я убѣжденъ, что тутъ на половину было самолюбія; мнѣ хотѣлось удивить зрителей безумнымъ рискомъ, и — о странное ощущеніе — я помню отчетливо, что мною вдругъ, дѣйствительно, безъ всякаго вызова самолюбія овладѣла ужасная жажда риску. Можетъ быть, перейдя чрезъ столько ощущеній, душа не насыщается, а только раздражается ими и требуетъ ощущеній еще, и все сильнѣй и сильнѣй, до окончательнаго утомленія. И, право не лгу, еслибъ уставъ игры позволялъ поставить пятьдесятъ тысячъ флориновъ разомъ, я бы поставилъ ихъ навѣрно. Кругомъ кричали, что это безумно, что красная уже выходитъ четырнадцатый разъ!

— Monsieur a gagné déjà cent mille florins, раздался подлѣ меня чей-то голосъ.

Я вдругъ очнулся. Какъ? я выигралъ въ этотъ вечеръ сто тысячъ флориновъ! Да къ чему же мнѣ больше? Я бросился на билеты, скомкалъ ихъ въ карманъ, не считая, загребъ все мое золото, всѣ свертки и побѣжалъ изъ воксала. Кругомъ всѣ смѣялись, когда я проходилъ по заламъ, глядя на мои оттопыренные карманы и на неровную походку отъ тяжести золота. Я думаю, его было гораздо болѣе полупуда. Нѣсколько рукъ протянулись ко мнѣ; я раздавалъ горстями, сколько захватывалось. Два жиды остановили меня у выхода.

— Вы смѣлы! вы очень смѣлы! сказали они мнѣ — но уѣзжайте завтра утромъ непременно, какъ можно раньше, нето вы все-все проиграете...

Я ихъ не слушалъ. Аллея была темна, такъ что руки своей нельзя было различить. До отеля было съ полверсты. Я никогда не боялся ни воровъ, ни разбойниковъ, даже маленькій; не думалъ о нихъ и теперь. Я, впрочемъ, не помню, о чемъ я думалъ дорогою; мысли не было. Ощущалъ я только какое-то ужасное наслажденіе — удачи, побѣды, могущества, — не знаю, какъ выразиться. Мелькалъ предо мною и образъ Полины; я помнилъ и сознавалъ, что иду къ ней, сейчасъ съ нею сойдуся и буду ей рассказывать, покажу... но я уже едва вспомнилъ о томъ, что она мнѣ давеча говорила, и зачѣмъ я пошелъ, и всѣ тѣ недавнія ощущенія, бывшія всего полтора часа назадъ, казались мнѣ ужъ теперь чѣмъ-то давно прошедшимъ, исправленнымъ, устарѣвшимъ, — о чемъ мы уже не будемъ болѣе поминать, потому что теперь начнется все съизнова. Почти ужъ въ концѣ аллеи, вдругъ страхъ напалъ на меня: «что, если меня сейчасъ убьютъ и ограбятъ!» Съ каждымъ шагомъ мой страхъ возросталъ вдвое. Я почти бѣжалъ. Вдругъ, въ концѣ аллеи, разомъ блеснулъ весь нашъ отель, освѣщенный безчисленными огнями, — слава Богу: дома!

Я добѣжалъ въ свой этажъ и быстро растворилъ дверь. — Полина была тутъ и сидѣла на моемъ диванѣ, передъ зажженною свѣчою, скрестя руки. Съ изумленіемъ она на меня посмотрѣла, и ужъ конечно въ эту минуту я былъ довольно страненъ на видъ. Я остановился предъ нею и сталъ выбрасывать на столъ всю мою груду денегъ.

ГЛАВА XV.

Помню, она ужасно пристально смотрѣла въ мое лицо, но, не трогаясь съ мѣста, не измѣняя даже своего положенія.

— Я выигралъ двѣсти тысячъ франковъ, вскричалъ я, выбрасывая послѣдній свертокъ. Огромная грудa билетовъ и свертковъ золота заняла весь столъ, я не могъ ужъ отвести отъ нея моихъ глазъ; минутами я совсѣмъ забывалъ о Полинѣ. То начиналъ я приводить въ порядокъ эти кучи банковыхъ билетовъ, складывалъ ихъ вмѣстѣ, то откладывалъ въ одну общую кучу золото; то бросалъ все и пускался быстрыми шагами ходить по комнатѣ, задумывался, потомъ вдругъ опять подходилъ къ столу, опять начиналъ считать деньги. Вдругъ, точно опомнившись, я бросился къ дверямъ и поскорѣе заперъ ихъ, два раза обернувъ ключъ. Потомъ остановился, въ раздумьи, предъ маленькимъ моимъ чемоданомъ.

— Развѣ въ чемоданъ положить до завтра? спросилъ я, вдругъ обернувшись къ Полинѣ, и вдругъ вспомнилъ о ней. Она же все сидѣла

не шевелясь, на томъ же мѣстѣ, но пристально слѣдила за мной. Странно какъ-то было выраженіе ея лица; не понравилось мнѣ это выраженіе! Не ошибусь, если скажу, что въ немъ была ненависть.

Я быстро подошелъ къ ней.

— Полина, вотъ двадцать пять тысячъ флориновъ, — это пятьдесятъ тысячъ франковъ, даже больше. Возьмите, бросьте ихъ ему завтра въ лицо.

Она не отвѣтила мнѣ.

— Если хотите, я отвезу самъ, рано утромъ. Такъ?

Она вдругъ засмѣялась. Она смѣялась долго.

Я съ удивленіемъ и съ скорбнымъ чувствомъ смотрѣлъ на нее. Этотъ смѣхъ очень похожъ былъ на недавній, частый, насмѣшливый смѣхъ ея надо мной, всегда приходившійся во время самыхъ страстныхъ моихъ объясненій. Наконецъ она перестала и нахмурилась; строго оглядывала она меня изъ-подъ-лобья.

— Я не возьму вашихъ денегъ, проговорила она презрительно.

— Какъ? Что это? закричалъ я, — Полина, почему же?

— Я даромъ денегъ не беру.

— Я предлагаю вамъ, какъ другъ; я вамъ жизнь предлагаю.

Она посмотрѣла на меня долгимъ, пытливымъ взглядомъ, какъ бы пронзить меня имъ хотѣла.

— Вы дорого даете, проговорила она, усмѣхаясь: любовница Де-Гріе не стоитъ пятидесяти тысячъ франковъ.

— Полина, какъ можно такъ со мною говорить! вскричалъ я съ укоромъ, — развѣ я Де-Гріе?

— Я васъ ненавижу! Да... да...! я васъ не люблю больше, чѣмъ Де-Гріе, вскричала она, вдругъ засверкавъ глазами.

Тутъ она закрыла вдругъ руками лицо и съ нею сдѣлалась истерика. Я бросился къ ней.

Я понялъ, что съ нею что-то безъ меня случилось. Она была совсѣмъ какъ бы не въ своемъ умѣ.

— Покупай меня! Хочешь? хочешь? за пятьдесятъ тысячъ франковъ, какъ Де-Гріе? вырывалось у ней съ судорожными рыданіями. Я обхватилъ ее, цаловалъ ея руки, ноги, упалъ предъ нею на колѣни.

Истерика ея проходила. Она положила обѣ руки на мои плечи и пристально меня разсматривала; казалось, что — то хотѣла прочесть на моемъ лицѣ. Она слушала меня, но видимо не слыхала того, что я ей говорилъ. Какая-то забота и вдумчивость явились въ лицѣ ея. Я боялся за нее; мнѣ рѣшительно казалось, что у ней умъ мѣшается. То вдругъ начинала она тихо привлекать меня къ себѣ; довѣрчивая улыбка уже

блуждала въ ея лицѣ; и вдругъ она меня отталкивала, и опять омрачен-нымъ взглядомъ принималась въ меня всматриваться.

Вдругъ она бросилась обнимать меня.

— Вѣдь ты меня любишь, любишь? говорила она, — вѣдь ты, вѣдь ты... за меня съ барономъ драться хотѣлъ! И вдругъ она расхохоталась, — точно что-то смѣшное и милое мелькнуло вдругъ въ ея памяти. Она и плакала и смѣялась, все вмѣстѣ. Ну что мнѣ было дѣлать? Я самъ былъ, какъ въ лихорадкѣ. Помню, она начинала мнѣ что-то говорить, — но я почти ничего не могъ понять. Это былъ какой-то бредъ, какой-то лепетъ, — точно ей хотѣлось что-то поскорѣй мнѣ рассказать, — бредъ прерываемый иногда самымъ веселымъ смѣхомъ, который начиналъ пугать меня. «Нѣтъ, нѣтъ, ты милый, милый!» повторяла она. «Ты мой вѣрный!» и опять клала мнѣ руки свои на плечи, опять въ меня всматривалась и продолжала повторять: «Ты меня любишь... любишь... будешь любить?» Я не сводилъ съ нея глазъ; я еще никогда не видалъ ее въ этихъ припадкахъ нѣжности и любви; правда, это конечно, былъ бредъ, но... замѣтивъ мой страстный взглядъ, она вдругъ начинала лукаво улыбаться; ни съ того, ни съ сего, она вдругъ заговаривала о мистерѣ Астлеѣ.

Впрочемъ о мистерѣ Астлеѣ она непрерывно заговаривала (особенно, когда силилась мнѣ что-то, давеча, рассказать), но что именно, я вполне не могъ схватить; кажется, она даже смѣялась надъ нимъ; повторяла непрерывно, что онъ ждетъ... и что знаю-ли я, что онъ навѣрное стоитъ теперь подъ окномъ? «Да, да, подъ окномъ, — ну, отвори, посмотри, посмотри, онъ здѣсь, здѣсь!» Она толкала меня къ окну, но только я дѣлалъ движеніе идти, она заливалась смѣхомъ и я оставался при ней, а она бросалась меня обнимать.

— Мы уѣдемъ? Вѣдь мы завтра уѣдемъ? приходило ей вдругъ спокойно въ голову, — ну... (и она задумалась) — ну, а догонимъ мы бабушку, какъ ты думаешь? Въ Берлинѣ, я думаю, догонимъ. Какъ ты думаешь, что она скажетъ, когда мы ее догонимъ и она насъ увидитъ? А мистеръ Астлей?... Ну этотъ не соскочитъ съ Шлангенберга, какъ ты думаешь? (Она захохотала). Ну, послушай: знаешь, куда онъ будущее лѣто ѣдетъ? Онъ хочетъ на сѣверный полюсъ ѣхать для ученыхъ изслѣдованій и меня звалъ съ собою, ха, ха, ха! Онъ говоритъ, что мы, русскіе, безъ европейцевъ ничего не знаемъ и ни къ чему не способны... Но онъ тоже добрый! Знаешь, онъ «генерала» извиняетъ; онъ говоритъ, что Blanche... что страсть, — ну, не знаю, не знаю, вдругъ повторила она, какъ бы заговорясь и потерявшись. Бѣдные они, какъ мнѣ ихъ жаль, и бабушку... Ну, послушай, послушай, ну, гдѣ тебѣ убить Де-Гріе? И неужели, неужели ты думалъ, что убьешь? О, глупый! Неужели ты могъ

подумать, что я пушу тебя драться съ Де-Гріе? Да ты и барона-то не убьешь, — прибавила она, вдругъ засмѣявшись. О, какъ ты былъ тогда смѣшонъ съ барономъ; я глядѣла на васъ обоихъ со скамейки; и какъ тебѣ не хотѣлось тогда идти, когда я тебя посылала. Какъ я тогда смѣялась, какъ я тогда смѣялась, прибавила она, хохоча.

И вдругъ она опять целовала и обнимала меня, опять страстно и нѣжно прижимала свое лицо къ моему. Я ужъ болѣе ни о чемъ не думалъ и ничего не слышалъ. Голова моя закружилась...

Я думаю, что было около семи часовъ утра, когда я очнулся; солнце свѣтило въ комнату. Полина сидѣла подлѣ меня и странно осматривалась, какъ будто выходя изъ какого-то мрака и собирая воспоминанія. Она тоже только что проснулась и пристально смотрѣла на столъ и деньги. Голова моя была тяжела и болѣла. Я было хотѣлъ взять Полину за руку; она вдругъ оттолкнула меня и вскочила съ дивана. Начинаясь день былъ пасмурный; предъ разсвѣтомъ шелъ дождь. Она подошла къ окну, отворила его, выставила голову и грудь, и, подпершись руками, а локти положивъ на косякъ окна, пробыла такъ минуты три, не оборачиваясь ко мнѣ и не слушая того, что я ей говорилъ. Со страхомъ приходило мнѣ въ голову: что же теперь будетъ, и чѣмъ это кончится? Вдругъ она поднялась съ окна, подошла къ столу и, смотря на меня съ выраженіемъ безконечной ненависти, съ дрожавшими отъ злости губами сказала мнѣ:

— Ну, отдай же мнѣ теперь мои пятьдесятъ тысячъ франковъ!

— Полина, опять, опять! началъ было я.

— Или ты раздумалъ? ха-ха-ха! Тебѣ, можетъ быть, уже и жалко?

Двадцать пять тысячъ флориновъ, отсчитанные еще вчера, лежали на столѣ; я взялъ и подалъ ей.

— Вѣдь они ужъ теперь мои? Вѣдь такъ? Такъ? злобно спрашивала она меня, держа деньги въ рукахъ.

— Да они и всегда были твои, сказалъ я.

— Ну, такъ вотъ же твои пятьдесятъ тысячъ франковъ! Она размахнулась и пустила ихъ въ меня. Пачка больно ударила мнѣ въ лицо и разлетѣлась по полу. Совершивъ это, Полина выбѣжала изъ комнаты.

Я знаю, она, конечно, въ ту минуту, была не въ своемъ умѣ, хоть я и не понимаю этого временнаго помѣшательства. Правда, она еще и до сихъ поръ, мѣсяцъ спустя, еще больна. Что было, однако, причиною этого состоянія, а главное этой выходки? Оскорбленная-ли гордость? Отчаяніе-ли о томъ, что она рѣшилась даже придти ко мнѣ? Не показалъ-ли я ей виду, что тщеславолюсь моимъ счастіемъ и въ самомъ дѣлѣ точно также, какъ и Де-Гріе, хочу отдѣлаться отъ нея, подаривъ ей пятьдесятъ тысячъ франковъ? Но вѣдь этого не было, я знаю по своей

совѣсти. Думаю, что виновато было тутъ отчасти и ея тщеславіе; тщеславіе подсказало ей не повѣрить мнѣ и оскорбить меня, хотя все это представлялось ей, можетъ-быть, и самой не ясно. Въ такомъ случаѣ, я, конечно, отвѣтилъ за Де-Гріе и сталъ виноватъ, можетъ быть безъ большой вины. Правда, все это былъ только бредъ; правда и то, что я зналъ, что она въ бреду и... не обратилъ вниманія на это обстоятельство. Можетъ быть, она теперь не можетъ мнѣ простить этого? Да, но это теперь; но тогда, тогда? Вѣдь не такъ же сильны были ея бредъ и болѣзнь, чтобы она ужь совершенно забыла, что дѣлаетъ, идя ко мнѣ съ письмомъ Де-Гріе? Значитъ она знала, что дѣлаетъ.

Я кое-какъ, на скоро, сунулъ всѣ мои бумаги и всю мою кучу золота въ постель, накрылъ ее и вышелъ, минутъ десять послѣ Полины. Я былъ увѣренъ, что она побѣжала домой, и хотѣлъ потихоньку пробраться къ нимъ, и въ передней спросить у няни о здоровьѣ барышни. Каково же было мое изумленіе, когда отъ встрѣтившейся мнѣ на лѣстницѣ нянюшки я узналъ, что Полина домой еще не возвращалась и что няня сама шла ко мнѣ за ней.

— Сейчасъ, — говорилъ я ей, — сейчасъ только ушла отъ меня, минутъ десять тому назадъ, куда же могла она дѣваться?

Няня съ укоризной на меня поглядѣла.

А между тѣмъ вышла цѣлая исторія, которая уже ходила по отелю. Въ швейцарской и у обер-кельнера перешептывались, что фрейлейнъ утромъ, въ шесть часовъ, выбѣжала изъ отеля, въ дождь, и побѣжала по направленію къ hotel d'Angleterre. По ихъ словамъ и намекамъ, я замѣтилъ, что они уже знаютъ, что она провела всю ночь въ моей комнатѣ. Впрочемъ, уже рассказывалось о всемъ генеральскомъ семействѣ: стало извѣстно, что генералъ вчера сходилъ съ ума и плакалъ на весь отель. Рассказывали при этомъ, что пріѣзжавшая бабушка была его мать, которая затѣмъ нарочно и появилась изъ самой Россіи, чтобъ воспретить своему сыну бракъ съ M-lle de Cominges, а за ослушаніе лишить его наслѣдства, и такъ какъ онъ дѣйствительно не послушался, то графиня, въ его же глазахъ, нарочно и проиграла всѣ свои деньги на рулеткѣ, чтобъ такъ уже ему и не доставалось ничего. «Diese Russen!» повторялъ обер-кельнеръ съ негодованіемъ, качая головой. Другіе смѣялись. Обер-кельнеръ готовилъ счетъ. Мой выигрышъ былъ уже извѣстенъ; Карлъ, мой корридорный лакей, первый поздравилъ меня. Но мнѣ было не до нихъ. Я бросился въ отель d'Angleterre.

Еще было рано; мистеръ Астлей не принималъ никого; узнавъ же, что это я, вышелъ ко мнѣ въ корридоръ и остановился предо мной, молча устремивъ на меня свой оловянный взглядъ, и ожидалъ, что я скажу? Я тотчасъ спросилъ о Полинѣ.

— Она больна, — отвѣчалъ мистеръ Астлей, по прежнему смотря на меня въ упоръ и не сводя съ меня глазъ.

— Такъ она въ самомъ дѣлѣ у васъ?

— О, да, у меня.

— Такъ, какъ же вы... вы намѣрены ее держать у себя?

— О, да, я намѣренъ.

— Мистеръ Астлей, это произведетъ скандалъ; этого нельзя. Къ тому же она совсѣмъ больна; вы, можетъ быть, не замѣтили?

— О, да, я замѣтилъ и уже вамъ сказалъ, что она больна. Еслибъ она была не больна, то у васъ не провела бы ночь.

— Такъ вы и это знаете?

— Я это знаю. Она шла вчера сюда, и я бы отвелъ ее къ моей родственницѣ, но такъ какъ она была больна, то ошиблась и пришла къ вамъ.

— Представьте себѣ! Ну, поздравляю васъ, мистеръ Астлей. Кстати, вы мнѣ даете идею: не стояли ли вы всю ночь у насъ подъ окномъ? Миссъ Полина всю ночь заставляла меня открывать окно и смотрѣть, — не стоите ли вы подъ окномъ, и ужасно смѣялась.

— Неужели? Нѣтъ я подъ окномъ не стоялъ; но я ждалъ въ корридорѣ и кругомъ ходилъ.

— Но вѣдь ее надо лечить, мистеръ Астлей.

— О, да, я ужъ позвалъ доктора, и если она умретъ, то вы дадите мнѣ отчетъ въ ея смерти.

Я изумился. — Помилуйте, мистеръ Астлей, что это вы хотите?

— А правда ли, что вы вчера выиграли двѣсти тысячъ талеровъ?

— Всего только сто тысячъ флориновъ.

— Ну, вотъ видите! И такъ уѣзжайте сегодня утромъ въ Парижъ.

— Зачѣмъ?

— Всѣ русскіе, имѣя деньги, ѣдутъ въ Парижъ, пояснилъ мистеръ Астлей, голосомъ и тономъ, какъ будто прочелъ это по книжкѣ.

— Что я буду теперь, лѣтомъ, въ Парижѣ дѣлать? Я ее люблю, мистеръ Астлей! Вы знаете сами.

— Неужели? Я убѣжденъ, что нѣтъ. Притомъ же, оставшись здѣсь, вы проиграете навѣрное все и вамъ не на что будетъ ѣхать въ Парижъ. Но прощайте, я совершенно убѣжденъ, что вы сегодня уѣдете въ Парижъ.

— Хорошо, прощайте, только я въ Парижъ не поѣду. Подумайте, мистеръ Астлей, о томъ, что теперь будетъ у насъ? Однимъ словомъ, генераль... и теперь это приключеніе съ миссъ Полиной, — вѣдь это на весь городъ пойдетъ.

— Да, на весь городъ; генераль же, я думаю, объ этомъ не думаетъ и ему не до этого. Къ тому же миссъ Полина имѣетъ полное право жить, гдѣ ей угодно. На счетъ же этого семейства, можно правильно сказать, что это семейство ужь не существуетъ.

Я шелъ и посмѣивался странной увѣренности этого англичанина, что я уѣду въ Парижъ. — Однако, онъ хочетъ меня застрѣлить на дуэли, думалъ я, — если М-лле Полина умретъ, — вотъ еще комиссія! Клянусь, мнѣ было жаль Полину, но странно, — съ самой той минуты, какъ я дотронулся вчера до игорнаго стола, и сталъ загребать пачки денегъ, — моя любовь отступила какъ бы на второй планъ. Это я теперь говорю; но тогда еще я не замѣчалъ всего этого ясно. Неужели я и въ самомъ дѣлѣ игрокъ, неужели я и въ самомъ дѣлѣ... такъ странно любилъ Полину? Нѣтъ, я до сихъ поръ люблю ее, видитъ Богъ! А тогда, когда я вышелъ отъ мистера Астлея и шелъ домой, я искренно страдалъ и винилъ себя. Но... но тутъ со мной случилась чрезвычайно странная и глупая исторія.

Я спѣшилъ къ генералу, какъ вдругъ, не вдалекѣ отъ ихъ квартиры, отворилась дверь и меня кто-то кликнулъ. Это была М-me veuve Cominges и кликнула меня по приказанію М-lle Blanche. Я вошелъ въ квартиру М-lle Blanche.

У нихъ былъ небольшой номеръ, въ двѣ комнаты. Слышенъ былъ смѣхъ и крикъ М-lle Blanche изъ спальни. Она вставала съ постели.

— А, c'est lui!! Viens donc, bêta! Правда ли, que tu as gagné une montagne d'or et d'argent? J'aimerais mieux l'or.

— Выигралъ, отвѣчалъ я, смѣясь.

— Сколько?

— Сто тысячъ флориновъ.

— Bibi, comme tu es bête. Да войди же сюда, я ничего не слышу. Nous ferons bombance, n'est-ce pas?

Я вошелъ къ ней. Она валялась подъ розовымъ атласнымъ одѣяломъ, изъ подъ котораго выставлялись смуглая, здоровая, удивительная плечи, — плечи, которыя развѣ только увидишь во снѣ, — кое-какъ прикрытыя батистовою, отороченною бѣлѣйшими кружевами сорочкою, — что удивительно шло къ ея смуглой кожѣ.

— Mon fils, as-tu du coeur? вскричала она, завидѣвъ меня, и захотала. Смѣялась она всегда очень весело и даже иногда искренно.

— Tout autre... началъ было я, парафразируя Корнеля.

— Вотъ видишь, vois tu, — затараторила она вдругъ, — во-первыхъ сыщи чулки, помоги обуться, — а во-вторыхъ si tu n'est pas trop bête, je te prends à Paris. Ты знаешь, я сейчасъ ѣду.

— Сейчасъ?

— Чрезъ полчаса.

Дѣйствительно все было уложено. Всѣ чемоданы и ея вещи стояли готовые. Кофе былъ уже давно поданъ.

— Eh bien! хочешь, tu verras Paris. Dis donc qu'est ce que c'est qu'un outchitel? Tu étais bien bête, quand tu étais outchitel. Гдѣ же мои чулки? Обувай же меня, ну!

Она выставила дѣйствительно восхитительную ножку, смуглую, маленькую, неисковерканную какъ всѣ почти эти ножки, которыя смотрять такими миленькими въ ботинкахъ. Я засмѣялся и началъ натягивать на нее шелковый чулочекъ. M-lle Blanche, между тѣмъ, сидѣла на постели и тараторила.

— Eh bien, que feras-tu, si je te prends avec? Во-первыхъ, je veux cinquante mille francs. Ты мнѣ ихъ отдашь во Франкфуртѣ. Nous allons à Paris; тамъ мы живемъ вмѣстѣ et je te ferais voir des étoiles en plein jour. Ты увидишь такихъ женщинъ, какихъ ты никогда не видывалъ. Слушай...

— Постои, эдакъ я тебѣ отдамъ пятьдесятъ тысячъ франковъ, а что же мнѣ-то останется?

— Et cent cinquante mille francs, ты забылъ и сверхъ того я согласна жить на твоей квартирѣ мѣсяцъ, два, que sais-je! Мы, конечно, проживемъ въ два мѣсяца эти сто пятьдесятъ тысячъ франковъ. Видишь, je suis bonne enfant и тебѣ впередъ говорю, mais tu verras des étoiles.

— Какъ, все въ два мѣсяца?

— Какъ! Это тебя ужасаетъ! Ah, vil esclave! Да знаешь ли ты, что одинъ мѣсяцъ этой жизни лучше всего твоего существованія. Одинъ мѣсяцъ — et après le déluge! Mais tu ne peux comprendre, va! Пошелъ пошелъ, ты этого не стоишь! Ай, que fais-tu?

Въ эту минуту я обувалъ другую ножку, но не выдержалъ и поцаловалъ ее. Она вырвала и начала меня бить кончикомъ ноги по лицу. Наконецъ, она прогнала меня совсѣмъ. Eh bien, mon outchitel, je t'attends, si tu veux; чрезъ четверть часа я ѣду! — крикнула она мнѣ въ догонку.

Воротясь домой, былъ я уже — какъ закруженный. Что же, я не виноватъ, что M-lle Полина бросила мнѣ цѣлой пачкой въ лицо и еще вчера предпочла мнѣ мистера Астлея. Нѣкоторые изъ распавшихся банковыхъ билетовъ еще валялись по полу; я ихъ подобралъ. Въ эту минуту отворилась дверь и явился самъ оберъ-кельнеръ (который на меня прежде и глядѣть не хотѣлъ), съ приглашеніемъ: не угодно ли мнѣ перебраться внизъ, въ превосходный номеръ, въ которомъ только что стоялъ графъ В.

Я постоялъ, подумалъ:

— Счетъ! закричалъ я, сейчасъ ѣду, чрезъ десять минутъ. — Въ Парижъ, такъ въ Парижъ! подумалъ я про себя, — знать на роду написано!

Чрезъ четверть часа мы дѣйствительно сидѣли втроемъ, въ одномъ общемъ семейномъ вагонѣ: я, M-lle Blanche et M-me veuve Cominges. M-lle Blanche хохотала, глядя на меня, до истерики. Veuve Cominges ей вторила; не скажу, чтобы мнѣ было весело. Жизнь переламывалась на двое, но со вчерашняго дня я ужъ привыкъ все ставить на карту. Можетъ быть и дѣйствительно правда, что я не вынесъ денегъ и закружился. Peut-être, je ne demandais pas mieux. Мнѣ казалось, что на время, — но только на время, перемѣняются декораціи. — «Но чрезъ мѣсяць я буду здѣсь, и тогда... и тогда мы еще съ вами потягаемся, мистеръ Астлей!» Нѣтъ, какъ припоминаю теперь, мнѣ и тогда было ужасно грустно, хоть я и хохоталъ взапуски съ этой дурочкой Blanche.

— Да чего тебѣ! Какъ ты глупъ! О, какъ ты глупъ! вскрикивала Blanche, прерывая свой смѣхъ и начиная серьезно бранить меня. Ну да, ну да, да, мы проживемъ твои двѣсти тысячъ франковъ, но за то, mais tu seras heureux, comme un petit roi; я сама тебѣ буду повязывать галстухъ и познакомлю тебя съ Hortense. А когда мы проживемъ всѣ наши деньги, ты приѣдешь сюда и опять сорвешь банкъ. Что тебѣ сказали жиды? Главное — смѣлость, а у тебя она есть, и ты мнѣ еще не разъ будешь возить деньги въ Парижъ. Quant à moi, je veux cinquante mille francs de rente et alors...

— А генераль? спросилъ я ее.

— А генераль, ты знаешь самъ, каждый день, въ это время, уходитъ, мнѣ за букетомъ. На этотъ разъ я нарочно велѣла отыскать самыхъ рѣдкихъ цвѣтовъ. Бѣдняжка воротится, а птичка и улетѣла. Онъ полетитъ за нами, увидишь. Ха, ха, ха! Я очень буду рада. Въ Парижѣ онъ мнѣ пригодится; за него здѣсь заплатитъ мистеръ Астлей...

И вотъ такимъ-то образомъ я и уѣхалъ тогда въ Парижъ.

ГЛАВА XVI.

Что я скажу о Парижѣ? Все это было, конечно, и бредъ, и дурачество. Я прожилъ въ Парижѣ всего только три недѣли съ небольшимъ, и въ этотъ срокъ были совершенно покончены мои сто тысячъ франковъ. Я говорю только про сто тысячъ; остальные сто тысячъ я отдалъ M-lle Blanche чистыми деньгами, — пятьдесятъ тысячъ во Франкфуртѣ и, чрезъ три дня, въ Парижѣ, выдалъ ей же еще пятьдесятъ тысячъ

франковъ векселемъ, за который, впрочемъ, чрезъ недѣлю она взяла съ меня и деньги, *et les cent mille francs qui nous restent, tu les mangeras avec moi, mon outchitel*. Она меня постоянно звала учителемъ. Трудно представить себѣ чтонибудь на свѣтѣ разсчетливѣе, скупѣе и скалдырнѣе разряда существъ, подобныхъ *Mlle Blanche*. Но это относительно своихъ денегъ. Что же касается до моихъ ста тысячъ франковъ, то она мнѣ прямо объявила потомъ, что они ей нужны были для первой постановки себя въ Парижѣ: «такъ что ужъ я теперь стала на приличную ногу разъ на всегда, и теперь ужъ меня долго никто не собьетъ, по крайней мѣрѣ я такъ распорядилась» прибавила она. Впрочемъ, я почти и не видалъ этихъ ста тысячъ; деньги во все время держала она, а въ моемъ кошелькѣ, въ который она сама каждый день навѣдывалась, никогда не скоплялось болѣе ста франковъ, и всегда почти было менѣе.

— Ну къ чему тебѣ деньги? — говорила она иногда съ самымъ простѣйшимъ видомъ, и я съ нею не спорилъ. За то она очень и очень недурно отдѣлала на эти деньги свою квартиру и когда потомъ перевела меня на новоселье, то, показывая мнѣ комнаты, сказала: «Вотъ, что съ разчетомъ и со вкусомъ можно сдѣлать съ самыми мизерными средствами». Этотъ мизеръ стоилъ, однако, ровно пятьдесятъ тысячъ франковъ. На остальные пятьдесятъ тысячъ, она завела экипажъ, лошадей, кромѣ того мы задали два бала, т. е. двѣ вечеринки, на которыхъ были и *Hortense* и *Lisette* и *Cléopâtre*, — женщины замѣчательныя во многихъ и во многихъ отношеніяхъ, и даже далеко не дурныя. На этихъ двухъ вечеринкахъ я принужденъ былъ играть преглупѣйшую роль хозяина, встрѣчать и занимать разбогатѣвшихъ и тупѣйшихъ купчишекъ, невозможныхъ по ихъ невѣжеству и безстыдству разныхъ военныхъ поручиковъ и жалкихъ авторишекъ и журнальныхъ козявокъ, которые явились въ модныхъ фракахъ, въ палевыхъ перчаткахъ и съ самолюбіемъ и чванствомъ въ такихъ размѣрахъ, о которыхъ даже у насъ въ Петербургѣ не мыслимо, — а ужъ это много значитъ сказать. Они даже вздумали надо мною смѣяться, но я напился шампанскаго и провалялся въ задней комнатѣ. Все это было для меня омерзительно въ высшей степени. «*C'est un outchitel*», говорила обо мнѣ *Blanche*, «*il a gagné deux cent mille francs*, и который безъ меня не зналъ бы, какъ ихъ истратить. А послѣ онъ опять поступить въ учителя; — не знаетъ ли ктонибудь мѣста? Надобно чтонибудь для него сдѣлать». — Къ шампанскому я сталъ прибѣгать весьма часто, потому что мнѣ было постоянно очень грустно и до крайности скучно. Я жилъ въ самой буржуазной, въ самой меркантильной средѣ, гдѣ каждый су былъ разсчитанъ и вымѣренъ. *Blanche* очень не любила меня въ первыя двѣ недѣли, я это замѣтилъ; правда, она одѣла меня щегольски и сама ежедневно повязы-

вала мнѣ галстукъ, но въ душѣ искренно презирала меня. Я на это не обращалъ ни малѣйшаго вниманія. Скудный и унылый, я сталъ уходить обыкновенно въ *Château des Fleurs*, гдѣ регулярно, каждый вечеръ, напивался и учился канкану (который тамъ прегадко танцуютъ), и впоследствии приобрѣлъ въ этомъ родѣ даже знаменитость. Наконецъ Blanche раскусила меня: она какъ то заранѣе составила себѣ идею, что я, во все время нашего сожителства, буду ходить за нею съ карандашемъ и бумажкой въ рукахъ и все буду считать, сколько она истратила, сколько украдала, сколько истратитъ и сколько еще украдетъ? и ужь конечно была увѣрена, что у насъ изъ-за каждыхъ десяти франковъ будетъ баталія. На всякое нападеніе мое, предполагаемое ею заранѣе, она уже заблаговременно заготовила возраженія; но не видя отъ меня никакихъ нападеній, сперва было пускалась сама возражать. Иной разъ начнетъ горячо, горячо, но увидя, что я молчу, — чаще всего валяясь на кушеткѣ и неподвижно смотря въ потолокъ, — даже наконецъ удивится. Сперва она думала, что я просто глупъ, «un outchitel», и просто обрывала свои объясненія, вѣроятно думая про себя: «вѣдь онъ глупъ; нечего его и наводить, коль самъ не понимаетъ». Уйдетъ бывало, но минутъ черезъ десять опять воротится (это случалось во время самыхъ неистовыхъ тратъ ея, тратъ совершенно намъ не по средствамъ: напимѣръ, она перемѣнила лошадей и купила въ шестнадцать тысячъ франковъ пару).

— Ну, такъ ты, Bibi, не сердисься? подходила она ко мнѣ.

— Нѣ-ѣ-ѣ-ть! Надо-ѣ-ѣ-ла! говорилъ я, отстраняя ее отъ себя рукою, но это было для нея такъ любопытно, что она тотчасъ же сѣла подлѣ:

— Видишь, если я рѣшилась столько заплатить, то это потому, что ихъ продавали по случаю. Ихъ можно опять продать за двадцать тысячъ франковъ.

— Вѣрю, вѣрю; лошади прекрасныя; и у тебя теперь славный выѣздъ; пригодится; ну и довольно.

— Такъ ты не сердисься?

— За что же? Ты умно дѣлаешь, что запасаясь нѣкоторыми необходимыми для тебя вещами. Все это потомъ тебѣ пригодится. Я вижу, что тебѣ дѣйствительно нужно поставить себя на такую ногу; иначе милліона не наживешь. Тутъ наши сто тысячъ франковъ только начало, капля въ морѣ.

Blanche, всего менѣе ожидавшая отъ меня такихъ разсужденій (вмѣсто криковъ-то, да попрековъ!) точно съ неба упала.

— Такъ ты... такъ ты вотъ какой! Mais tu as l'esprit pour comprendre! Sais-tu, mon garçon, хотъ ты и учитель, — но ты долженъ

былъ родиться принцемъ! Такъ ты не жалѣешь, что у насъ деньги скоро идутъ?

— Ну ихъ, поскорѣй бы ужь!

— Mais... sais-tu... mais dis donc, развѣ ты богатъ? Mais sais-tu, вѣдь ты ужь слишкомъ презираешь деньги. Qu'est ce que tu feras après, dis donc?

— Après, поѣду въ Гомбургъ и еще выиграю сто тысячъ франковъ.

— Oui, oui, c'est ça, c'est magnifique! И я знаю, что ты непременно выиграешь и привезешь сюда. Dis donc, да ты сдѣлаешь, что я тебя и въ самомъ дѣлѣ полюблю! Eh bien, за то, что ты такой, я тебя буду все это время любить, и не сдѣлаю тебѣ ни одной невѣрности. Видишь, въ это время я хоть и не любила тебя, parce que je croyais, que tu n'est qu'un outchitel (quelque chose comme un laquais, n'est-ce-pas?), но я все-таки была тебѣ вѣрна, parce que je suis bonne fille.

— Ну, и врешь! А съ Альбертомъ-то, съ этимъ офицеришкой черномазымъ, развѣ я не видалъ прошлый разъ?

— Oh, oh, mais tu es...

— Ну, врешь, врешь; да ты что думаешь, что я сержусь? Да наплевать; il faut que jeunesse se passe. Не прогнать же тебѣ его, коли онъ былъ прежде меня, и ты его любишь. Только ты ему денегъ не давай, слышишь?

— Такъ ты и за это не сердишься? Mais tu es un vrais philosophe, sais-tu? Un vrais philosophe! вскричала она въ восторгѣ. Eh bien je t'aimerai, je t'aimerai — tu veras, tu sera content!

И дѣйствительно, съ этихъ поръ она ко мнѣ даже какъ-будто въ самомъ дѣлѣ привязалась, даже дружески, и такъ прошли наши послѣдніе десять дней. Обѣщанныхъ «звѣздъ» я не видалъ; но въ нѣкоторыхъ отношеніяхъ она и въ самомъ дѣлѣ сдержала слово. Сверхъ того она познакомила меня съ Hortense, которая была слишкомъ даже замѣчательная въ своемъ родѣ женщина и въ нашемъ кружкѣ называлась Thérèse philosophe...

Впрочемъ, нечего объ этомъ распространяться; все это могло бы составить особый разсказъ, съ особымъ колоритомъ, который я не хочу вставлять въ эту повѣсть. Дѣло въ томъ, что я всѣми силами желалъ, чтобъ все это поскорѣе кончилось. Но нашихъ ста тысячъ франковъ хватило, какъ я уже сказалъ, почти на мѣсяць, — чему я искренно удивлялся: по крайней мѣрѣ на восемьдесятъ тысячъ, изъ этихъ денегъ, Blanche накупила себѣ вещей и мы прожили никакъ не болѣе двадцати тысячъ франковъ, и — все-таки достало. Blanche, которая подъ конецъ была уже почти откровенна со мной (по крайней мѣрѣ кое въ чемъ не врала мнѣ), призналась, что, по крайней мѣрѣ, на меня не падутъ долги,

которые она принуждена была сдѣлать: — «я тебѣ не давала подписывать счетовъ и векселей, говорила она мнѣ, — потому что жалѣла тебя; а другая бы непременно это сдѣлала и уходила бы тебя въ тюрьму. Видишь, видишь, какъ я тебя любила, и какая я добрая! Одна эта чортова свадьба чего будетъ мнѣ стоить!

У насъ дѣйствительно была свадьба. Случилась она уже въ самомъ концѣ нашего мѣсяца и надо предположить, что на нее ушли самыя послѣднія подонки моихъ ста тысячъ франковъ; тѣмъ дѣло и кончилось, т. е. тѣмъ нашъ мѣсяцъ кончился и, я послѣ этого формально вышелъ въ отставку.

Случилось это такъ: недѣлю спустя послѣ нашего водворенія въ Парижѣ, пріѣхалъ генераль. Онъ прямо пріѣхалъ къ Blanche, и съ перваго же визита почти у насъ и остался. Квартирка гдѣ-то, правда, у него была своя. Blanche встрѣтила его радостно, съ визгами и хохотомъ, и даже бросилась его обнимать; дѣло обошлось такъ, что ужъ она сама его не отпускала и онъ всюду долженъ былъ слѣдовать за нею: и на бульварѣ, и на катаньяхъ, и въ театрѣ, и по знакомымъ. На это употребленіе генераль еще годился; онъ былъ довольно сановитъ и приличенъ, — росту почти высокаго, съ крашеными бакенами и усищами (онъ прежде служилъ въ кирасирахъ), съ лицомъ виднымъ, хотя нѣсколько и обрюзглымъ. Манеры его были превосходныя, фракъ онъ носилъ очень ловко. Въ Парижѣ онъ началъ носить свои ордена. Съ этакимъ — пройтись по бульвару было не только возможно, но, если такъ можно выразиться, даже *рекомендательно*. Добрый и безтолковый генераль былъ всѣмъ этимъ ужасно доволенъ; онъ совсѣмъ не на это рассчитывалъ, когда къ намъ явился по пріѣздѣ въ Парижъ. Онъ явился тогда, чуть не дрожа отъ страха; онъ думалъ, что Blanche закричитъ и велитъ его прогнать; а потому, при такомъ оборотѣ дѣла, онъ пришолъ въ восторгъ, и весь этотъ мѣсяцъ пробылъ въ какомъ-то бессмысленно-восторженномъ состояніи; да такимъ я его и оставилъ. Уже здѣсь я узналъ въ подробности, что послѣ тогдашняго внезапнаго отъѣзда нашего изъ Рулетенбурга, съ нимъ случилось, въ то же утро, что то въ родѣ припадка. Онъ упалъ безъ чувствъ, а потомъ всю недѣлю былъ почти какъ сумасшедшій и заговаривался. Его лечили, но вдругъ онъ все бросилъ, сѣлъ въ вагонъ и прикатилъ въ Парижъ. Разумѣется, пріемъ Blanche оказался самымъ лучшимъ для него лекарствомъ; но признаки болѣзни оставались долго спустя, не смотря на радостное и восторженное его состояніе. Разсуждать, или даже только вести кой-какъ немного серьезный разговоръ, онъ ужъ совершенно не могъ; въ такомъ случаѣ онъ только приговаривалъ ко всякому слову: «Гмъ!» и кивалъ головой, — тѣмъ и отдѣлывался. Часто онъ смѣялся, но какимъ-то нервнымъ, болѣзненнымъ смѣ-

хомъ, точно закатывался; другой разъ, сидитъ по цѣлымъ часамъ пасмурный, какъ ночь, нахмуривъ свои густыя брови. Многого онъ совсѣмъ даже и не припоминалъ; сталъ до безобразія разсѣянъ и взялъ привычку говорить самъ съ собой. Только одна Blanche могла оживлять его; да и припадки пасмурнаго, угрюмаго состоянія, когда онъ забивался въ уголъ, означали только то, что онъ давно не видѣлъ Blanche, или что Blanche куда нибудь уѣхала, а его съ собой не взяла, или, уѣзжая, не приласкала его. При этомъ онъ самъ не сказалъ бы, чего ему хочется, и самъ не зналъ, что онъ пасмуренъ и грустенъ. Просидѣвъ часъ или два, (я замѣчалъ это раза два, когда Blanche уѣзжала на цѣлый день, вѣроятно къ Альберту), онъ вдругъ начинаетъ озираться, суетиться, оглядывается, припоминаетъ и какъ будто хочетъ кого то сыскать; но не видя никого, и такъ и не припомнивъ о чемъ хотѣлъ спросить, онъ опять впадалъ въ забытѣе до тѣхъ поръ, пока вдругъ не являлась Blanche, веселая, рѣзвая, разодѣтая, съ своимъ звонкимъ хохотомъ; она подбѣгала къ нему, начинала его тормошить и даже цѣловала, — чѣмъ впрочемъ рѣдко его жаловала. Разъ генераль до того ей обрадовался, что даже заплакалъ, — я даже подивился.

Blanche, съ самаго его появленія у насъ, начала тотчасъ же за него предо мною адвокатствовать. Она пускалась даже въ краснорѣчіе; напоминала, что она измѣнила генералу изъ-за меня, что она была почти ужъ его невѣстою, слово дала ему; что изъ-за нея онъ бросилъ семейство и что наконецъ я служилъ у него и долженъ бы это чувствовать, и что — какъ мнѣ не стыдно... Я все молчалъ, а она ужасно тараторила. Наконецъ я разсмѣялся, и тѣмъ дѣло и кончилось, то есть сперва она подумала, что я дуракъ, а подъ конецъ остановилась на мысли, что я очень хорошій и складной человѣкъ. Однимъ словомъ, я имѣлъ счастье рѣшительно заслужить подъ конецъ полное благорасположеніе этой достойной дѣвицы; (Blanche, впрочемъ, была и въ самомъ дѣлѣ предобрѣйшая дѣвушка, — въ своемъ только родѣ, разумѣется; я ее не такъ цѣнилъ сначала). — «Ты умный и добрый человѣкъ, говаривала она мнѣ подъ конецъ, — и... и... жаль только, что ты такой дуракъ! Ты ничего, ничего не наживешь!»

«Un vrai russe, un calmouk!» — Она нѣсколько разъ посылала меня прогуливать по улицамъ генерала, точь въ точь съ лакеемъ свою левретку. Я, впрочемъ, водилъ его и въ театръ, и въ Val-Mabile, и въ рестораны. На это Blanche выдавала и деньги, хотя у генерала были и свои, и онъ очень любилъ вынимать бумажникъ при людяхъ. Однажды я почти долженъ былъ употребить силу, чтобы не дать ему купить брошку въ семьсотъ франковъ, которою онъ прельстился въ Палероялѣ и которую, во что бы то ни стало, хотѣлъ подарить Blanche. Ну, что ей была

брошка въ семьсотъ франковъ? У генерала и всѣхъ то денегъ было не болѣе тысячи франковъ. Я никогда не могъ узнать, откуда онѣ у него явились? Полагаю, что отъ мистера Астлея, тѣмъ болѣе, что тотъ въ отелѣ за нихъ заплатилъ. Что же касается до того, какъ генераль все это время смотрѣлъ на меня, то мнѣ кажется, онъ даже и недогадывался о моихъ отношеніяхъ къ Blanche. Онъ хотъ и слышалъ какъ то смутно, что я выигралъ капиталъ, но навѣрное полагалъ, что я у Blanche въ родѣ какого нибудь домашняго секретаря или даже, можетъ быть, слуги. По крайней мѣрѣ, говорилъ онъ со мной постоянно свысока по прежнему, по начальнически, и даже пускался меня иной разъ распекать. Однажды, онъ ужасно насмѣшилъ и меня и Blanche, у насъ, утромъ, за утреннимъ кофе. Человѣкъ онъ былъ не совсѣмъ обидчивый; а тутъ вдругъ обидѣлся на меня, за что? — до сихъ поръ не понимаю. Но, конечно, онъ и самъ не понималъ. Однимъ словомъ, онъ завелъ рѣчь безъ начала и конца, а batons-rompus, кричалъ, что я мальчишка, что онъ научить... что онъ дастъ понять... и такъ далѣе, и такъ далѣе. Но никто ничего не могъ понять. Blanche заливалась-хохотала; наконецъ его кое-какъ успокоили и увели гулять. Много разъ я замѣчалъ, впрочемъ, что ему становилось грустно, кого-то и чего-то было жаль, кого-то не доставало ему, не смотря даже на присутствіе Blanche. Въ эти минуты онъ самъ пускался раза два со мною заговаривать, но никогда толкомъ не могъ объясниться, вспоминалъ про службу, про покойницу жену, про хозяйство, про имѣніе. Нападетъ на какое нибудь слово — и обрадуется ему, и повторяетъ его сто разъ на дню, хотя оно вовсе не выражаетъ ни его чувствъ, ни его мыслей. Я пробовалъ заговаривать съ нимъ о его дѣтяхъ; но онъ отдѣлывался прежнею скороговоркою, и переходилъ поскорѣе на другой предметъ: «Да-да! дѣти-дѣти, вы правы, дѣти!» Однажды только онъ разчувствовался, — мы шли съ нимъ въ театръ: «Это несчастныя дѣти! заговорилъ онъ вдругъ, — да, сударь, да, это не-с-счастныя дѣти!» И потомъ нѣсколько разъ въ этотъ вечеръ повторялъ слова: несчастныя дѣти! Когда я разъ заговорилъ о Полинѣ, онъ пришелъ даже въ ярость: «это неблагодарная женщина, воскликнулъ онъ, — она зла и неблагодарна! Она осрамила семью! Еслибъ здѣсь были законы, я бы ее въ бараній рогъ согнулъ! Да-съ, да-съ!» Что же касается до Де-Гріе, то онъ даже и имени его слышать не могъ: «онъ погубилъ меня, — говорилъ онъ, — онъ обокралъ меня, онъ меня зарѣзалъ! Это былъ мой кошмаръ въ продолженіе цѣлыхъ двухъ лѣтъ! Онъ по цѣлымъ мѣсяцамъ сряду мнѣ во снѣ снился! Это-это, это... О, не говорите мнѣ о немъ никогда!»

Я видѣлъ, что у нихъ что-то идетъ на ладъ, но молчалъ по обыкновению. Blanche объявила мнѣ первая: это было ровно за недѣлю до того,

какъ мы разстались: — «Il a du chance, тараторила она мнѣ: babouchka теперъ дѣйствительно ужь больна и непремѣнно умретъ. Мистеръ Астлей прислалъ телеграмму; согласись, что все-таки онъ наслѣдникъ ея. А если бѣ даже и нѣтъ, то онъ ничему не помѣшаетъ. Во-первыхъ, у него есть свой пенсіонъ, а во вторыхъ, онъ будетъ жить въ боковой комнатѣ и будетъ совершенно счастливъ. Я буду «Madame la générale». Я войду въ хорошій кругъ, (Blanche мечтала объ этомъ постоянно), впоследствии буду русской помѣщицей, j'aurai un château, des moujiks, et puis j'aurai toujours mon million.

— Ну, а если онъ начнетъ ревновать, будетъ требовать... Богъ знаетъ чего, — понимаешь?

— О нѣтъ, non, non, non! какъ онъ смѣетъ! Я взяла мѣры, не безпокойся. Я ужь заставила его подписать нѣсколько векселей на имя Альберта. Чуть что — и онъ тотчасъ же будетъ наказанъ; да и не посмѣетъ!

— Ну выходи...

Свадьбу сдѣлали безъ особеннаго торжества, семейно и тихо. Приглашены были Альбертъ и еще кое-кто изъ близкихъ. Hortense, Cléopâtre и прочія были рѣшительно отстранены. Женихъ чрезвычайно интересовался своимъ положеніемъ. Blanche сама повязала ему галстухъ, сама его напмадила, и въ своемъ фракѣ, и въ бѣломъ жилетѣ, онъ смотрѣлъ très comme il faut.

— «Il est pourtant très comme il faut», — объявила мнѣ сама Blanche, выходя изъ комнаты генерала, какъ будто идея о томъ, что генераль très comme il faut, даже ее самое поразила. Я такъ мало вникалъ въ подробности, участвуя во всемъ въ качествѣ такого лѣниваго зрителя, что многое и забылъ, какъ это было. Помню только, что Blanche оказалась вовсе не de-Cominges, равно, какъ и мать ея — вовсе не veuve Cominges, — а du-Placet. Почему онѣ были обѣ de Cominges до сихъ поръ — не знаю. Но генераль и этимъ остался очень доволенъ и du-Placet ему даже больше понравилось, чѣмъ de-Cominges. Въ утро свадьбы, онъ, уже совсѣмъ одѣтый, все ходилъ взадъ и впередъ по залѣ и все повторялъ про себя, съ необыкновенно серьезнымъ и важнымъ видомъ: «Mlle Blanche du-Placet! Blanche du-Placet! du-Placet! Дѣвица Бланка Дю-Пласетъ!... и нѣкоторое самодовольствіе сіяло на его лицѣ. Въ церкви, у мэра и дома за закуской, онъ былъ не только радостенъ и доволенъ, но даже гордъ. Съ ними съ обоими что-то случилось. Blanche стала смотрѣть тоже съ какимъ-то особеннымъ достоинствомъ.

— «Мнѣ теперъ нужно совершенно иначе держать себя», — сказала она мнѣ чрезвычайно серьезно; — mais, vois-tu, я и не подумала объ одной прегадкой вещи: вообрази, я до сихъ поръ не могу заучить

мою теперешнюю фамилию: Загорьянскій, Загозіанскій, M-me la générale de-Sago-Sago, ces diables des noms russes, enfin Madame la générale à quatorze consonnes! comme c'est agréable, n'est-ce pas?

Наконецъ мы разстались, и Blanche, эта глупая Blanche, даже прослезилась, прощаясь со мною. — «Tu étais bon enfant, говорила она хныча. Je te croyais bête et tu en avais l'air, но это къ тебѣ идетъ.» И ужъ пожавъ мнѣ руку окончательно, она вдругъ воскликнула: «Attends! бросилась въ свой будуаръ и чрезъ минуту вынесла мнѣ два тысяче-франковыхъ билета. Этому я ни за что бы не повѣрилъ! — Это тебѣ пригодится, ты можетъ быть очень ученый outchitel, но ты ужасно глупый человѣкъ. Больше двухъ тысячъ я тебѣ ни за что не дамъ, потому что ты — все равно проиграешь. Ну, прощай! Nous serons toujours bons amis, а если опять выиграешь, непременно приѣзжай ко мнѣ, et tu seras heureux!

У меня, у самого, оставалось еще франковъ пятьсотъ; кромѣ того, есть великолѣпные часы въ тысячу франковъ, брилліантовыя запонки и прочее, такъ что можно еще протянуть довольно долгое время, ни о чемъ не заботясь. Я нарочно засѣлъ въ этомъ городишкѣ, чтобъ собраться, а, главное, жду мистера Астлея. Я узналъ навѣрное, что онъ будетъ здѣсь проѣзжать и остановится на сутки, по дѣлу. Узнаю обо всемъ... а потомъ, — потомъ прямо въ Гомбургъ. Въ Рулетенбургъ не поѣду, развѣ на будущій годъ. Дѣйствительно, говорятъ, дурная примѣта пробовать счастья два раза сряду за однимъ и тѣмъ же столомъ, а въ Гомбургѣ самая настоящая-то игра и есть.

ГЛАВА XVII.

Вотъ уже годъ и восемь мѣсяцевъ, какъ я не заглядывалъ въ эти записки, и теперь только, отъ тоски и горя, вздумалъ развлечь себя и случайно перечелъ ихъ. Такъ на томъ и оставилъ тогда, что поѣду въ Гомбургъ. Боже! съ какимъ, сравнительно говоря, легкимъ сердцемъ я написалъ тогда эти послѣднія строчки! То есть не то, чтобъ съ легкимъ сердцемъ, — а съ какою самоувѣренностью, съ какими непоколебимыми надеждами! Сомнѣвался ли я хоть сколько нибудь въ себѣ? И вотъ полтора года слишкомъ прошли, и я, по моему, гораздо хуже, чѣмъ нищій! Да что нищій! Наплевать на нищенство! Я просто сгубилъ себя! Впрочемъ, не съ чѣмъ почти и сравнивать, да и нечего себѣ мораль читать! Ничего не можетъ быть нелѣпѣе морали въ такое время! О, самодовольные люди: съ какимъ гордымъ самодовольствомъ готовы эти болтуны читать свои сентенціи! Еслибъ они знали, до какой степени я самъ пони-

маю всю омерзительность теперешняго моего состоянія, то, конечно, ужь не повернулся бы у нихъ языкъ учить меня. Ну, что, что могутъ они мнѣ сказать новаго, чего я не знаю? И развѣ въ этомъ дѣло? Тутъ дѣло въ томъ, что — одинъ оборотъ колеса и все измѣняется и эти же самые моралисты первые (я въ этомъ увѣренъ) придутъ съ дружескими шутками поздравлять меня. И не будутъ отъ меня всѣ такъ отворачиваться, какъ теперь. Да наплевать на нихъ на всѣхъ! Что я теперь? zéro. Чѣмъ могу быть завтра? Я завтра могу изъ мертвыхъ воскреснуть и вновь начать жить! Человѣка могу обрести въ себѣ, пока еще онъ не пропалъ!

Я дѣйствительно тогда поѣхалъ въ Гомбургъ, но... я былъ потомъ и опять въ Рулетенбургъ, былъ и въ Спа, былъ даже и въ Баденъ, куда я ѣздилъ камердинеромъ совѣтника Гинце, мерзавца и бывшаго моего здѣшняго барина. Да, я былъ и въ лакеяхъ, цѣлыхъ пять мѣсяцевъ! Это случилось сейчасъ послѣ тюрьмы. (Я вѣдь сидѣлъ и въ тюрьмѣ въ Рулетенбургъ, за одинъ здѣшній долгъ.) Неизвѣстный человѣкъ меня выкупилъ, — кто такой? Мистеръ Астлей? Полина? Не знаю, но долгъ былъ заплаченъ, всего двѣсти талеровъ, и я вышелъ на волю. Куда мнѣ было дѣваться? Я и поступилъ къ этому Гинце. Онъ человѣкъ молодой и вѣтренный, любитъ полѣниться, а я умѣю говорить и писать на трехъ языкахъ. Я сначала поступилъ къ нему чѣмъ-то въ родѣ секретаря, за тридцать гульденовъ въ мѣсяць; но кончилъ у него настоящимъ лакействомъ: держать секретаря ему стало не по средствамъ и онъ мнѣ сбавилъ жалованье; мнѣ же некуда было идти, я остался — и такимъ образомъ самъ собою обратился въ лакея. Я не доѣдалъ и не допивалъ на его службѣ, но за то накопилъ въ пять мѣсяцевъ семьдесятъ гульденовъ. Однажды, вечеромъ, въ Баденъ, я объявилъ ему, что желаю съ нимъ разстаться; въ тотъ же вечеръ я отправился на рулетку. О, какъ стучало мое сердце! Нѣтъ, не деньги мнѣ были дороги! Тогда — мнѣ только хотѣлось, чтобъ завтра же всѣ эти Гинце, всѣ эти обер-кельнеры, всѣ эти великолѣпныя баденскія дамы, — чтобы всѣ они говорили обо мнѣ, рассказывали мою исторію, удивлялись мнѣ, хвалили меня и преклонялись предъ моимъ новымъ выигрышемъ. Все это дѣтскія мечты и заботы, но... кто знаетъ: можетъ быть, я повстрѣчался бы и съ Полиной, я бы ей рассказалъ и она бы увидѣла, что я выше всѣхъ этихъ нелѣпыхъ толчковъ судьбы... О, не деньги мнѣ дороги! Я увѣренъ, что разбросалъ бы ихъ опять какойнибудь *Blanche* и опять ѣздилъ бы въ Парижъ три недѣли, на парѣ собственныхъ лошадей въ шестнадцать тысячъ франковъ. Я вѣдь навѣрное знаю, что я не скупъ; я даже думаю, что я расточителенъ, — а между тѣмъ, однакожь, съ какимъ трепетомъ, съ какимъ замираніемъ сердца я выслушиваю крикъ крупера: *trente et un, rouge, impair et passe*, или: *quatre, noir, pair et manque*! Съ какою

алчностью смотрю я на игорный столъ, по которому разбросаны луидоры, фридрихсдоры и талеры, на столбики золота, когда они отъ лопатки крупера рассыпаются въ горящія, какъ жаръ, кучи, или на длинные въ аршинъ столбы серебра, лежащіе вокругъ колеса. Еще подходя къ игорной залѣ, за двѣ комнаты, только что я слышу дзеньканье пересыпающихся денегъ, — со мною почти дѣлаются судороги.

О, тотъ вечеръ, когда я понесъ мои семьдесятъ гульденовъ на игорный столъ, тоже былъ замѣчательнъ. Я началъ съ десяти гульденовъ и опять съ *passé*. Къ *passé* я имѣю предразсудокъ. Я проигралъ. Оставалось у меня шестьдесятъ гульденовъ серебряною монетою; я подумалъ — и предпочелъ *zéro*. Я сталъ разомъ ставить на *zéro* по пяти гульденовъ; съ третьей ставки вдругъ выходитъ *zéro*; я чуть не умеръ отъ радости, получивъ сто семьдесятъ пять гульденовъ; когда я выигралъ сто тысячъ гульденовъ, я не былъ такъ радъ. Тотчасъ же я поставилъ сто гульденовъ на *rouge*, — дала; всѣ двѣсти на *rouge* — дала; всѣ четыреста на *noir* — дала; всѣ восемьсотъ на *manque*, — дала; считая съ прежнимъ, было тысяча семьсотъ гульденовъ и это — менѣе, чѣмъ въ пять минутъ! Да, въ эдакія-то мгновенія забываешь и всѣ прежнія неудачи! Вѣдь я добылъ это болѣе, чѣмъ жизнью рискуя, осмѣлился рискнуть и — вотъ, я опять въ числѣ челоуѣковъ!

Я занялъ номеръ, заперся, и часовъ до трехъ сидѣлъ и считалъ свои деньги. На утро я проснулся ужъ не лакеемъ. Я рѣшилъ въ тотъ же день выѣхать въ Гомбургъ: тамъ я не служилъ въ лакеяхъ и въ тюрьмѣ не сидѣлъ. За полчаса до поѣзда, я отправился поставить двѣ ставки, не болѣе, и проигралъ полторы тысячи флориновъ. Однако же все-таки переѣхалъ въ Гомбургъ и вотъ уже мѣсяцъ, какъ я здѣсь...

Я, конечно живу, въ постоянной тревогѣ, играю по самой маленькой и чего то жду, рассчитываю, стою по цѣлымъ днямъ у игорнаго стола и *наблюдаю* игру, даже во снѣ вижу игру, — но при всемъ этомъ мнѣ кажется, что я какъ будто одеревенѣлъ, точно застрялъ въ какой-то тинѣ. Заключаю это по впечатлѣнію при встрѣчѣ съ мистеромъ Астлеемъ. Мы не видались съ того самого времени и встрѣтились нечаянно; вотъ какъ это было. Я шелъ въ саду и рассчитывалъ, что теперь я почти безъ денегъ, но что у меня есть пятьдесятъ гульденовъ, — кромѣ того въ отелѣ, гдѣ я занимаю каморку, я третьяго дня совсѣмъ расплатился. И такъ, мнѣ остается возможность одинъ только разъ пойти теперь на рулетку, — если выиграю хоть что нибудь, можно будетъ продолжать игру; если проиграю — надо опять идти въ лакеи, въ случаѣ, если не найду сейчасъ русскихъ, которымъ бы понадобился учитель. Занятый этою мыслью, я пошелъ, моею ежедневною прогулкою чрезъ паркъ и чрезъ лѣсъ, въ сосѣднее княжество. Иногда я выхаживалъ такимъ

образомъ часа по четыре и возвращался въ Гомбургъ усталый и голодный. Только что вышелъ я изъ сада въ паркъ, какъ вдругъ, на скамейкѣ, увидѣлъ мистера Астлея. Онъ первый меня замѣтилъ и окликнулъ меня. Я сѣлъ подлѣ него. Замѣтивъ же въ немъ нѣкоторую важность, я тотчасъ же умѣрилъ мою радость; а то я было ужасно обрадовался ему.

— Итакъ вы здѣсь! Я такъ и думалъ, что васъ повстрѣчаю, — сказалъ онъ мнѣ. Не безпокойтесь рассказывать; я знаю, я все знаю; вся ваша жизнь въ эти годъ и восемь мѣсяцевъ мнѣ извѣстна.

— Ба! вотъ какъ вы слѣдите за старыми друзьями! отвѣтилъ я. Это дѣлаетъ вамъ честь, что не забываете... Пойдите однако-жъ, вы даете мнѣ мысль — не вы ли выкупили меня изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ я сидѣлъ за долгъ въ двѣсти гульденовъ! Меня выкупилъ неизвѣстный.

— Нѣтъ, о нѣтъ; я не выкупалъ васъ изъ рулетенбургской тюрьмы, гдѣ вы сидѣли за долгъ въ двѣсти гульденовъ, но я зналъ, что вы сидѣли въ тюрьмѣ, за долгъ въ двѣсти гульденовъ.

— Значитъ, все-таки знаете, кто меня выкупилъ?

— О нѣтъ, не могу сказать, что знаю, кто васъ выкупилъ.

— Странно; нашимъ русскимъ я никому неизвѣстенъ, да русскіе здѣсь, пожалуй, и не выкупятъ; это у насъ тамъ, въ Россіи, православные выкупаютъ православныхъ. А я такъ и думалъ, что какойнибудь чуждакъ-англичанинъ, изъ странности.

Мистеръ Астлей слушалъ меня съ нѣкоторымъ удивленіемъ. Онъ, кажется, думалъ найти меня унылымъ и убитымъ.

— Однако-жъ, я очень радуюсь, видя васъ совершенно сохранившимъ всю независимость вашего духа и даже веселость, — произнесъ онъ съ довольно непріятнымъ видомъ.

— То есть, внутри себя вы скрыпите отъ досады, зачѣмъ я не убить и не униженъ, сказалъ я, смѣясь.

Онъ не скоро понялъ, но, понявъ, улыбнулся.

— Мнѣ нравятся ваши замѣчанія. Я узнаю въ этихъ словахъ моего прежняго, умнаго, стараго, восторженнаго и, вмѣстѣ съ тѣмъ, циничскаго друга; одни русскіе могутъ въ себѣ совмѣщать, въ одно и тоже время, столько противоположностей. Дѣйствительно, человѣкъ любитъ видѣть лучшаго своего друга въ униженіи предъ собою; на униженіи основывается большею частью дружба; и это старая, извѣстная всѣмъ умнымъ людямъ истина. Но, въ настоящемъ случаѣ, увѣряю васъ, я искренно радъ, что вы не унываете. Скажите, вы не намѣрены бросить игру?

— О, чортъ съ ней! Тотчасъ же брошу, только бы...

— Только бы теперь отыграться? Такъ я и думалъ; не договаривайте — знаю, — вы это сказали нечаянно, слѣдственно сказали правду. Скажите, кромѣ игры вы ничѣмъ не занимаетесь?

— Да, ничѣмъ...

Онъ сталъ меня экзаменовать. Я ничего не зналъ, я почти не заглядывалъ въ газеты, и положительно во все это время не развертывалъ ни одной книги.

— Вы одеревенѣли, замѣтилъ онъ, — вы не только отказались отъ жизни, отъ интересовъ своихъ и общественныхъ, отъ долга гражданина и человѣка, отъ друзей своихъ (а они все-таки у васъ были), — вы не только отказались отъ какой бы то ни было цѣли, кромѣ выигрыша, — вы даже отказались отъ воспоминаній своихъ. Я помню васъ въ горячую и сильную минуту вашей жизни; но я увѣренъ, что вы забыли всѣ лучшія тогдашнія впечатлѣнія ваши; ваши мечты, ваши теперешнія, самыя насущныя желанія не идутъ дальше *rair* и *imrair*, *rouge*, *poir*, двѣнадцати среднихъ и такъ далѣе, и такъ далѣе, я увѣренъ!

— Довольно, мистеръ Астлей, пожалуйста, пожалуйста не напоминайте, — вскричалъ я съ досадой, чуть не со злобой, — знайте, что я ровно ничего не забылъ; но я только на время выгналъ все это изъ головы, даже воспоминанія, — до тѣхъ поръ, покамѣстъ не поправлю радикально мои обстоятельства; тогда... тогда вы увидите, я воскресну изъ мертвыхъ!

— Вы будете здѣсь еще чрезъ десять лѣтъ, сказалъ онъ. Предлагаю вамъ пари, что я напому вамъ это, если буду живъ, вотъ на этой же скамейкѣ.

— Ну, довольно, прервалъ я съ нетерпѣніемъ, — и чтобъ вамъ доказать, что я не такъ-то забывчивъ на прошлое, позвольте узнать: гдѣ теперь миссъ Полина? Если не вы меня выкупили, то ужъ навѣрно она. Съ самаго того времени я не имѣлъ о ней никакого извѣстія.

— Нѣтъ, о нѣтъ! Я не думаю, чтобы она васъ выкупила. Она теперь въ Швейцаріи и вы мнѣ сдѣлаете большое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ, сказалъ онъ рѣшительно и даже сердито.

— Это значитъ, что и васъ она ужъ очень поранила! засмѣялся я невольно.

— Миссъ Полина — лучшее существо изъ всѣхъ наиболѣе достойныхъ уваженія существъ, но повторяю вамъ, вы сдѣлаете мнѣ великое удовольствіе, если перестанете меня спрашивать о миссъ Полинѣ. Вы ее никогда не знали, и ея имя въ устахъ вашихъ я считаю оскорбленіемъ нравственнаго моего чувства.

— Вотъ какъ! Впрочемъ, вы не правы; да о чемъ же мнѣ и говорить съ вами кромѣ этого, разсудите? Вѣдь въ этомъ и состоятъ всѣ наши воспоминанія. Не безпокойтесь, Впрочемъ, мнѣ не нужно никакихъ внутреннихъ, секретныхъ вашихъ дѣлъ... Я интересуюсь только, такъ сказать, внѣшнимъ положеніемъ миссъ Полины, одною только теперешнею наружною обстановкою ея. Это можно сообщить въ двухъ словахъ.

— Извольте, съ тѣмъ, чтобъ этими двумя словами было все покончено. Миссъ Полина была долго больна; она и теперь больна; нѣкоторое время она жила, съ моими матерью и сестрой, въ сѣверной Англии. Полгода назадъ ея бабка, — помните, та самая сумасшедшая женщина, померла и оставила, лично ей, семь тысячъ фунтовъ состоянія. Теперь миссъ Полина путешествуетъ вмѣстѣ съ семействомъ моей сестры, вышедшей замужъ. Маленькій братъ и сестра ея тоже обезпечены завѣщаніемъ бабки и учатся въ Лондонѣ. Генераль, ея отчимъ, мѣсяць назадъ умеръ въ Парижѣ отъ удара. M-lle Blanche обходилась съ нимъ хорошо, но все, что онъ получилъ отъ бабки, успѣла перевести на себя... вотъ, кажется, и все.

— А Де-Гріе? Не путешествуетъ ли и онъ тоже въ Швейцаріи?

— Нѣтъ, Де-Гріе не путешествуетъ въ Швейцаріи и я не знаю, гдѣ Де-Гріе; кромѣ того, разъ навсегда, предупреждаю васъ избѣгать подобныхъ намековъ и неблагородныхъ сопоставленій, иначе вы будете непременно имѣть дѣло со мною.

— Какъ! не смотря на наши прежнія дружескія отношенія?

— Да, не смотря на наши прежнія дружескія отношенія.

— Тысячу разъ прошу извиненія, мистеръ Астлей. Но, позвольте однако-жь: тутъ нѣтъ ничего обиднаго и неблагороднаго; я вѣдь ни въ чемъ не виню миссъ Полину. Кромѣ того — французъ и русская барышня, говоря вообще — это такое сопоставленіе, мистеръ Астлей, которое не намъ съ вами разрѣшить или понять окончательно.

— Если вы не будете упоминать имя Де-Гріе вмѣстѣ съ другимъ именемъ, то я попросилъ бы васъ объяснить мнѣ, что вы подразумѣваете подъ выраженіемъ: «французъ и русская барышня?» Что это за «сопоставленіе?» Почему тутъ именно французъ и непременно русская барышня?

— Видите, вы и заинтересовались. Но это длинная матерія, мистеръ Астлей. Тутъ много надо бы знать предварительно. Впрочемъ, это вопросъ важный — какъ ни смѣшно все это съ перваго взгляда. Французъ, мистеръ Астлей, это — законченная, красивая форма. Вы, какъ британецъ, можете съ этимъ быть несогласны; я, какъ русскій, тоже не согласенъ, ну, пожалуй, хоть изъ зависти; но наши барышни могутъ быть другаго мнѣнія. Вы можете находить Расина изломаннымъ,

исковерканнымъ и парфюмированнымъ; даже читать его навѣрное не станете. Я тоже нахожу его изломаннымъ, исковерканнымъ и парфюмированнымъ, съ одной даже точки зрѣнія смѣшнымъ; но онъ прелестенъ, мистеръ Астлей и, главное, — онъ великій поэтъ, хотимъ или не хотимъ мы этого съ вами. Національная форма француза, т. е. парижанина, стала слагаться въ изящную форму, когда еще мы были медвѣдями. Революція наслѣдовала дворянству. Теперь самый пошлѣйшій французишка можетъ имѣть манеры, приемы, выраженія и даже мысли вполне изящной формы, не участвуя въ этой формѣ ни своею инициативою, ни душою, ни сердцемъ; все это досталось ему по наслѣдству. Сами собою, они могутъ быть пустѣе пустѣйшаго и подлѣе подлѣйшаго. Ну-съ, мистеръ Астлей, сообщу вамъ теперь, что нѣтъ существа въ мірѣ довѣрчивѣе и откровеннѣе доброй, умненькой и не слишкомъ изломанной русской барышни. Де-Гріе, являсь въ какойнибудь роли, являсь замаскированнымъ, — можетъ завоевать ея сердце съ необыкновенною легкостью; у него есть изящная форма, мистеръ Астлей, и барышня принимаетъ эту форму за его собственную душу, за натуральную форму его души и сердца, а не за одежду, доставшуюся ему по наслѣдству. Къ величайшей вашей неприятности, я долженъ вамъ признаться, что англичане, большею частью, — угловаты и неизящны, а русскіе довольно чутко умѣютъ различать красоту и на нее падки. Но, чтобы различать красоту души и оригинальность личности, для этого нужно несравненно болѣе самостоятельности и свободы, чѣмъ у нашихъ женщинъ, тѣмъ болѣе барышень, — и ужь, во всякомъ случаѣ, больше опыта. Миссъ Полинъ-же, — простите, сказаннаго — не воротись, — нужно очень, очень долгое время рѣшаться, чтобы предпочесть васъ мерзавцу Де-Гріе. Она васъ и оцѣнитъ, станетъ вашимъ другомъ, откроетъ вамъ все свое сердце: но въ этомъ сердцѣ все таки будетъ царить ненавистный мерзавецъ, скверный и мелкій процентчикъ Де-Гріе. Это даже останется, такъ сказать, изъ одного упрямства и самолюбія, потому что тотъ же самый Де-Гріе явился ей когда то въ ореолѣ изящнаго маркиза, разочарованнаго либерала и раззорившагося (будто бы?) помогая ея семейству и легкомысленному генералу. Всѣ эти продѣлки открылись послѣ. Но это ничего, что открылись: все-таки подавайте ей теперь прежняго Де-Гріе, — вотъ чего ей надо! И чѣмъ больше ненавидитъ она теперешняго Де-Гріе, тѣмъ больше тоскуетъ о прежнемъ, хотъ прежній и существовалъ только въ ея воображеніи. Вы сахароваръ, мистеръ Астлей?

— Да, я участвую въ компаніи извѣстнаго сахарнаго завода Ловель и Комп.

— Ну, вотъ видите, мистеръ Астлей. Съ одной стороны сахароваръ, а съ другой — Аполлонъ Бельведерскій; все это какъ-то не связывается. А я даже и не сахароваръ; я просто мелкій игрокъ на рулеткѣ, и даже въ лакеяхъ былъ, что навѣрное уже извѣстно миссъ Полинѣ, потому что у ней, кажется, хорошая полиція.

— Вы озлоблены, а потому и говорите весь этотъ вздоръ, — хладнокровно и подумавъ сказалъ мистеръ Астлей. Кромѣ того, въ вашихъ словахъ нѣтъ оригинальности.

— Согласенъ! Но въ томъ-то и ужасъ, благородный другъ мой, что всѣ эти мои обвиненія, какъ ни устарѣли, какъ ни пошлы, какъ ни водевильны, — а все-таки истинны! Все-таки мы съ вами ничего не добились!

— Это гнусный вздоръ... потому, потому... знайте же! произнесъ мистеръ Астлей дрожащимъ голосомъ и сверкая глазами, — знайте же, неблагодарный и недостойный, мелкій и несчастный человѣкъ, что я прибылъ въ Гомбургъ нарочно, по ея порученію, для того, чтобы увидѣть васъ, говорить съ вами долго и сердечно, и передать ей все, — ваши чувства, мысли, надежды и... воспоминанія!

— Неужели! неужели? вскричалъ я, и слезы градомъ потекли изъ глазъ моихъ. Я не могъ сдержать ихъ, и это, кажется, было въ первый разъ въ моей жизни.

— Да, несчастный человѣкъ, она любила васъ и я могу вамъ это открыть, потому что вы — погибшій человѣкъ! Мало того, если я даже скажу вамъ, что она до сихъ поръ васъ любитъ, то — вѣдь вы все равно здѣсь останетесь! Да, вы погубили себя. Вы имѣли нѣкоторыя способности, живой характеръ и были человѣкъ не дурной; вы даже могли быть полезны вашему отечеству, которое такъ нуждается въ людяхъ, но — вы останетесь здѣсь, и ваша жизнь кончена. Я васъ невиню. На мой взглядъ всѣ русскіе таковы, или склонны быть таковыми. Если не рулетка, такъ другое, подобное ей. Исключенія слишкомъ рѣдки. Не первый вы не понимаете, что такое трудъ (я не о народѣ вашемъ говорю). Рулетка — это игра по преимуществу русская. До сихъ поръ, вы были честны и скорѣе захотѣли пойдти въ лакеи, чѣмъ воровать... но мнѣ страшно подумать, что можетъ быть въ будущемъ. Довольно, прощайте! Вы, конечно, нуждаетесь въ деньгахъ? Вотъ отъ меня вамъ десять луидоровъ, больше не дамъ, потому что вы ихъ, все равно, проиграете. Берите и прощайте! Берите-же!

— Нѣтъ, мистеръ Астлей, послѣ всего теперъ сказаннаго...

— Бе-ри-те! вскричалъ онъ. — Я убѣжденъ, что вы еще благородны и даю вамъ, какъ можетъ дать другъ истинному другу. Еслибъ я могъ быть увѣренъ, что вы сейчасъ же бросите игру, Гомбургъ и поѣдете въ ваше отечество, — я бы готовъ былъ немедленно дать вамъ

тысячу фунтовъ для начала новой карьеры. Но я потому именно не даю тысячи фунтовъ, а даю только десять луидоровъ, что тысяча-ли фунтовъ, или десять луидоровъ — въ настоящее время для васъ совершенно одно и то же; все одно — проиграете. Берите и прощайте.

— Возьму, если вы позволите себя обнять на прощаньѣ.

— О, это съ удовольствіемъ!

Мы обнялись искренно и мистеръ Астлей ушелъ.

Нѣтъ, онъ не правъ! Если я былъ рѣзокъ и глупъ на счетъ Полины и Де-Гріе, то онъ рѣзокъ и скоръ на счетъ русскихъ. Про себя, я ничего не говорю. Впрочемъ... впрочемъ все это покамѣстъ не то: Все это слова, слова и слова, а надо дѣла! Тутъ теперь главное Швейцарія! Завтра же, — о, еслибъ можно было завтра же и отправиться! Вновь возродиться, воскреснуть. Надо имъ доказать... Пусть знаетъ Полина, что я еще могу быть человѣкомъ. Стоитъ только... теперь ужъ впрочемъ поздно, — но завтра... О, у меня предчувствіе, и это не можетъ быть иначе! У меня теперь пятнадцать луидоровъ, а я начиналъ и съ пятнадцатью гульденами! Если начать осторожно... — и неужели, неужели ужъ я такой малый ребенокъ! Неужели я не понимаю, что я самъ погибшій человѣкъ. Но — почему-жь я не могу воскреснуть. Да! стоитъ только хоть разъ въ жизни быть расчетливымъ и терпѣливымъ и — вотъ и все! Стоитъ только хоть разъ выдержать характеръ, и я въ одинъ часъ могу всю судьбу измѣнить! Главное характеръ. Вспомнить только, что было со мною въ этомъ родѣ семь мѣсяцевъ назадъ въ Рулетенбургѣ, предъ окончательнымъ моимъ проигрышемъ. О, это былъ замѣчательный случай рѣшимости: я проигралъ тогда все, все... Выхожу изъ воксала, смотрю — въ жилетномъ карманѣ шевелится у меня еще одинъ гульденъ: «А, стало быть, будетъ на что пообѣдать!» подумалъ я, но, пройдя шаговъ сто, я передумалъ и воротился. Я поставилъ этотъ гульденъ на *manque* (тотъ разъ было на *manque*), и право есть что то особенное въ ощущеніи, когда одинъ, на чужой сторонѣ, далеко отъ родины, отъ друзей и не зная, что сегодня будешь ѣсть, ставишь послѣдній гульденъ, самый, самый послѣдній!» Я выигралъ и черезъ двадцать минутъ вышелъ изъ воксала, имѣя сто семьдесятъ гульденовъ въ карманѣ. Это фактъ-съ! Вотъ что можетъ иногда значить послѣдній гульденъ! А что, еслибъ я тогда упалъ духомъ, еслибъ я не посмѣлъ рѣшиться?...

Завтра, завтра все кончится! —